ИСКУССТВО

ВЪ

ГРЕЦІИ.

ПЯТЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ РЯДЪ ЛЕКЦІЙ,

читанныхъ въ École des Beaux-arts въ Парижѣ.

Ипполита Тэна.

Переводъ

А. Н. Чудинова.

Выпускъ III.

Перепечатано изъ „Филологическихъ Записокъ."

ВОРОНЕЖЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1874.

Дозволено Цензурой. Москва, 3 Іюня 1874 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

От автора . . . . . . - 1— 2.

Часть первая.

Племя . . 3.

Глава I. . . . . 4—12.
Глава II. . . . . 12—18.
Глава III. . . . . 19—28.
Глава IV. . . . . 29—38.
Глава V. . . . . 38—44.

Часть вторая.

Историческій моментъ . 45—46.

Глава I. . . . . 46—54.
Глава II. . . . . 54—65.
Глава III. . . . . 65—74.

Часть третья.

Учрежденія грековъ.

Глава I. . . . . . . 75—89.
Глава II. . . . . . . 89—104.
Глава III. . . . . . . 104—120.

ИСКУССТВО ВЪ ГРЕЦІИ.

ПЯТЫЙ И ПОСЛѢДНІЙ РЯДЪ ЛЕКЦІЙ

Ип. Тэна.

(Посвящается Генриху Леману, живописцу.)

Отъ автора.

Скульптура въ Греціи.—Что намъ осталось отъ нея.—Недостатокъ памятниковъ. Необходимость изученія среды.

Въ теченіе предъидущихъ лѣтъ, я представилъ вамъ исторію двухъ великихъ самобытныхъ школъ, которыя, въ новое время, посвятили себя изображенію человѣческаго тѣла: Итальянской и Нидерландской. Заканчивая настоящій курсъ моихъ чтеній, мнѣ остается лишь познакомить васъ съ самой великой и самой своеобразной изъ всѣхъ ихъ древней Греческой школой. На этотъ разъ, я не буду говорить вамъ о живописи. За исключеніемъ вазъ, нѣсколькихъ мозаикъ, да небольшихъ стѣнныхъ украшеній въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, памятники античной живописи всѣ погибли; мы ничего не можемъ сказать о нихъ точнаго. Къ тому же,. для изображенія человѣческаго тѣла, въ Греціи существовало искусство болѣе національное, болѣе приспособленное къ нравамъ и умственному настроенію общества, вѣроятно, болѣе обработанное и совершеннѣйшее—скульптура; предметомъ моихъ чтеній, на этотъ разъ, и будетъ греческая скульптура.

Къ несчастью, и здѣсь, какъ во всемъ остальномъ, древность сохранила по себѣ однѣ развалины.

Все, дошедшее до насъ изъ древнихъ изваяній, — ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что погибло Мы остались при двухъ головахъ [1]) и, на основаніи ихъ, должны возсоздать себѣ колоссальныхъ боговъ, въ которыхъ выразилась идея великаго вѣка и величіе которыхъ наполняло собою греческіе храмы; мы не имѣемъ ни одного обломка, достовѣрно принадлежащаго Фидіасу; мы составили себѣ понятіе о Миронѣ, Поликлетѣ, Праксителѣ, Скопасѣ и Лизиппѣ лишь по нѣсколькимъ болѣе или менѣе неточнымъ и сомнительнымъ копіямъ и подражаніямъ. Прекрасныя статуи нашихъ музеевъ относятся обыкновенно къ эпохѣ римскаго господства или —далѣе всего—ко времени распаденія монархіи Александра. Да и то лучшія изъ нихъ разбиты. Вашъ музей мраморныхъ изваяній похожъ на поле битвы послѣ сраженія: только и видишь туловища, головы, отдѣльные члены. Наконецъ, ко всему этому добавьте еще, что у насъ чувствуется полный недостатокъ жизнеописаній художниковъ. Понадобились всѣ усилія самой широкой и терпѣливой эрудиціи [2]), чтобы въ какомъ нибудь отрывкѣ Плинія, въ нѣсколькихъ плохихъ описаніяхъ Павзанія, въ трехъ-четырехъ отдѣльныхъ предложеніяхъ Цицерона, Лукіана или Квинтиліана, открыть хронологію художниковъ, данныя для заключенія о родствѣ школъ, характерѣ талантовъ, постепенномъ развитіи и искаженіи искусства. Чтобы пополнить пробѣлы, у насъ есть одно только средство: за недостаткомъ обстоятельной, подробной исторіи, у насъ есть общая исторія; въ данномъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда либо, намъ необходимо, для пониманія художественнаго произведенія, разсмотрѣть народъ, создавшій его, нравы, вдохновившіе творца его, и среду, въ которой оно получило жизнь.

---

[1]) Голова Юноны на виллѣ Людовизи. Голова Юпитера Отриколькскаго.

[2]) Geschichte der griechischen Plastik, von J. Overbeck:—Künstler Geschichte, von Brunn.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Племя.

Постараемся, прежде всего, представить себѣ точнымъ образомъ это племя, и для того разсмотримъ страну. Народъ всегда получаетъ отпечатокъ обитаемой имъ мѣстности, но отпечатокъ этотъ оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе народъ этотъ находился въ дикомъ и младенческомъ состояніи въ моментъ поселенія его на данной мѣстности. Когда французы колонизировали островъ Бурбонъ или Мартинику, когда англичане поселились въ сѣверной Америкѣ и Австраліи, они принесли съ собою оружіе, инструменты, искусства, ремесла, учрежденія, идеи, короче—полную и старую цивилизацію, съ которою имъ не трудно было удержать извѣстную однажды пріобрѣтенную физіономію и противостоять вліянію новой среды. Но если новый и безоружный человѣкъ отдается на борьбу съ природой, она охватываетъ его со всѣхъ сторонъ, передѣлываетъ по-своему, выливаетъ по своей формѣ, и нравственная глина, совершенно еще мягкая и податливая, сжимается и мѣсится подъ давленіемъ физическихъ силъ, противу которыхъ прошлое его не можетъ доставить ему никакого оплота. Языковѣды открываютъ намъ первичную эпоху, въ теченіе которой индусы, персы, германцы, кельты, римляне и греки имѣли одинъ и тотъже языкъ и одну и туже степень культуры; открываютъ и менѣе древнюю эпоху, въ которую римляне и греки, уже отдѣленные отъ другихъ своихъ братьевъ, не были еще раздѣлены другъ отъ друга [1]),

---

[1]) Моммсена, Roemische Geschichte т. 1-й, стр. 21.—Русскій переводъ А. Станкевича.

знали добываніе вина, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, имѣли весельныя судна и къ древнимъ ведаическимъ божествамъ своимъ присоединили новое—Гестію или Весту, огонь очага. Это—едва лишь начальные зародыши первой культуры; если они уже не дикари, то все же еще варвары. Съ этого времени, обѣ вѣтви, вышедшія изъ одного и того-же ствола, начинаютъ раздѣляться; когда мы встрѣчаемся съ ними позднѣе, то ихъ строеніе и ихъ плоды уже не только не одинаковы, но представляютъ очевидное различіе; одна изъ вѣтокъ пускаетъ ростокъ въ Италіи, другая—въ Греціи; поэтому мы должны разсмотрѣть окружающую обстановку греческаго растенія и сообразить, не объяснятъ-ли намъ вскормившіе его воздухъ и почва всѣхъ особенностей его формы и направленія, принятаго его развитіемъ.

I.

Вліяніе физической среды на развитіе дикихъ народовъ.—Родство грека и римлянина.—Обстоятельства, раздѣлявшія эти народы. Климатъ.—Вліяніе его благотворности.—Почва гориста и скудна.—Скромность обитателей.—Повсемѣстное присутствіе моря.—Все располагаетъ къ недалекому плаванію.—Греки моряки и путешественники.—Ихъ врожденная утонченность и раннее воспитаніе.

Бросимъ взглядъ на карту. Греція—полуостровъ въ формѣ треугольника; основаніемъ своимъ опираясь въ Европейскую Турцію, она отдѣляется отъ нея, растягивается къ югу, врѣзывается въ море и снова расширяется у Коринѳскаго перешейка, образуя по ту сторону, еще южнѣе, почти островъ—Пелопонезъ, нѣчто въ родѣ шелковичнаго листика, узенькимъ стебелькомъ своимъ соединяющагося съ материкомъ. Прибавьте къ нему еще сотню острововъ и

находящійся предъ ними азіатскій берегъ; рядъ маленькихъ государствъ, изящной бахромою обшивающихъ громадный материкъ варваровъ, и множество острововъ, какимъ-то полуостровомъ разсѣянныхъ на ярко-голубомъ морѣ, окаймленномъ этой бахрамой,—такова страна, вскормившая и образовавшая этотъ столь хитрый и умный народъ. Она оказалась замѣчательнымъ образомъ приспособленною для такого дѣла. Къ сѣверу [1]) отъ Эгейскаго моря, климатъ еще суровъ, въ родѣ климата центральной Германіи; въ Румеліи совсѣмъ не извѣстны плоды юга; по берегу ея не растетъ миртъ Но чѣмъ далѣе спускаетесь вы къ югу, вступая въ Грецію, тѣмъ поразительнѣе становится контрастъ. На 40 градусѣ, въ Ѳессаліи, начинаются лѣса деревьевъ, вѣчно покрытые зеленью; на 39 градусѣ, въ Фтіотидѣ, подъ вліяніемъ теплаго морскаго и береговаго воздуха, растетъ рисъ, хлопчатникъ и оливковое дерево. Въ Эвбеѣ и Аттикѣ встрѣчаются уже пальмы; Цикладскіе острова обилуютъ ими, а восточный берегъ Арголиды густо покрытъ лимонными и померанцовыми деревьями; въ одномъ мѣстѣ на островѣ Критѣ растетъ даже африканская финиковая пальма. Въ Аѳинахъ—этомъ средоточіи греческой цивилизаціи—самые нѣжнѣйшіе плоды юга растутъ сами собою, безъ всякаго ухода. Морозы тамъ бываютъ не чаще одного въ теченіе двадцати лѣтъ; страшный лѣтній жаръ смягчается морской прохладой; за исключеніемъ порывовъ вѣтра со стороны Ѳракіи и взрывовъ сирокко, температура тамъ отмѣнная; теперь даже [2]) „народъ имѣетъ обыкновеніе ночевать на улицахъ съ половины мая и до конца сентября; женщины спятъ на тер-

---

[1]) Курціуса, Griechische Geschichte, т. 1-й, стр. 4.

[2]) См. также знаменитый хоръ у Софокла въ «Эдипѣ въ Колонѣ»: Euippou, Xène, tès chôras.

рассахъ.“ Въ такой странѣ всѣ живутъ на открытомъ воздухѣ. Сами древніе признавали свой климатъ за особенный даръ боговъ: „пріятна и умѣренна, говоритъ Эврипидъ, наша атмосфера; зимній холодъ для насъ не суровъ, а стрѣлы Өеба не наносятъ намъ ударовъ.“ Въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавляетъ: „О вы, исходящіе отъ Эрехтея, издревле блаженные, любимыя дѣти благодатныхъ боговъ, въ своей священной и непобѣдимой отчизнѣ пожинаете вы доблестную мудрость, подобно плоду земли своей, и ходите вы съ чувствомъ сладкаго довольства въ лучезарномъ эөирѣ вашего неба, гдѣ священныя музы — Пиериды, въ числѣ девяти, вскармливаютъ златокудрую Гармонію, общее дитя ваше. Говорятъ также, что богиня Киприда зачерпнула нѣсколько волнъ изъ прекрасно-струистаго Илисса и разсѣяла ихъ по странѣ въ видѣ сладко-прохладнаго зефира и что прелестная богиня, украшая себя благовонными розами, всегда посылаетъ амуровъ, чтобы они присоединились къ почтенной Мудрости и поддерживали въ странѣ всякія добродѣтельныя дѣла.“ [1]). Это, разумѣется, красивыя фразы поэта, но сквозь воспѣванія эти проглядываетъ и истина. Народъ, сложившійся подъ такимъ климатомъ, развивается быстрѣе и гармоничнѣе всякаго другаго; человѣка не изнуряетъ и не разслабляетъ чрезмѣрный жаръ, ему не приходится коченѣть и застывать отъ сильнаго холода. Онъ не осужденъ ни на мечтательное бездѣйствіе, ни на безустанную подвижность; онъ не застрянетъ на мистическихъ созерцаніяхъ или на животномъ варварствѣ. Сравните неаполитанца или провансальца съ какимъ-нибудь бретонцемъ, голландцемъ или индусомъ, и вы сейчасъ-же увидите, на сколько пріятная и умѣренная физическая природа равномѣрно оживляетъ душу, располагая легкій и скорый умъ къ мышленію и дѣятельности.

[1]) About, La Grèce contemporaine, стр. 345.

Два существенныхъ качества почвы дѣйствуютъ въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Прежде всего, Греція — это сѣть горъ. Пиндъ, ея главный хребетъ, продолженіемъ котораго на югѣ служатъ: Отрисъ, Эта, Парнассъ, Геликонъ, Цитеронъ съ ихъ отростками, образуетъ цѣпь, многочисленныя звѣнья которой проходятъ по ту сторону перешейка, вздымаясь и загромождая собою Пелопонезъ; окрестные острова опять таки хребты или одинокія горныя вершины. Земля эта, изборожденная такимъ образомъ, почти лишена равнинъ; вездѣ утесы и скалы, какъ въ нашемъ Провансѣ; три пятыхъ пространства оказываются негодными для земледѣлія. Взгляните на *Виды и пэйзажи* Штакельберга; повсюду голый камень; маленькія рѣчёнки и ручьи оставляютъ между своимъ полувысохшимъ русломъ и скудной скалой узенькую полоску плодородной земли. Уже Геродотъ противопоставлялъ Сицилію и южную Италію, этихъ разжирѣвшихъ кормилицъ, чахлой Греціи, „которая при рожденіи своемъ имѣла молочной сестрой нищету.“ Собственно въ Аттикѣ хуже и скуднѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ; оливковыя деревья, виноградная лоза, ячмень и немного хлѣбныхъ растеній — вотъ все, что производитъ она для человѣка. На этихъ прекрасныхъ мраморныхъ островахъ, блещущихъ среди лазури Эгейскаго моря, вы найдете то тамъ, то сямъ какой-нибудь священный лѣсъ, кипры, лавровыя деревья, пальмы, букетъ изящной зелени, густые виноградники на скалистыхъ берегахъ, въ садахъ превосходные плоды, нѣсколько маленькихъ нивъ въ какой-нибудь расщелинѣ или на скатѣ горы; но вы тамъ болѣе найдете пищи для глазъ и для самыхъ утонченныхъ чувствъ, чѣмъ для желудка и положительныхъ потреб-

ностей тѣла. Подобная страна способна произвести статныхъ, дѣятельныхъ и всевыносливыхъ существъ, вскормленныхъ чистымъ воздухомъ. Теперь еще [1]) количество пищи, потребляемой англійскимъ земледѣльцемъ, хватило-бы въ Греціи на цѣлое семейство изъ шести человѣкъ; богатые совершенно довольствуются за обѣдомъ блюдомъ овощей, бѣдные—горстью маслинъ или кускомъ соленой рыбы; народъ покупаетъ говядину на Рождество, одинъ разъ въ годъ. Въ этомъ отношеніи, любопытно взглянуть на нихъ въ Аѳинахъ лѣтомъ. Одна голова ягненка въ шесть су идетъ у лакомокъ на семь или восемь человѣкъ. Люди умѣренные покупаютъ себѣ ломоть арбуза или большой огурецъ и уплетаютъ его какъ яблоко. Пьяницъ совсѣмъ нѣтъ: единственный любимый у нихъ напитокъ, которымъ они опиваются,—чистая вода. Если они заходятъ въ трактиръ, то для того лишь, чтобы поболтать; въ кафэ они спрашиваютъ себѣ чашку кофе, стаканъ воды, огня для своей сигары, газету и домино: этого достаточно для ихъ развлеченія на весь день. Подобный строй жизни не слишкомъ стѣсняетъ умъ; уменьшая дѣятельность желудка, онъ увеличиваетъ работу мысли. Еще древніе замѣчали соотвѣтственную противоположность между Беотіей и Аттикой, обитателемъ той и обитателемъ другой страны: одинъ, откормленный на тучныхъ лугахъ и посреди густаго воздуха, привыкшій къ грубой пищѣ и угрямъ изъ озера Копаиса, представляетъ изъ себя любителя поѣсть, попить и отличается нѣкоторой тупостью пониманія; другой, рожденный на самой сквернѣйшей почвѣ Греціи, довольствующійся рыбьей головкой, луковицей, да нѣсколькими маслинами, взлелѣянный въ легкомъ, прозрачномъ и свѣтломъ воздухѣ, обнаруживаетъ со дня рожденія своего необыкновенную утонченность и живость мысли, изобрѣтаетъ, наслаждается, чувствуетъ, безпрерывно готовъ на новыя предпріятія, ни о чемъ не заботится другомъ и относится съ полнымъ довѣріемъ къ своей мыслительной дѣятельности.

[1]) About, La Grèce contemporaine, стр. 41.

Съ другой стороны, Греція—страна не только гористая, но и приморская. Уступая, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Португаліи, она далеко превосходитъ всю Испанію. Море врѣзывается въ нее множествомъ заливовъ, извилинъ, впадинъ и зубцовъ; если вы взглянете на виды, привозимые путешественниками, то въ большей половинѣ ихъ, даже въ мѣстахъ, расположенныхъ внутри страны, увидите синюю ленту моря, треугольникомъ или блестящимъ полукругомъ окаймляющую горизонтъ. Чаще всего, вокругъ этого моря поднимаются скалы или острова, которые, сближаясь, образуютъ естественную гавань. Подобное положеніе склоняетъ къ морской жизни, въ особенности если скудная почва и скалистые берега не могутъ въ достаточномъ количествѣ снабжать жителей пищею. Первоначально существовало одно только плаваніе вдоль береговъ, и тутъ именно мы находимъ море едва-ли не самое удобное въ этомъ отношеніи. Каждое утро сѣверный вѣтеръ открываетъ попутный ходъ баркамъ изъ Аѳинъ въ Циклады; каждый вечеръ обратный вѣтеръ возвращаетъ ихъ въ родную гавань. Отъ Греціи и до Малой Азіи густо разсыпаны острова, виднѣющіеся подобно камешкамъ на отмели; въ ясную погоду, судно, идущее по этому пути, постоянно можетъ имѣть на виду берегъ. Съ Корциры видна Италія, съ мыса Малея—вершины горъ на островѣ Критѣ, съ Крита—Родосскія горы, съ Родоса—Малая Азія; отъ Крита до Кирены два дня плаванія; въ Египетъ можно добраться, вы-

ѣхавъ изъ Крита, черезъ три дня. Теперь еще [1]) „въ каждомъ грекѣ скрывается жилка моряка“ [2]). Въ этой странѣ, имѣющей всего девятьсотъ тысячъ населенія, въ 1840 г., числилось тридцать тысячъ моряковъ и четыре тысячи кораблей; они держатъ въ своихъ рукахъ почти всю береговую торговлю на Средиземномъ морѣ. Еще во времена Гомера мы находимъ у нихъ тѣ-же нравы; ежеминутно какой-нибудь корабль спускается на море; Улиссъ собственноручно сооружаетъ себѣ судно; тогда же началась торговля и плаваніе по окружающимъ берегамъ. Въ первобытную эпоху и въ теченіе всей ихъ исторической жизни, они не переставали быть купцами, путешественниками, морскими разбойниками, маклерами и искателями приключеній; ловкой или сильной рукой доили они себѣ поживу съ тучныхъ монархій востока или съ варваровъ запада, привозили себѣ золото, серебро, слоновую кость, рабовъ, строевой лѣсъ, разныя драгоцѣнности,—и все это по дешевой цѣнѣ; кромѣ того, быстро перенимали они у другихъ ихъ изобрѣтенія и идеи, обращаясь за ними и въ Египетъ, и въ Фи-

[1]) About, La Grèce contemporaine, стр. 146.

[2]) «Два островитянина встрѣчаются на набережной въ г. Сирѣ.—Здравствуй, братъ, какъ поживаешь?—Недурно, спасибо; что новенькаго?—Димитрій, сынъ Николая, возвратился изъ Марсели.—Много онъ заработалъ денегъ?—Говорятъ: 23,600 драхмъ; это порядочная сумма.—Давно ужъ я подумываю, какъ-бы отправиться въ Марсель, да у меня нѣтъ судна.—Если бы ты захотѣлъ, мы могли бы вдвоемъ соорудить себѣ судно. У тебя есть лѣсъ?—Есть немного.—Ну, да на судно хватитъ; я имѣю парусный холстъ, а двоюродный братъ мой Іоаннъ канаты,—вотъ мы и сложимся втроемъ.—Кто будетъ управлять судномъ?—Іоаннъ: ему уже приходилось совершать плаваніе.—Нужно бы намъ еще мальчика въ подмогу.—А насынокъ-то мой Василій?—Восьмилѣтній ребенокъ! Маловатъ будетъ.—Для плаванія годится.—А чѣмъ-же мы нагрузимъ судно?—Сосѣдъ нашъ Петръ имѣетъ кое-что изъ хозяйственныхъ припасовъ, у отца нѣсколько бочекъ вина, да я знаю одного человѣка изъ Тиноса, у котораго есть хлопокъ; если желаешь, мы заѣдемъ еще въ Смирну за шелкомъ.—Кое-какъ сооружается судно; весь экипажъ набирается изъ одного или двухъ семействъ; у сосѣдей и пріятелей забирается все, что только

никію, и въ Халдею, и въ Персію [1]), и въ Этрурію. Подобный строй жизни утончаетъ и необыкновенно возбуждаетъ работу мысли. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что самые могущественные, самые образованные, самые умные изъ народовъ древней Греціи—всѣ были моряками: Іонійцы Малой Азіи, колоніи великой Греціи, Коринѳяне, Эгины, Сикіоняне, Аѳиняне. Напротивъ, Аркадцы, замкнутые въ своихъ горахъ, оставались грубыми и дикими; равнымъ образомъ, Акарняне, Озольскіе Локридяне, дѣйствовавшіе на другомъ, менѣе благопріятномъ морѣ и никогда не бывшіе путешественниками, оставались до конца полу-варварами; въ эпоху римскаго завоеванія, сосѣди ихъ, Этолійцы, имѣли еще небольшіе пригороды безъ стѣнъ и жили грубымъ разбоемъ. Стремленіе, двинувшее другія племена, не коснулось ихъ. Таковы были физическія обстоятельства, съ самаго начала оказавшіяся благопріятными пробужденію мысли. Народъ этотъ можно сравнить съ роемъ пчелъ, которыя, родившись подъ чуднымъ небомъ, но на скудной почвѣ, пользуются открытыми предъ ними воздушными путями, собираютъ повсюду жатву, ходятъ на добычу, роятся, ловко обороняются своимъ жаломъ, воздвигаютъ тончайшія постройки, приготовляютъ великолѣпный медъ, и при этомъ вы видите ихъ всегда на сторожѣ, жужжащихъ и снующихъ туда и сюда, посреди окружающихъ ихъ громадныхъ тварей, которыя способны лишь пас-

имѣется у нихъ для сбыта, и мореплаватели отправляются въ Марсель, завернувъ по дорогѣ въ Смирну, или даже въ Александрію; тамъ распродается весь грузъ, набирается новый, и по возвращеніи въ Смирну издержки на постройку судна оказываются окупленными, да компаньоны раздѣляютъ еще между собою нѣсколько драхмъ чистой прибыли.»

[1]) Алкей хвалитъ своего брата за то, что тотъ ходилъ на войну въ Вавилонію и привезъ съ собою кинжалъ съ ручкой изъ слоновой кости.—Разсказъ Менелая въ «Одиссеѣ».

тись подъ надзоромъ пастуха или безцѣльно толкаться въ своемъ стадѣ.

Въ наше еще время, какъ ни глубоко ихъ паденіе [1]), „они столько-же умны, какъ и любой изъ народовъ, и нѣтъ такого, такъ сказать, умственнаго труда, на который они не были-бы способны. Они понимаютъ все скоро и хорошо: съ поразительной легкостью научаются они всему, что только хотятъ изучить. Молодые купцы быстро овладѣваютъ возможностью говорить на пяти-шести языкахъ. Рабочіе, въ нѣсколько мѣсяцевъ, изучаютъ довольно порядочно самое трудное мастерство. Цѣлое селеніе, съ священникомъ во главѣ, способно сбѣжаться, разспрашивать и съ любопытствомъ выслушивать путешественниковъ.“ Особенно замѣчательнымъ представляется неутомимое прилежаніе учениковъ, большихъ и маленькихъ; даже слуги, исполняя свое трудное дѣло, находятъ иногда время, чтобы приготовиться къ экзамену на званіе адвоката или медика. „Въ Аѳинахъ вы встрѣтите самыхъ разнообразныхъ учениковъ,—нѣтъ только такихъ, которые ничему не учатся.“ Въ этомъ отношеніи, ни одно племя не одарено такъ богато самой природой—всѣ обстоятельства, казалось, соединились тутъ, чтобы содѣйствовать развитію ихъ ума и совершенствованію ихъ способностей.

II.

Слѣды этого характера въ ихъ исторіи.—Улиссъ.—Грекъ эпохи римскаго господства.—Наклонность къ чистой наукѣ и отвлеченному доказательству.—Открытія въ наукахъ.—Обобщенія въ философіи.—Діалектики и софисты.—Аттическій вкусъ.

Прослѣдимъ эту черту въ ихъ исторіи. Обратимся ли къ ихъ практической жизни, или къ ихъ міросозерцанію, во всякомъ случаѣ, вездѣ мы видимъ тонкій, находчивый и геніальный умъ. Странно даже: при самомъ зарожденіи цивилизаціи, когда обыкновенно человѣкъ отличается еще буйствомъ, наивностью и грубостью, одинъ изъ двухъ греческихъ героевъ, нѣжный Улиссъ—человѣкъ осторожный, предусмотрительный, хитрый, неистощимый въ измышленіи средствъ, въ надувательствахъ, ловкій мореплаватель, вѣчно не забывающій про свои выгоды Возвратясь переодѣтымъ, онъ совѣтуетъ своей женѣ выманить отъ ухаживателей побольше ожерелій и запястій, и убиваетъ ихъ тогда только, когда они уже обогатили его. Когда Цирцея отдается ему или Калипсо предлагаетъ ѣхать, онъ благоразумно заставляетъ ихъ предварительно произнести клятву. Если требуютъ отъ него назвать свое имя, у него всегда оказывается наготовѣ какая нибудь новая исторія или родословная. Сама Паллада, которой, не зная, кто она, Улиссъ разсказываетъ обычныя свои сказки, хвалитъ и восхищается имъ: „О хитрецъ, обманщикъ, пройдоха, неистощимый въ плутняхъ, превзойти въ ловкости тебя могутъ развѣ лишь безсмертные боги!“ Сыновья оказываются достойными отца: въ концѣ, какъ и при началѣ цивилизаціи, умъ преобладаетъ у нихъ надъ всѣмъ; онъ всегда опережалъ ихъ природный характеръ и теперь переживаетъ его. Съ потерею независимости страны, грекъ является диллетантомъ, софистомъ, риторомъ, переписчикомъ, критикомъ, наёмнымъ философомъ; потомъ, въ эпоху Римскаго господства, онъ превращается въ паразита, шута, сводника, вѣчно вертляваго, проворнаго, всегда готоваго къ услугамъ въ томъ видѣ, въ какомъ это окажется нужнымъ, исполняющаго всякое ремесло, согласующагося съ каждымъ характеромъ, вывертывающагося изъ любой бѣды, безконечно ловка-

---

[1]) Абу, «Современная Греція.»

го, перваго родоначальника Скапиновъ, и всѣхъ умныхъ чудаковъ, которые, имѣя голову единственнымъ своимъ богатствомъ, пользуются ею, чтобы жить на счетъ другихъ.—Обратимся къ ихъ чудной эпохѣ и разсмотримъ величайшее изъ созданій греческаго духа, которое болѣе всего склоняетъ къ нимъ симпатіи и восхищеніе цѣлаго свѣта; мы говоримъ о ихъ наукѣ, которая если и явилась, то въ силу того же инстинкта и тѣхъ-же потребностей. Какой-нибудь финикіянинъ-купецъ имѣетъ ариѳметическіе знаки для своихъ расчетовъ; египтянинъ, земледѣлецъ и каменьщикъ, владѣетъ геометрическими знаніями, чтобы складывать въ кучу груды своего песчанника и размѣрять свое поле, ежегодно покрываемое разливами Нила. Техника эта и эта рутина переходятъ отъ нихъ къ греку; но они не удовлетворяютъ его: ему мало промышленнаго и торговаго примѣненія; онъ отличается пытливостью и спекулятивной наклонностью; онъ хочетъ знать, *почему* все это дѣлается такъ или иначе, хочетъ знать причину вещей [1]); онъ ищетъ отвлеченной причины и слѣдуетъ по тонкой нити идей, приводящихъ отъ одной теоремы къ другой. Болѣе чѣмъ за 600 лѣтъ до Р. Х., Ѳалесъ доказывалъ уже равенство угловъ равнобедреннаго треугольника. Древніе передаютъ, что Пиѳагоръ пришелъ въ такой восторгъ, найдя рѣшеніе своей теоремы о треугольникѣ, построенномъ на гипотенузѣ, что обѣщалъ богамъ гекатомбу. Ихъ интересуетъ собственно истина: Платонъ, увидѣвъ, что

[1]) Ѳеэтетъ, Платона. См. всѣ рѣчи Ѳеэтета и сближенія, дѣлаемыя имъ между лицами и числами.—См. также начало «Соперниковъ.»—Въ этомъ отношеніи, особенно поучителенъ Геродотъ (кн. II. 29). Никто изъ египтянъ не могъ дать ему отвѣта на вопросъ о причинѣ періодическихъ разливовъ Нила. Ни жрецы, ни свѣтскіе люди не составили себѣ никакого объясненія, хотя-бы даже гипотетическаго, относительно столь близкаго имъ предмета.—Напротивъ, греки успѣли придумать уже три рода объясненій этого явленія. Геродотъ опровергаетъ ихъ и предлагаетъ четвертое.

сицилійскіе математики примѣняютъ свои открытія къ построенію машинъ, ставилъ имъ это въ упрекъ, говоря, что они унижаютъ науку; по его мнѣнію, ей слѣдовало ограничиваться созерцаніемъ идеальныхъ линій. Дѣйствительно, греки двигали науку впередъ, не заботясь о практической ея пригодности. Напр., ихъ изслѣдованія о свойствахъ коническихъ сѣченій нашли примѣненіе лишь спустя семнадцать столѣтій, когда Кеплеръ открылъ законы движенія планетъ. Въ этомъ дѣлѣ, являющемся основаніемъ всѣхъ нашихъ точныхъ наукъ, ихъ анализъ оказывается до того безупречнымъ, что теперь еще въ Англіи геометрія Эвклида употребляется въ качествѣ учебнаго руководства [1]). Разложить идеи на составныя ихъ части, отмѣтить ихъ взаимную связь, образовать изъ нихъ цѣпь такимъ образомъ, чтобы въ ней не было пропущено ни одного звѣна, и вся она примыкала къ какой-нибудь безспорной аксіомѣ или группѣ частныхъ наблюденій, находить наслажденіе въ выковываніи, связываніи, соединеніи и испытаніи каждой изъ этихъ цѣпей, не имѣя другой цѣли, кромѣ желанія видѣть ихъ все болѣе и болѣе надежными и все болѣе и болѣе многочисленными,—вотъ особенное призваніе греческаго ума. Они мыслятъ для того,

[1]) Послѣднее обстоятельство едва-ли можетъ служить аргументомъ въ пользу современнаго значенія книги Эвклида, хотя этимъ, конечно, мы нисколько не имѣемъ въ виду умалить исторической ея важности. Такъ называемыя въ Англіи grammar schools, въ которыхъ не только геометрія заучивается по Эвклиду, но и классическіе языки преподаются по Донату и Присціану, а отечественный совершенно исключенъ изъ учебнаго курса, упорно держатся традиціонныхъ порядковъ, завѣщанныхъ еще эпохою Возрожденія. Тамъ въ полномъ ходу и тѣлесное наказаніе, и въ высшей степени безнравственный обычай т. н. fagging, въ силу котораго младшіе воспитанники отправляютъ *всякаго* рода обязанности прислуги при старшихъ. Съ точки зрѣнія автора, поэтому, при нѣкоторой послѣдовательности, можно было-бы, пожалуй, возвести въ плодотворный педагогическій пріемъ и тѣ побои, какіе получаетъ маленькій fag отъ своего master'а за плохо вычищенные сапоги или неудачно изготовленный завтракъ!

Прим. переводчика

чтобы мыслить, и вотъ почему они создали науку. Всякое научное зданіе, какое воздвигаемъ мы въ настоящее время, опирается на фундаментѣ, заложенномъ ими; часто мы обязаны имъ первымъ этажемъ, иногда и цѣлой половиной зданія [1]); въ области математики, открывается рядъ изобрѣтателей отъ Пиѳагора до Архимеда; въ астрономіи—отъ Ѳалеса и Пиѳагора до Гиппарха и Птоломея; въ естественныхъ наукахъ—отъ Гиппократа до Аристотеля и Александрійскихъ анатомистовъ; въ исторіи—отъ Геродота до Ѳукидида и Полибія; въ логикѣ, политикѣ, морали, эстетикѣ—отъ Платона, Ксенофонта, Аристотеля и до стоиковъ и неоплатониковъ.—Люди, съ такою силою увлекающіеся идеями, не могли не полюбить самыя прекрасныя изъ нихъ, идеи обобщенія. Въ теченіе 11 ти столѣтій, отъ Ѳалеса до Юстиніана, ихъ философія не прекращала своего роста; постоянно новая система расцвѣтала надъ старой или на ряду съ нею; даже когда умозрѣніе сковано было клерикальными рамками, и тогда оно пролагало себѣ дорогу и пускало побѣги сквозь щели и разсѣлины Въ этомъ громадномъ складѣ, мы находимъ и теперь еще самыя плодотворчѣйшія изъ нашихъ гипотезъ [2]); они такъ много мыслили, голова ихъ была такъ хорошо сложена, что предположенія ихъ весьма часто сталкивались съ истиной.

Въ этомъ отношеніи, созданіе ихъ соперничаетъ лишь съ ихъ рвеніемъ. Въ глазахъ этого народа, два только занятія отличаютъ человѣка отъ скота, и грека отъ варвара: интересъ къ общественному дѣлу и изученіе философіи. Прочтите „Ѳеага“ и „Протагора“ Платона, и вы увидите тотъ едва сдерживаемый эн-

---

[1]) Геометрія Эвклида, ученіе о силлогизмѣ Аристотеля, ученіе о нравственности стоиковъ.

[2]) Идеи Платона, конечныя причины Аристотеля, атомы Эпикура, расширеніе и сжатіе стоиковъ.

тузіасмъ, съ какимъ самые молодые люди, сквозь тернія и шипы діалектики, стремятся къ идеямъ. Особенно поразительною представляется наклонность ихъ къ самой діалектикѣ; они любятъ охоту столько-же, какъ и добычу ея, самое путешествіе—столько-же, какъ и вожделѣнный конецъ его. Грекъ болѣе резонеръ, чѣмъ метафизикъ и ученый; ему нравятся самыя тонкія отличія, неуловимѣйшій анализъ; весьма охотно копается онъ и вытягиваетъ длиннѣйшія нити паутины [1]). Въ этомъ онъ не имѣетъ себѣ равныхъ; найдетъ-ли эта сложная и мельчайшая сѣть какое-нибудь употребленіе въ теоріи и практикѣ—ему все равно; онъ любуется уже тѣмъ, какъ ея нѣжныя нити сплетаются между собою и образуютъ едва примѣтныя, симметрическія клѣточки Тутъ національный недостатокъ завершаетъ собою дѣло и всецѣло обнаруживаетъ національное дарованіе Греція —мать спорщиковъ, риторовъ и софистовъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не встрѣтите группы знаменитыхъ и пользующихся популярностью личностей, которыя поставили бы своей цѣлью, какъ Горгій, Протагоръ и Полусъ, научать искусству замаскировывать какое-нибудь хорошее или дурное дѣло и съ большимъ правдоподобіемъ отстаивать нелѣпѣйшую идею, какъ бы ни казалась она невѣроятною. Греческіе именно риторы прославляли моровую язву, лихорадку, клоповъ, Полифема [2]) и Терсита; одинъ греческій-же философъ увѣрялъ, что мудрецъ сочтетъ себя счастливымъ, попавъ въ Фаларисовскаго быка [3]).

---

[1]) См. у Аристотеля «Теорію модальныхъ силлогизмовъ» и у Платона «Парменидъ» и «Софисты».—Трудно найти что-либо болѣе осторожное и неуловимо-тонкое, какъ вся физика и физіологія Аристотеля; взгляните на его «Проблеммы». Масса проницательности и остроумія, безплодно затраченная этими школами, по истинѣ изумительна.

[2]) Полифемъ, сынъ Посидона, циклопъ, убитый Одиссеемъ.

Прим. переводч.

[3]) Фаларисъ, агригентскій тиранъ, извѣстный своей жестокостью жарилъ преступниковъ въ мѣдномъ быкѣ. *Прим. переводч.*

встрѣчались школы, напр. школа Карнеада, учившія спорить и за, и противъ; другія, подобно школѣ Энезидема, старались убѣдить своихъ учениковъ, что самое истинное предложеніе — предложеніе противное. Въ достояніи, завѣщанномъ намъ древностью, находится собраніе — богатѣйшее изъ всѣхъ, какими мы обладаемъ — обманчивыхъ аргументовъ и парадоксовъ; ихъ тончайшее основаніе построено было-бы на слишкомъ узкой дорогѣ, если бы оно не пустило отъ себя побѣговъ столько же въ сторону ошибокъ, какъ и въ сторону истины.

Такова гибкость ума, которая, будучи перенесенною изъ области разсужденій въ литературу, образовала въ ней такъ называемый „аттическій“ вкусъ, т. е. пониманіе оттѣнковъ, легкой граціи, неуловимой ироніи, простоты стиля, красоты рѣчи, изящества доказательствъ. Разсказываютъ, что Апеллесъ, прійдя къ Протогену и не заставъ его, отказался объявить свое имя взялъ кисть и провелъ ею на приготовленномъ камнѣ легкую синеватую черточку. Протогенъ, по возвращеніи, увидѣлъ эту черту и воскликнулъ, что ее сдѣлалъ несомнѣнно Апеллесъ; затѣмъ, обратившись къ рисунку, обвелъ его еще болѣе тонкой и нѣжной линіей. Приходитъ снова Апеллесъ и, пристыженный тѣмъ, что хозяинъ перещеголялъ его въ этомъ, пересѣкаетъ двѣ первыя линіи новой чертой еще болѣе тщательной, почти неуловимой тонкости. Когда Протогенъ взглянулъ на нее, то сказалъ: „Я побѣжденъ и жажду обнять моего учителя.“ — Этотъ разсказъ даетъ намъ не совсѣмъ несовершенное понятіе о греческомъ умѣ. Такова тончайшая линія, которою онъ окаймляетъ контуры предметовъ; таковы искусство, точность и врожденная легкость, съ которыми онъ проскользаетъ сквозь идеи, чтобы опредѣлить и соединить ихъ.

III.

Отсутствіе въ окружающей природѣ всего громаднаго.—Горы, рѣки, море.—Отчетливость рельефовъ, прозрачность воздуха.—Аналогія съ политическимъ бытомъ. - Малые размѣры государства въ Греціи.—Пріобрѣтенная способность греческаго ума къ опредѣленнымъ и яснымъ созерцаніямъ.—Слѣды этого характера въ исторіи ихъ.—Религія.—Слабое понятіе о всеобъемлемости.—Идея космоса.—Опредѣленный антропоморфизмъ.—Грекъ забавляется съ своими богами.—Политика.—Независимость колоній.—Города не умѣютъ образовывать ассоціаціи. - Предѣлы и непрочность греческаго государственнаго устройства.—Цѣлостность и развитіе человѣческой природы.—Совершенное, въ своемъ родѣ, и ограниченное пониманіе нашей природы и нашего назначенія.

Это, однакожъ, не болѣе какъ первая черта— есть и другая. Обратимся къ странѣ, и вторая присоединится къ первой. На этотъ разъ, снова физическія условія страны оставляютъ на интеллигенціи народа отпечатокъ, который мы находимъ въ его созданіи и въ его исторіи. Въ странѣ этой нѣтъ ничего громаднаго, гигантскаго; во внѣшнихъ предметахъ — отсутствіе несообразныхъ и подавляющихъ размѣровъ. Вы не увидите тутъ ничего подобнаго чудовищному Гималаю, безконечной путаницѣ разросшихся растеній, громаднымъ рѣкамъ, которыя описываются въ индѣйскихъ поэмахъ; ничего подобнаго нескончаемымъ лѣсамъ, необозримымъ лугамъ, безпредѣльному, дикому океану сѣверной Европы. Глазъ легко обнимаетъ тутъ формы предметовъ и передаетъ точные ихъ образы. Все здѣсь умѣренно, пропорціонально, легко и отчетливо воспринимается чувствами. Горы Коринеа, Аттики, Беотіи, Пелопонеза, имѣютъ три или четыре тысячи футовъ вышины, немногія лишь изъ нихъ доходятъ до шести тысячъ; нужно зайти на крайнюю оконечность Греціи, на сѣверъ, чтобы встрѣтить вершину подобную Пирине-

ямъ и Альпамъ; вершина эта—гора Олимпъ, и они сдѣлали изъ нея мѣстопребываніе боговъ. Самыя большія рѣки, Пеней и Ахелой,—длиною въ какихъ-нибудь тридцать или сорокъ льё; остальныя—не болѣе какъ ручейки и потоки. Само море, на сѣверѣ столь яростное и грозное, тутъ является чѣмъ-то въ родѣ озера. Здѣсь ни разу море не поразитъ васъ пустынной громадностью; постоянно виденъ берегъ или какой-нибудь островъ; оно никогда не производитъ подавляющаго впечатлѣнія, никогда не представляется вамъ какимъ-то яростнымъ и всеразрушающимъ существомъ; оно не имѣетъ мертвеннаго, свинцово-мутнаго цвѣта, не выступаетъ и не разливается изъ береговъ своихъ и не имѣетъ тѣхъ приливовъ, которые окаймляютъ берега моря круглыми камешками и грязью. Оно имѣетъ лоснящійся видъ и, выражаясь словами Гомера, „блистаетъ то цвѣтомъ вина, то цвѣтомъ фіалокъ"; красноватыя скалы его береговъ обвиваютъ зеркальную поверхность водъ затѣйливой каймой, представляющейся изящной рамкой какой-нибудь картины. Вообразите себѣ простодушныхъ, вполнѣ непосредственныхъ людей, которымъ, взамѣнъ всякаго воспитанія, даны подобныя зрѣлища. Они почерпнутъ изъ нихъ привычку къ опредѣленнымъ и яснымъ образамъ и никогда не испытаютъ, что такое смутная тревога, чрезмѣрная мечтательность, тоскливыя прозрѣванія загадочнаго dahin. Такимъ-то образомъ складывалась умственная форма, изъ которой позднѣе вышли всѣ идеи съ какой-то особенной рельефностью. Множество условій, связанныхъ съ почвою и климатомъ, соединились тутъ, чтобы завершить организацію этой формы. Въ этой странѣ, минеральная фигура земли еще осязательнѣе видима, чѣмъ въ Провансѣ; она не замаскировывается и не сглаживается, какъ въ нашихъ сырыхъ провинціяхъ сѣвера, повсемѣстно распространеннымъ слоемъ пахатной земли и растительной зелени. Скелетъ земли, геологическій остовъ, изсѣра-фіолетовый мраморъ ровно пестрѣетъ на выдающихся утесахъ, растягивается въ голыхъ отрогахъ, выдѣляется на небѣ своими зубцами, замыкаетъ со всѣхъ сторонъ долины своими вершинами и гребнями,—такъ что весь пэйзажъ, изборожденный живыми изломами, изрѣзанный зазубринами и неожиданными углами, представляется рисункомъ какой-то могучей руки, прихотливая фантазія которой не идетъ въ ущербъ ни вѣрности, ни точности. Качество воздуха содѣйствуетъ всѣмъ остальнымъ факторамъ въ произведеніи одного и того-же результата. Воздухъ Аттики въ особенности отличается необыкновенной прозрачностью. Обогнувъ мысъ Суній, вы различаете, на нѣсколько льё разстоянія, верхнюю часть Паллады на Акрополисѣ. Ѳиметта въ двухъ льё отъ Аѳинъ, и европейцу, высадившемуся тамъ, кажется, что онъ можетъ перейти это пространство пѣшкомъ, гуляя передъ завтракомъ. Мутныя испаренія, вѣчно стоящія въ нашей атмосферѣ, тамъ вовсе не искажаютъ очертаній дали; отдаленныя очертанія не представляются въ смутномъ, полу-закрытомъ, затушеванномъ видѣ,—они выдѣляются на своемъ фонѣ съ такою-же отчетливостью, какъ барельефы на античныхъ вазахъ. Присоедините, наконецъ, къ этому великолѣпный блескъ солнца, усиливающій контрасты свѣта и тѣней и къ отчетливости линій присоединяющій противоположность массивныхъ тѣлъ. Такимъ-то образомъ природа, запечатлѣвая свои формы въ мысли человѣка, прямо направляетъ грека къ опредѣленнымъ и яснымъ созерцаніямъ. Къ нимъ-же направляетъ она его и при посредствѣ той политической ассоціаціи, къ которой она его приводитъ и которою его удовлетворяетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ своей славой,

Греція—очень маленькая страна, и она вамъ покажется еще меньшею, если вы обратите вниманіе на ея мелкія дѣленія. Съ одной стороны, главные хребты и боковыя цѣпи горъ, съ другой стороны море раздѣляютъ ее на множество отдѣльныхъ областей, тѣсно замкнутыхъ въ своей оградѣ: Ѳессалія, Беотія, Арголида, Мессенія, Лаконія, всѣ острова. Въ эпоху варварства, море представляетъ неодолимое препятствіе, а ущелья горъ всегда оказываются весьма удобными для защиты. Слѣдовательно, Греческія племена легко могли предохранить себя отъ завоеванія и жить одно близь другаго, въ качествѣ маленькихъ независимыхъ государствъ. Гомеръ насчитываетъ ихъ около тридцати *), да нѣсколько сотъ образовалось еще въ то время, когда завелись и размножились колоніи. На наши глаза какое-нибудь греческое государство представляется ужъ черезчуръ миніатюрнымъ. Арголида имѣетъ отъ восьми до десяти миль въ длину и отъ четырехъ до пяти въ ширину; Лаконія почти столько-же; Ахэя—узкая полоса земли на скатѣ горной цѣпи, спускающейся къ морю. Цѣлая Аттика не составитъ половины меньшаго изъ французскихъ департаментовъ; территорія Коринѳа, Сикіоніи, Мегары ограничивается однимъ городскимъ округомъ: обыкновенно цѣлое государство—особенно на островахъ и колоніяхъ—составляетъ городъ съ небольшимъ мѣстомъ или окружными фермами. Съ одного акрополя простыми глазами видѣнъ сосѣдній акрополисъ или горы. Въ столь тѣсныхъ предѣлахъ, все представляется уму съ совершенной ясностью; нравственная идея отечества не заключаетъ въ себѣ ничего гигантскаго, отвлеченнаго и смутнаго, какъ у насъ; чувства могутъ овладѣть ею—она сливается съ физическимъ представленіемъ отечества; оба эти понятія рисуются въ умѣ гражданина въ совершенно точныхъ очертаніяхъ. Чтобы вообразить себѣ Аѳины, Коринѳъ, Арголиду или Спарту, ему достаточно представить въ своемъ умѣ очертанія роднаго поля или силуэтъ роднаго города. Онъ знаетъ въ немъ всѣхъ гражданъ и помнитъ всѣ контуры зданій, и узкость его политической области, подобно формѣ его природной области, доставляетъ ему напередъ тотъ умѣренный и ограниченный типъ, въ который замкнутся всѣ его созерцанія.

*) Пѣснь II. Перечень воиновъ и кораблей.

Съ этой стороны, обратите вниманіе на ихъ религію; у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о безконечномъ, при которомъ любое поколѣніе, народъ, всякое смертное существо, какъ бы ни было оно велико, представляется лишь однимъ моментомъ, одной песчинкой. Вѣчность не рисовалась предъ ними въ своей пирамидѣ изъ мильярдовъ столѣтій, подобная чудовищной скалѣ, въ сравненіи съ которою наша маленькая жизнь является какой-то ничтожной крапинкой, незамѣтной пылинкой. Вниманія ихъ не приковывали къ себѣ, какъ у другихъ народовъ, у индѣйцевъ, египтянъ, семитовъ, германцевъ,—безпрерывно возрождающійся кругъ метампсихозъ, вѣчный и тихій сонъ могилы, безформенная и безконечная бездна, изъ нѣдръ которой, подобно легкому пару, появляются живыя существа, единый, Всемогущій и страшный во гнѣвѣ своемъ Богъ, которому повинуются всѣ силы природы и для котораго небо и земля—ничтожная куща и мельчайшая ступень его величія, наконецъ та высшая, таинственная, невидимая сила, которая прозрѣвается чутьемъ нашего сердца внутри и за предѣлами видимаго міра *). Ихъ

*) Тацита, De moribus Germanorum.—Deorum nominibus appellant secretum illud, quod sola reverentia vident.

идеи слишкомъ определенны, построены на слишкомъ маломъ модулѣ. Безконечное ускользнуло отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, коснулось лишь вполовину; они не создали себѣ изъ него бога, еще менѣе какую-нибудь личность; въ религіи ихъ оно осталось на заднемъ планѣ, это—*Мойра* (Ананке, рокъ), *Айза*, *Эймармене*, другими словами, тутъ дано участіе каждому. Религія ихъ совершенно опредѣленна; ни одно существо, человѣкъ или богъ, не можетъ избѣгнуть событій, какія выпали ему на долю; въ сущности, это—абстрактная истина; если Мойры Гомера богини, то благодаря лишь вымыслу; подъ поэтическимъ выраженіемъ, какъ подъ прозрачной водой, виднѣется неразрѣшимое сцѣпленіе фактовъ и неуничтожаемое ограниченіе вещей. Наши науки допускаютъ ихъ въ настоящее время, и идея греческой судьбы—не болѣе какъ современная идея закона. Все опредѣлено—вотъ что говорятъ наши формулы и что предчувствовалось ихъ предсказателями.

Они развиваютъ эту идею для того лишь, чтобы еще болѣе упрочить предѣлы, полагаемые ими всякому живому существу. Изъ темной силы, развертывающей и распредѣляющей между нами наше назначеніе, они создали свою Немезиду *), которая сламываетъ горделивыхъ и уничтожаетъ всякое излишество. „Ни въ чемъ не должно быть избытка“, гласитъ одно изъ великихъ изрѣченій оракула. Быть на сторожѣ противу всякихъ чрезмѣрныхъ желаній, страшиться полнѣйшаго благосостоянія, не допускать себя до совершеннаго опьяненія, знать во всемъ мѣру,—таковъ совѣтъ, даваемый всѣми поэтами и всѣми мыслителями великой эпохи. Нигдѣ инстинктъ не былъ такъ ясенъ, а умъ такъ самобытенъ, какъ въ Греціи. Когда, при первомъ пробужденіи мысли, они пытались составить себѣ извѣстное міросозерцаніе, то оно сложилось у нихъ по образу ихъ ума. Это—порядокъ, *космосъ*, гармонія, чудное правильное расположеніе вещей, существующихъ и измѣняющихся сами собою. Позднѣе, стоики уподобили міръ большому государству, управляемому совершеннѣйшими законами. Тутъ нѣтъ мѣста неизмѣримымъ, туманнымъ богамъ, или богамъ самовластнымъ, всеистребляющимъ. Религіозное отвлеченіе несовмѣстно съ ихъ непосредственнымъ умомъ, созерцавшимъ подобный міръ. Ихъ боги живо превратились въ людей; они имѣютъ родныхъ, дѣтей, генеалогію, исторію, одежду, дворцы, тѣла, подобныя нашимъ; они могутъ страдать, получать раны; величайшіе изъ нихъ, самъ Зевсъ, имѣли начало, и несомнѣнно люди увидятъ когда-нибудь конецъ ихъ владычества *). На щитѣ Ахиллеса, изображающемъ войско, „люди слѣдуютъ за Ареемъ и Аѳиною, одѣтыми въ золото, красивыми и статными, какъ подобаетъ богамъ, ибо люди меньше ихъ ростомъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, другаго отличія нѣтъ между ими и нами. Не разъ, въ Одиссеѣ, Улиссъ или Телемакъ, случайно повстрѣчавшись съ какимъ-нибудь высокимъ и простымъ человѣкомъ, спрашиваютъ у него,—не богъ ли онъ? Столь человѣческіе боги, конечно, не поселятъ смятенія въ умахъ, созерцающихъ ихъ; Гомеръ распоряжается ими, сколько хочетъ; онъ заставляетъ поминутно Аѳину вмѣшиваться во всякія бездѣлицы, чтобы указать Улиссу домъ Алкиноя, чтобы показать, куда упалъ его дискъ. Поэтъ-теологъ прогуливается въ своемъ мірѣ боговъ съ легкостью и важностью забавляющагося ребенка. Мы какъ будто видимъ его веселье и смѣхъ; когда онъ показываетъ Арея, ко-

*) Турньё, «Немезида или Ревность боговъ».

*) Эсхила, Прометей.

тораго застали съ Афродитой, Аполлонъ подшучиваетъ и спрашиваетъ Гермеса, не желалъ-ли бы онъ быть на мѣстѣ Арея? „О если бы судили боги, царственный луконосецъ Аполлонъ, этому случиться! пусть облекутъ меня узы, въ три раза болѣе крѣпкія, и пусть всѣ боги и богини глядятъ на меня—лишь-бы быть мнѣ близъ свѣтлой Афродиты!“ Прочтите гимнъ, въ которомъ Афродита отдается Анхизу, и въ особенности, гимнъ Гермесу, который въ самый день рожденія оказывается надуваломъ, воромъ, лжецомъ, какъ истый грекъ, но все это выходитъ у него такъ граціозно, что разсказъ поэта похожъ на прихотливое издѣлье какого-нибудь скульптора. У Аристофана, въ „Лягушкахъ“ и „Облакахъ“, Геркулесъ и Бахусъ дѣйствуютъ еще своеобразнѣе. Все это приводитъ насъ къ декоративнымъ изображеніямъ боговъ въ Помпеѣ, къ изящнымъ и насмѣшливымъ шуткамъ Лукіана, къ Олимпу забавъ, украшенія и театра. Боги, столь близкіе къ человѣку, дѣлаются скоро его товарищами и не замедлятъ позднѣе превратиться въ его игрушку. Умъ столь точный, который, чтобы сдѣлать ихъ понятными для себя, исключилъ изъ нихъ все безконечное и таинственное, узнаетъ въ этихъ богахъ свое созданіе и забавляется вымышленными имъ миѳами.

Обратимъ теперь наше вниманіе на ихъ практическую жизнь Здѣсь тоже у нихъ не достаетъ должнаго подчиненія. Грекъ не умѣетъ подчиниться, подобно римлянину, какому-нибудь большому единству, обширной родинѣ, которую понимаешь умомъ и которую не видишь глазами. Онъ не перешелъ той формы общества, при которой государство является еще однимъ городомъ; колоніи ихъ управляются сами собою; онѣ получаютъ себѣ изъ главнаго центра правителя и относятся къ нему съ чувствомъ сыновняго почтенія, но этимъ и ограничивается все ихъ

подчиненіе. Онѣ—эмансипированныя дѣвушки, подобныя молодому аѳинянину, который, сдѣлавшись взрослымъ, не зависитъ болѣе ни отъ кого и является хозяиномъ своей воли, тогда какъ римскія колоніи—не болѣе какъ военные посты, подобные молодому римлянину, который, женившись, въ званіи судьи, даже консула, все таки не перестаетъ постоянно чувствовать на себѣ жесткую руку родителя и его деспотическій авторитетъ, отъ котораго ничто, за исключеніемъ тройной подати, не можетъ его избавить. Отречься отъ своеволія, подчинить себя далекому правительству, котораго никогда человѣкъ не видѣлъ, смотрѣть на себя, какъ на часть обширнаго цѣлаго, забыть себя въ виду великаго національнаго интереса,—вотъ чего греки никогда не могли обнаружить безъ особеннаго, недолго продолжавшагося усилія. Они раздробляются на части, завидуютъ другъ другу; даже когда Дарій и Ксерксъ нападаютъ на ихъ отечество, они съ трудомъ успѣваютъ коекакъ соединиться; Сиракузы отказываютъ въ своей помощи, потому что не имъ предоставлено главное начальство надъ войскомъ. Когда Александръ силою соединилъ ихъ для завоеванія Азіи, лакедемонцы всетаки не явились на призывъ. Ни одному городу не удается составить общей конфедераціи изъ остальныхъ городовъ подъ своимъ представительствомъ. Спарта, Аѳины, Ѳивы послѣдовательно терпятъ, въ этомъ отношеніи, неудачу; чѣмъ повиноваться соотечественникамъ, побѣжденные города скорѣе обращаются къ персамъ, достаютъ у нихъ денегъ и раболѣпствуютъ передъ великимъ царемъ. Обыкновенно заговорщики одинъ за другимъ изгоняются изъ города и затѣмъ, какъ въ итальянскихъ республикахъ, силою стараются возвратиться при помощи иностранцевъ. Раздробленная, такимъ образомъ, Греція оказывается завоеванною полуварварами, но пріученными

къ порядку, и независимость каждаго города влечетъ за собою рабство всей націи. И паденіе это не случайно, оно было неизбѣжно. Государство грековъ въ томъ видѣ, въ какомъ они понимали его, слишкомъ мало и не въ состояніи сопротивляться напору громадныхъ массъ извнѣ; это геніальное, совершеннѣйшее произведеніе искусства, но слишкомъ хрупкое. Величайшіе мыслители ихъ, Платонъ, Аристотель, низводятъ государство до общины въ пять или десять тысячъ свободныхъ гражданъ. Аѳины имѣли двадцать тысячъ жителей; большее противу этого количество будетъ уже, по ихъ мнѣнію, безпорядочная толпа. Они не могутъ представить себѣ, чтобы болѣе широкая ассоціація могла быть хорошо управляема. Акрополь, покрытый храмами, освященный костями героевъ-основателей и изображеніями народныхъ боговъ, агора, театръ, гимназія, нѣсколько тысячъ людей умѣренныхъ, красивыхъ, храбрыхъ и свободныхъ, занятыхъ „философіей или общественными дѣлами,“ которымъ служатъ рабы, обрабатывающіе землю и занимающіеся ремеслами,—таковъ городъ-община, по ихъ представленіямъ, чудное произведеніе искусства, ежедневно возникающее и заканчивающееся на ихъ глазахъ во Ѳракіи, по берегамъ Эвксина, Италіи и Сициліи; внѣ этихъ рамокъ, всякая форма общественной жизни кажется имъ какой-то путаницей, варварствомъ; совершенство ея обусловливается ея маленькими размѣрами, и потому при грубыхъ ударахъ борьбы человѣчества она въ состояніи удержаться лишь на время.

IV.

Красота земли и неба.—Природная веселость народа.—Потребность живаго и осязательнаго счастія.—Слѣды этого характера въ ихъ исторіи.—Аристофанъ.—Идея блаженства боговъ.—Религія есть празднество.—Противоположныя цѣли греческаго и римскаго государствъ.—Экспедиціи, демократія и общественныя развлеченія въ Аѳинахъ.—Государственныя заботы превращаются въ заботы о постановкѣ зрѣлищъ.—Въ наукѣ и философіи отсутствіе полной серьёзности.—Прихотливый вкусъ къ обобщеніямъ.—Шаткость діалектики.

Для этого намъ придется еще одинъ послѣдній разъ разсмотрѣть страну и собрать наше впечатлѣніе общаго. Это—чудная страна, какъ-то радостно дѣйствующая на душу и склоняющая человѣка смотрѣть на жизнь, какъ на праздникъ. Отъ прежняго остался теперь только скелетъ; подобно Провансу и еще болѣе его, Греція была обнажена, расчищена и, такъ сказать, выскоблена; земля истощена, растительность стала рѣдкою; суровый, голый камень, на которомъ то тамъ, то сямъ скудно пестрѣютъ жиденькіе кустарники, всецѣло овладѣваетъ пространствомъ и покрываетъ собою три четверти горизонта. Впрочемъ, можно представить себѣ, что тутъ было нѣкогда, слѣдуя по берегамъ, еще сохранившимся въ неприкосновенности, Средиземнаго моря, отъ Тулона до Гіерскихъ острововъ, отъ Неаполя до Сорренто и Амальфи; только необходимо вообразить себѣ болѣе голубое небо, болѣе прозрачный воздухъ, болѣе отчетливыя и гармоническія формы горъ. Казалось, въ этой странѣ никогда не бываетъ зимы. Дубы, масличныя, померанцовыя и лимонныя деревья, кипры, составляютъ, въ ложбинахъ и по скатамъ ущелій, вѣчную картину лѣта; они спускаются до самаго берега моря; въ февралѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,

апельсины, срываясь съ вѣтки, падаютъ прямо въ волны. Тумана вовсе не бываетъ никогда, почти не бываетъ дождя, воздухъ тепловатый, солнечные лучи —какіе-то мягкіе, пріятные. Человѣкъ не бываетъ принужденъ здѣсь, какъ въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, обороняться противу непостоянства природы при помощи сложныхъ изобрѣтеній, употреблять газъ, печи, платье на двойной, тройной и четверной подкладкѣ, тротуары, метельщиковъ и пр., чтобы сдѣлать обитаемою ту лужу холодной грязи, въ которой безъ его полиціи и промышленности ему пришлось бы вѣчно барахтаться и захлебываться. Греку нѣтъ надобности измышлять залы для спектаклей и оперныя декораціи; ему стоитъ лишь взглянуть вокругъ себя: природа доставляетъ ему все это въ болѣе прекрасномъ видѣ, чѣмъ бы онъ могъ устроить себѣ при содѣйствіи своего искусства. На Гіерскихъ островахъ я видѣлъ, какъ восходило солнце изъ-за одного острова: свѣтъ увеличивался, наполнялъ собою воздухъ; вдругъ, на вершинѣ одной скалы, вспыхнуло пламя; необъятное хрустальное небо высилось своимъ сводомъ надъ неизмѣримой равниной моря, надъ безчисленной рябью волнъ, надъ могучей синевой однообразной воды, съ которою сливался золотой потокъ; вечеромъ отдаленныя горы принимали оттѣнки мальвы, лиліи, чайной розы. Лѣтомъ лучи солнца распространяютъ въ воздухѣ и по морю такое сіяніе, что переполненныя чувства и воображеніе, казалось, испытываютъ ощущеніе какого-то торжества, какой-то славы; всѣ волны блистаютъ; вода отливаетъ цвѣтами драгоцѣнныхъ каменьевъ: бирюзы, аметистовъ, сапфира, лаписъ-лазури, тихо струится и движется подъ всеобъемлющей, чистой бѣлизной неба. Вотъ при такомъ-то разлитіи свѣта слѣдуетъ вообразить себѣ берега Греціи, подобно мраморной утвари разбросанные то тамъ, то сямъ посреди лазури.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если мы находимъ въ греческомъ характерѣ ту глубину веселости и восторженности, ту потребность живаго и осязательнаго счастія, которыя встрѣчаются еще и теперь у провансальцевъ, у неаполитанцевъ и вообще у обитателей юга *). Человѣкъ всегда продолжаетъ движеніе, данное ему сначала природой; ибо тѣ склонности и стремленія, которыя возбудила она въ немъ на родинѣ, оказываются именно тѣми склонностями и стремленіями, которымъ она удовлетворяетъ еже-

---

*) «Эти люди живы, веселы, легки. Несчастный не имѣетъ тамъ вида забитости: онъ спокойно глядитъ на приближеніе смерти—все вокругъ него улыбается. Въ этомъ заключается тайна божественнаго веселья, которымъ полны гомеровскія поэмы, и Платонъ «Разсказъ о смерти Сократа, въ «Өедонѣ», обнаруживаетъ едва лишь небольшой оттѣнокъ грусти. Жизнь состоитъ въ томъ, чтобы принесть ея цвѣтъ, потомъ и плодъ; чего-же еще? Если забота о смерти составляетъ—что весьма позволительно утверждать—важнѣйшую черту Христіанства и религіознаго чувства новыхъ народовъ, то греческое племя менѣе всѣхъ другихъ племенъ религіозно. Это народъ поверхностный, берущій жизнь, какъ вещь, изъятую отъ всего сверхъестественнаго, отъ всякой задней мысли. Подобная простота созерцаній зависитъ много отъ климата, чистоты воздуха, изумительнаго веселья, которое невольно вдыхаешь тамъ въ себя, но еще болѣе отъ инстинктовъ эллинской расы, восхитительно идеальной. Какая-нибудь бездѣлица, дерево, цвѣтокъ, ящерица, черепаха, приводятъ на память тысячи метаморфозъ, воспѣтыхъ поэтами; струйка воды, маленькая разсѣлина въ скалѣ, которой отводятъ мѣсто въ ряду нимфъ, колодезь съ кружкой на верхней закраинѣ, проливчикъ моря столь узкій, что бабочки его перелетаютъ, оказывается удобнымъ къ плаванію для такихъ большихъ кораблей, какъ Поросъ, померанцовыя деревья, кипры, тѣнь отъ которыхъ распространяется на море, небольшой сосновый лѣсокъ посреди скалъ,—даже такія вещи достаточны въ Греціи, чтобы возбудить довольство, порождаемое красотой. Прогуливаться по садамъ ночью, прислушиваться къ трескотнѣ кузнечиковъ, сидѣть при свѣтѣ луны, наигрывая на флейтѣ, отправиться испить воды въ горахъ, взявъ съ собою небольшой хлѣбъ, рыбу и бутылку вина, которая распивается подъ звуки пѣнія, въ день семейнаго праздника, вывѣсить вѣнокъ изъ свѣжей зелени надъ дверями дома, пройтись со шляпой, украшенной цвѣтами, въ дни общественныхъ празднествъ пронести тирсъ, убранный листвой, проводить дни въ танцахъ, въ забавахъ съ ручной козой,— таковы наслажденія грековъ, наслажденія племени бѣднаго, умѣреннаго, вѣчно юнаго, живущаго въ прелестной странѣ, находящаго довольство въ себѣ самомъ и въ тѣхъ дарахъ, которые судили ему боги. Пастораль во вкусѣ Өеокрита была въ странѣ эллиновъ истиной; Греціи всегда нравился этотъ не-

дневно. Нѣсколько стиховъ Аристофана нарисуютъ вамъ эту чувственность, столь откровенную, легкую и блестящую. Рѣчь идетъ объ аѳинскихъ поселянахъ, празднующихъ возвращеніе мира. „Какой восторгъ, какая радость снять шлемъ и сдѣлать изъ него употребленіе для склада творогу и луку! Если я люблю что, то ужъ конечно не драться, а выпить съ друзьями и пріятелями, глядѣть, какъ трещатъ на очагѣ сухія вѣтки, припасенныя съ лѣта, поджаривать на угольяхъ овечій горохъ, печь каштаны, пріударить за молоденькой Ѳраттой, пока жена не вернулась съ купальни. Когда посѣвъ оконченъ и боги орошаютъ его, ничего не можетъ быть пріятнѣе поболтать съ сосѣдомъ такимъ образомъ: Скажи-ка, Комархидесъ, за что намъ теперь приниматься? Не прочь я также кутнуть въ то время, какъ Зевсъ поливаетъ нивы. Ну-ка, женушка, высуши три мѣры бобовъ, подмѣшай къ нимъ пшеницы, да переберп свѣжія смоквы; нынче рѣшительно невозможно ни подрѣзать виноградныя лозы, ни подѣлать при корняхъ на-

---

большой родъ нѣжной и обаятельной поэзіи, одинъ изъ самыхъ характеристическихъ въ его литературѣ, зерцало собственной его жизни почти во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ пустой и искусственной. Доброе веселье, восторгъ жизнью—явленія греческія по преимуществу. Это племя всегда находится въ двадцати-лѣтнемъ возрастѣ: для него indulgere genio не есть тяжелое опьяненіе англичанина, грубая забава француза; это просто - разсужденіе, что природа добра, что позволительно и даже слѣдуетъ уступить ей. Дѣйствительно, природа для грека является совѣтницею въ дѣлѣ изящнаго, наставницей правоты и добродѣтели. Мысль о «concupiscence», въ силу которой природа направляетъ насъ будто-бы ко всему злому,—для него чистая безсмыслица. Страстишка принарядиться, отличающая паликара и совершенно невинно обнаруживающаяся въ молодомъ грекѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тщеславной пышностью варвара, нелѣпыми притязаніями какого-нибудь мѣщанина, надутаго смѣшной чванливостью выскочки: это чистое и тонкое чувство наивнаго юноши, сознающаго себя законнымъ сыномъ истинныхъ изобрѣтателей красоты.» (Saint-Paul, Эрнеста Ренана, стр. 202.)—Одинъ изъ моихъ друзей, долго путешествовавшій по Греціи, разсказывалъ мнѣ, что часто конюхи и гиды срываютъ какой-нибудь красивый цвѣтокъ, осторожно носятъ его въ рукѣ весь день, ложась спать, вечеромъ, помѣщаютъ его въ безопасномъ мѣстѣ и на другой день принимаются за него, чтобы снова насладиться изящнымъ растеніемъ.

сыпи, до-того земля влажна. Принесите-ка изъ моего дома дрозда, да пару зябликовъ. Помнится, оставалось тамъ еще немного неснятаго молока и четыре куска зайца. Малютка, принеси намъ изъ нихъ три куска, а четвертый отдай моему отцу; спроси у Эхинадеса мирты и плодовъ, да пусть кто-нибудь зайдетъ по дорогѣ кликнуть Харинадеса распить съ нами одну-другую бутылку, пока богъ помогаетъ намъ и раститъ нашу жатву. О досточтимая, державная богиня мира, владычица сердецъ, покровительница браковъ, прими нашу жертву.... пошли изобиліе всякаго добра на нашемъ рынкѣ, чудесныхъ головокъ чесноку, молоденькихъ огурчиковъ, яблокъ, гранатъ; пусть стекаются туда беотійцы, нагруженные гусями, утками, голубями, жаворонками, пусть корзинами свозятся угри изъ Копаискаго озера и, окруживъ ихъ тѣсной толпой, горя желаніемъ купить себѣ ихъ, борятся между собою Морихосъ, Телеасъ и другіе лакомки...... Бѣги скорѣй на пиршество, Дикеополисъ..... жрецъ Діонисій приглашаетъ тебя; поторопись, тебя ожидаютъ; все готово: столы, постель, подушки, вѣнки, благоуханія и разныя сласти. Пришли ужъ гэтеры, а съ ними—сладкое печенье, пирожки, красивыя танцовщицы, всевозможныя наслажденія.“ Я прерываю на этомъ выписку; далѣе изложеніе оживляется все болѣе и болѣе; древняя чувственность и чувственность южная отличаются очень смѣлыми движеніями и очень точными словами.

Подобное настроеніе духа заставляетъ человѣка смотрѣть на жизнь, какъ на развлеченіе. У грека самыя серьезныя идеи и учрежденія принимаютъ оттѣнокъ нѣкоторой веселости; его боги—„блаженные, никогда не умирающіе боги.“ Они обитаютъ на вершинахъ Олимпа, „которыхъ не покачнетъ никакой вѣтеръ, никогда не смочитъ дождь, гдѣ не показывается снѣгъ, начинается безоблачный эѳиръ и куда

свободно льются потоки бѣлаго свѣта." Тамъ, въ ослѣпительномъ дворцѣ, сидя на золотыхъ тронахъ, пьютъ они нектаръ и кушаютъ амврозію, межъ тѣмъ какъ музы „распѣваютъ своими прекрасными голосами." Вѣчный пиръ при полномъ освѣщеніи—вотъ небо грека; отсюда, самая прекрасная жизнь та, которая ближе всѣхъ подходитъ къ подобной жизни боговъ. По Гомеру, тотъ человѣкъ можетъ быть названъ счастливымъ, который „пользуется своей цвѣтущей молодостью и достигаетъ порога старости." Религіозныя церемоніи являются веселымъ банкетомъ, которымъ боги остаются очень довольны, потому что и на ихъ долю тамъ приходится вино и мясо. Самые высокіе праздники оказываются оперными представленіями. Трагедія, комедія, хоры танцующихъ, гимническія игры, составляютъ часть культа. Имъ и въ голову не приходитъ, что почитаніе бога можетъ обнаруживаться умерщвленіемъ своей плоти, постомъ, трепетной молитвой, глубокимъ раскаяніемъ грѣшника; имъ кажется, напротивъ, что нужно принять участіе въ веселіи боговъ, доставить имъ зрѣлище совершенной красоты нагаго тѣла, разукрасить въ честь ихъ городъ, возвысить человѣка до нихъ, освобождая его на мгновеніе отъ жалкаго положенія смертныхъ, при содѣйствіи всей роскоши, какую могутъ представить соединенныя усилія искусства и поэзіи. Для нихъ этотъ-то „энтузіазмъ" и есть набожность; находя себѣ поле дѣйствія въ трагедіи въ изображеніи величественныхъ и торжественныхъ движеній души, онъ снисходитъ въ комедіи до бѣшенаго веселья и яркой картины сладострастія. Нужно прочесть Лизистрата, праздникъ Тесмофоріи у Аристофана, чтобы понять это увлеченіе животной жизнью, чтобы постигнуть возможность публичнаго празднованія вакхическихъ Діонисій, не менѣе вакхическаго танца „кордасъ", исполняемаго въ театрѣ,—возможность того обстоя-

тельства, что въ Коринѳѣ тысячи куртизанокъ не стѣсняясь отправляли циническій культъ Афродиты, и религія освящала всякій развратъ, любой разгулъ какого-нибудь празднества или пирушки.

Къ соціальной жизни они относились такъ-же легко, какъ и къ жизни религіозной. Римлянинъ побѣждаетъ для пріобрѣтеній; въ качествѣ администратора и дѣловаго человѣка, методически, у себя дома, эксплуатируетъ онъ побѣжденныхъ, какъ безсловесное стадо; аѳинянинъ плаваетъ, высаживается на берегъ, сражается, ничего не созидая, безпорядочно, подъ впечатлѣніемъ минуты, изъ потребности въ дѣятельности, слѣдуя полету своего воображенія, удовлетворяя своему стремленію къ предпріимчивости, изъ жажды славы, чтобы имѣть, наконецъ, удовольствіе быть первымъ между греками. При помощи денегъ своихъ союзниковъ, народъ украшаетъ свой городъ, заказываетъ своимъ художникамъ храмы, театры, статуи, декораціи, торжественныя шествія, веселится каждый день и всѣми своими чувствами на счетъ общественнаго достоянія. Аристофанъ забавляетъ его каррикатурой его политики и его правительства. Ему даруютъ право безплатнаго входа въ театръ: къ концу праздника Діонисій между народомъ раздѣляютъ сумму союзниковъ, оставшуюся въ кассѣ отъ контрибуцій. Скоро онъ заставляетъ себѣ платить за произнесеніе суда въ декастеріяхъ, за присутствованіе на народныхъ собраніяхъ. Все должно быть для него; онъ принуждаетъ богатыхъ доставлять ему на ихъ счетъ хоры пѣвцовъ, актеровъ, представленія и всѣ самыя лучшія зрѣлища. Какъ онъ ни бѣденъ, у него есть свои купальни, свои гимназіи, роскошно оплачиваемыя, доставляющія такое-же удовольствіе, какъ рыцарямъ турниры *). Наконецъ, онъ совсѣмъ ужъ

*) Ксенофонта, «Республика Аѳины.»

отказывается утруждать себя болѣе и нанимаетъ для войны чужеземцевъ вмѣсто себя; если онъ и занимается политикой, то больше изъ страсти поболтать о ней; онъ слушаетъ своихъ ораторовъ какъ любитель и присутствуетъ при ихъ преніяхъ, встрѣчныхъ жалобахъ, приступахъ ихъ краснорѣчія, слушая и глядя на все это, какъ-бы онъ глядѣлъ на бой пѣтуховъ. Онъ произноситъ оцѣнку талантовъ и апплодируетъ ловкимъ ударамъ. Величайшая его забота состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть роскошные праздники; онъ присудилъ смертную казнь тому, кто предложитъ обратить на военныя издержки часть денегъ, опредѣленныхъ ему. Полководцы его больше отличаются показной стороной. „За исключеніемъ одного, посылаемаго вами на войну, говоритъ Демосѳенъ, всѣ остальные служатъ украшеніемъ вашихъ праздниковъ наравнѣ съ жрецами." Когда нужно снарядить и отправить флотъ, греки бездѣйствуютъ или берутся за дѣло слишкомъ поздно; напротивъ, для торжественныхъ шествій и народныхъ зрѣлищъ все заранѣе предусмотрѣно, сдѣланы распоряженія и точно выполнены, какъ слѣдуетъ и въ назначенный часъ. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ врожденной чувственности, задача государства сводится къ заботѣ о зрѣлищахъ, къ обязанности доставлять поэтическія наслажденія людямъ съ изящнымъ вкусомъ.

Равнымъ образомъ, наконецъ, въ философіи и наукѣ, они желали только срывать со всего одни цвѣты. Они никогда не обладали самоотверженіемъ современнаго ученаго, который напрягаетъ весь свой умъ на разъясненіе какого-нибудь темнаго мѣста, десять лѣтъ сряду способенъ убить на изученіе какого-нибудь вида животныхъ, расширяетъ и безпрерывно провѣряетъ свои наблюденія, добровольно посвятивъ себя какой-нибудь неблагодарной заботѣ, проводитъ всю свою жизнь въ терпѣливомъ отесываніи

двухъ или трехъ камней для громаднаго зданія, окончанія котораго ему не увидѣть, но для фундамента котораго онъ упорно трудится въ надеждѣ, что трудъ его можетъ пригодиться будущимъ поколѣніямъ. Въ Греціи философія имѣетъ характеръ бесѣды; она рождается въ гимназіяхъ, портикахъ, платановыхъ аллеяхъ; учитель прогуливаясь разсказываетъ что-нибудь, за нимъ слѣдуютъ и его слушаютъ. Съ перваго-же шага все устремляется къ самымъ высокимъ выводамъ; различныя обобщенія, во всякомъ случаѣ, весьма пріятны; они доставляютъ себѣ и это наслажденіе и почти не заботятся о построеніи хорошей и прочной дороги; доказательства ихъ сводятся обыкновенно къ вѣроятностямъ. Короче, это мыслители, любящіе странствовать по верхамъ, гигантскими шагами, подобно богамъ Гомера, пробѣгать новую, обширную область, однимъ взоромъ охватывать весь міръ Ихъ система—своего рода высокая опера, опера понятливыхъ и пытливыхъ умовъ. Отъ Ѳалеса до Прокла, философія ихъ, подобно трагедіи, вращалась вокругъ тридцати или сорока важнѣйшихъ темъ, проходя безконечное множество варіяцій, упрощеній и смѣшеній. Философское воображеніе расправлялось съ идеями и гипотезами такъ-же, какъ миѳологическое воображеніе расправлялось съ легендами и богами.

Если отъ произведенія ихъ мы перейдемъ къ ихъ пріемамъ, то и тутъ увидимъ тѣ-же умственныя черты. Они столько-же софисты, какъ и философы; они упражняютъ свое мышленіе ради самаго процесса мышленія. Ихъ привлекаетъ и останавливаетъ на себѣ какое-нибудь неуловимое отличіе, длинный и тонкій анализъ, загадочный или неразрѣшимый аргументъ. Они забавляются и путаются въ діалектическихъ тонкостяхъ, различныхъ хитросплетеніяхъ и парадоксахъ *); они не на столько серьёз-

*) См. логическіе пріемы Платона и Аристотеля, особенно дока-

ны, какъ бы слѣдовало; если они предпринимаютъ какое-нибудь изслѣдованіе, то не ради того только, чтобы сдѣлать опредѣленное и точное пріобрѣтеніе; они не преданы истинѣ исключительно, безусловно, забывая и пренебрегая все остальное. Она у нихъ играетъ роль дичи, которую часто они собираютъ на охотѣ; но, глядя на ихъ разсужденія, живо чувствуешь, что, сами не сознавая того, они предпочитаютъ дичи самую охоту,—охоту съ ея ловкими похожденіями, западнями, обходами, ея самозабвеніемъ и тѣмъ чувствомъ свободы, блуждающей, куда глаза глядятъ, и торжествующей, которая сообщается охотой нервамъ и воображенію охотника. „О греки! греки! говорилъ Солону одинъ египетскій жрецъ, вы - дѣти!“ Въ самомъ дѣлѣ, они забавлялись жизнью и всѣми важнѣйшими элементами ея, религіей и богами, политикой и государствомъ, философіей и истиной

V

Послѣдствія этихъ недостатковъ и достоинствъ. - Они вполнѣ совершенные художники.—Чутье самыхъ неуловимыхъ оттѣнковъ, мѣрность и отчетливость воспріятій, любовь къ красотѣ.—Слѣды этихъ способностей и наклонностей въ ихъ искусствахъ.—Храмъ. —Его помѣщеніе. Размѣры.—Строеніе. Тонкость отдѣлки.— Украшенія его.—Его живопись.—Его изваянія.—Общее и конечное впечатлѣніе, производимое имъ на умъ.

Вотъ почему они были—величайшіе художники въ мірѣ. Они обладали прелестной подвижностью ума, избыткомъ изобрѣтательной веселости, изящной обаятельностью воображенія, которые склоняютъ ребенка безпрерывно слагать и передѣлывать небольшія поэмы съ единственною цѣлью дать исходъ новымъ и чрез-

---

зательства безсмертія души въ «Федонѣ».—Во всей этой философіи, дарованія ея авторовъ выше самого ихъ произведенія. Аристотель написалъ разсужденіе о гомеровскихъ проблеммахъ въ духѣ тѣхъ риторовъ, которые занимались изслѣдованіемъ того, на правой или на лѣвой рукѣ была рана, нанесенная Афродитѣ Діомедомъ.

вычайно живымъ побужденіямъ, которыя мгновенно пробуждаются въ немъ. Три главнѣйшія черты, подмѣченныя нами въ характерѣ ихъ, составляютъ именно необходимую принадлежность души и мысли художника. Нѣжность воспріятія, способность подмѣчать самыя тонкія отношенія, чутье мельчайшихъ оттѣнковъ,—вотъ что позволяетъ ему воздвигать стройное цѣлое изъ формъ, звуковъ, красокъ, событій, короче изъ элементовъ и мелочей, такъ хорошо сплетенныхъ между собою внутренней связью, что организація ихъ составляетъ нѣчто живое и переноситъ въ міръ воображенія глубокую гармонію дѣйствительнаго міра. Потребность ясности, пониманіе мѣры, ненависть къ смутному и отвлеченному, презрѣніе ко всему чудовищному и громадному, наклонность къ опредѣленнымъ и точнымъ очертаніямъ,—вотъ что заставило ихъ облечь свои созерцанія въ форму, легко доступную воображенію и чувствамъ, и потому создать произведенія, которыя понятны каждому народу и каждому вѣку и которыя, отличаясь гуманностью, сохраняются вѣчно. Любовь и культъ настоящей жизни, сознаніе человѣческой силы, потребность счастія и радости,—вотъ что вынуждаетъ ихъ избѣгать изображеній физической немощи и нравственной болѣзни, представлять здоровую душу и совершенное тѣло, пополнять красоту, зависящую отъ выразительности, красотою, присущею самому лицу. Это—отличительныя черты всего ихъ искусства. Бѣглый взглядъ на литературу ихъ въ сравненіи съ литературами древняго востока, среднихъ вѣковъ и новаго времени, чтеніе Гомера при сравненіи съ „Божественной Комедіей,“ „Фаустомъ“ или индійскими эпопеями, изученіе ихъ прозы при сравненіи со всякой другой прозой любаго времени и любой страны, убѣдятъ васъ въ этомъ. При сопоставленіи съ ихъ литературнымъ стилемъ, всякій стиль покажется неблагозвуч-

нымъ, тяжелымъ, неточнымъ и натянутымъ; при сопоставленіи съ ихъ нравственными типами, всякій типъ покажется исключительнымъ грустнымъ и нездоровымъ; при сопоставленіи съ ихъ поэтическими и ораторскими рамками, всякая рамка, не заимствованная у нихъ, покажется несоразмѣрной, неловкой, слабой по отношенію къ заключающемуся въ ней произведенію. За недостаткомъ мѣста, изъ ста примѣровъ мы изберемъ какой-нибудь одинъ. Разсмотримъ предметъ, который видишь глазами и который, прежде всего, бросается въ глаза при входѣ въ городъ, —я разумѣю: храмъ. Обыкновенно онъ расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ Акрополисѣ, у подножія скалы, какъ въ Сиракузахъ, или на маленькой горкѣ, служившей, какъ въ Аѳинахъ, мѣстомъ перваго поселенія и исходнымъ пунктомъ расширенія города. Онъ видѣнъ съ каждой сосѣдней равнины и съ каждаго холмика; корабли еще издалека привѣтствуютъ его, приближаясь къ гавани. Весь онъ отчетливо обозначается въ чистомъ воздухѣ *) Онъ не сжатъ, не подавленъ нитью домовъ, какъ средневѣковые соборы, не заглушенъ, не полузакрытъ для глаза, за исключеніемъ мелкихъ украшеній и верхнихъ частей зданія Его основаніе, его стороны, вся его масса и всѣ размѣры мгновенно возникаютъ предъ вами. Вы не находитесь въ необходимости составлять себѣ понятіе о цѣломъ по какому-нибудь одному куску; его помѣщеніе соображено съ чувствами человѣка. —Чтобы впечатлѣніе было вполнѣ ясно, они даютъ предмету средніе или небольшіе размѣры. Между греческими храмами найдется не болѣе двухъ или трехъ, по величинѣ своей подходящихъ къ церкви Магдалины, въ Парижѣ. Тамъ нѣтъ ничего подобнаго громаднымъ памятникамъ Индіи, Вавилоніи и Египта, нагроможденнымъ и скученнымъ дворцамъ, лабиринтамъ аллей, комнатъ, залъ, колоссамъ, множество которыхъ приводитъ умъ въ какое-то потрясеніе и смущеніе. Нѣтъ ничего подобнаго гигантскимъ соборамъ, которые помѣщали подъ своими сводами все населеніе города, которыхъ глазъ—даже если человѣкъ находится на возвышенности — не могъ бы обнять всецѣло, очертанія которыхъ ускользаютъ отъ вашего зрѣнія и общая гармонія которыхъ можетъ быть постигнута лишь тогда, когда вы видите ихъ на планѣ. Греческій храмъ не мѣсто собранія, но особое жилище бога, святилище для храненія его изображенія, мраморный ковчегъ, заключающій въ себѣ единственную статую. Въ ста шагахъ отъ священной ограды, окружающей его, можно уловить уже направленіе и складъ его главнѣйшихъ линій.—Впрочемъ, онѣ такъ просты, что достаточно одного взгляда, чтобы понять ихъ совокупность. Въ этомъ зданіи нѣтъ ничего сложнаго, причудливаго, неловкаго; это—прямоугольникъ, окаймленный перестилемъ колоннъ; все содержаніе его составляютъ три или четыре простѣйшія геометрическія формы, которыя въ симметрическомъ порядкѣ повторяются или противополагаются одна другой. Вѣнецъ фронтона, выемка стержней, абака капители, всѣ аксессуарныя принадлежности и всѣ мелочи еще болѣе наглядньмъ образомъ обнаруживаютъ характеристическую черту, присущую каждой отдѣльной части, а разнообразіе красокъ довершаетъ выясненіе и опредѣленіе всѣхъ этихъ достоинствъ.

*) См. реставраціи, сопровождаемыя мемуарами, гг. Tetaz, Paccard, Boitte и Garnier.

Въ этихъ различныхъ чертахъ вы не могли не распознать основной потребности опредѣленныхъ и ясныхъ формъ. Рядъ другихъ признаковъ покажетъ вамъ тонкость ихъ художественнаго чутья и необыкновенную нѣжность ихъ воспріятій. Между всѣми фомрами и размѣрами существуетъ извѣстная связь,

какъ между всѣми органами живаго тѣла, и они отъискали эту связь; они установили архитектурный модуль, по которому, на основаніи діаметра колонны, опредѣляется ея высота, затѣмъ ея строеніе, ея базисъ, капитель, потомъ разстояніе между колоннами и общая экономія зданія. Они не безъ цѣли видоизмѣнили грубую правильность математическихъ формъ — они приспособили ихъ къ внутреннему неразгаданному требованію глаза, они утолстили посрединѣ колонну искусной кривой на двѣ трети ея высоты, они сдѣлали выгибъ на всѣхъ горизонтальныхъ линіяхъ и наклонили къ центру всѣ линіи вертикальныя въ своемъ Парѳенонѣ; они освободили себя отъ стѣсняющихъ требованій механической симметріи — они поставили неравныя крыла въ своихъ Пропилеяхъ, неодинаковые уровни въ двухъ жертвенникахъ своего Эрехтейона; они поперекрещивали, разнообразили, изогнули плоскости и углы съ тѣмъ, чтобы придать архитектурной геометріи изящность, разнообразіе, неожиданность, отдаленную гибкость жизни и, не умаляя впечатлѣнія массивности, разукрасили поверхность зданій изящною тканью орнаментовъ, нарисованныхъ и изваянныхъ. Во всемъ этомъ, своеобразность ихъ равняется развѣ только ихъ художественной правдѣ; они соединили два качества, по-видимому, взаимно исключающія другъ-друга: необыкновенную роскошь и необыкновенную простоту. Наши современныя чувства не въ состояніи достигнуть этого; мы лишь вполовину, да и то постепенно успѣваемъ уразумѣть, до какой степени произведеніе ихъ совершенно. Нужно было воскресеніе Помпеи, чтобы дать намъ почувствовать гармонію и очаровательную живость декораціи, которою они убирали свои стѣны, и только въ самое послѣднее время одинъ англійскій архитекторъ измѣрилъ неуловимый изгибъ выпуклости горизонтальныхъ линій и

взаимно пересѣкающихся перпендикуляровъ, которая придаетъ ихъ самому изящному храму всю его возвышенную красоту. Передъ ними мы — какъ простой ученикъ передъ музыкантомъ, рожденнымъ и воспитаннымъ для музыки; его игра отличается тѣми тонкостями исполненія, чистотою звуковъ, полнотой аккордовъ, нѣжностью выраженія, удачной экспрессіей, которыя иной, съ посредственнымъ слухомъ и подготовкой, постигаетъ лишь какъ-то неясно и отдаленно. Мы улавливаемъ только общее впечатлѣніе, и это впечатлѣніе, соотвѣтствующее духу народа, именно подобно какому-то веселому и подкрѣпляющему празднику. Архитектурное созданіе здорово, жизненно само по себѣ; оно не нуждается, подобно готическому собору, въ собираніи у подножія его цѣлой колоніи рабочихъ, безпрерывно исправляющихъ его безпрерывное разрушеніе; оно не нуждается во внѣшнихъ подпорахъ для поддержанія своихъ сводовъ; ему не нужно желѣзной арматуры для укрѣпленія роскошнаго сооруженія его изысканныхъ и рѣзныхъ куполовъ, для прикрѣпленія къ стѣнамъ его чудныхъ и сложныхъ рѣшетокъ, его нѣжнаго филиграна изъ каменьевъ. Оно не плодъ распаленнаго воображенія, а произведеніе свѣтлаго ума. Оно создано съ тѣмъ, чтобы имѣть право на самостоятельное существованіе, безъ посторонней помощи. Почти всѣ греческіе храмы были-бы до сихъ поръ невредимы, еслибы грубость или фанатизмъ людей не истребили ихъ. Зданія Пестума стоятъ двадцать три столѣтія; Парѳенонъ разорванъ на двѣ половины вслѣдствіе взрыва пороховаго склада. Предоставленный самому себѣ, греческій храмъ сохраняется долго; въ этомъ убѣждаетъ насъ его крѣпкое строеніе; массивность не только не обременяетъ его, но, напротивъ, придаетъ бо́льшую крѣпость. Мы видимъ, какъ устойчиво равновѣсіе его во всѣхъ частяхъ, потому что архитек-

торъ внутреннее строеніе соразмѣрилъ съ наружнымъ видомъ; линіи, своей гармонической пропорціональностью останавливающія на себѣ взоръ, оказываются именно тѣми, которыя удовлетворяютъ и требованіямъ разсудка, обѣщая вѣчное существованіе Присоедините къ этому виду силы—удобство и изящность; греческое зданіе не построено съ исключительной цѣлью долговѣчности, какъ зданіе египетское. Матеріалы, изъ которыхъ оно строится, не подавляютъ его своею тяжестью, подобно упорному и коренастому Атласу; оно развивается, развертывается и вытягивается въ вышину, подобно красивому тѣлу атлета, въ которомъ сила соразмѣрна съ тонкостью и прочностью. Разсмотрите, затѣмъ, его нарядъ, золотые щиты, звѣздами усиливающіе его архитравъ, золотые пьедесталы, львиныя головы, блистающія отъ лучей солнца, золотыя и, подчасъ, разноцвѣтныя нити, извивающіяся на его капителяхъ, подборъ цвѣтовъ: алаго, краснаго, голубаго, блѣдножелтаго, зеленаго, во всѣхъ яркихъ и тусклыхъ тонахъ, которые, сливаясь и отдѣляясь одинъ отъ другаго, доставляютъ глазу ощущеніе открытаго и здороваго южнаго веселья. Сочтите, наконецъ, всѣ барельефы и статуи фронтоновъ и промежутковъ, также фризы, особенно колоссальное изображеніе внутри храма, всѣ изваянія изъ мрамора, слоновой кости и золота, всѣ тѣла героевъ и боговъ, которыя ставятъ передъ глазами человѣка совершеннѣйшіе образы мужественной силы, атлетическаго превосходства, военной доблести, благородной простоты, несокрушимаго величія,—сочтите ихъ, и вы составите себѣ первое понятіе о ихъ геніи и ихъ искусствѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ.

Отличіе древняго отъ новаго человѣка.—Жизнь и умъ у древнихъ проще, чѣмъ у насъ.

Теперь намъ предстоитъ сдѣлать еще одинъ шагъ и разсмотрѣть новую характеристическую черту греческой цивилизаціи. Обитатель древней Греціи—не только грекъ, но еще и человѣкъ древняго міра; отъ англичанина или испанца онъ отличается не только тѣмъ, что, принадлежа иному племени, обладаетъ другими способностями и другими наклонностями,—онъ отличается отъ англичанина, испанца и современнаго грека еще и тѣмъ, что, принадлежа по времени отдаленнѣйшей эпохѣ въ исторіи, у него иныя идеи и иныя чувства. Онъ проложилъ путь, а мы за нимъ послѣдовали. Онъ не создалъ своей цивилизаціи на развалинахъ нашей; напротивъ, мы нашу цивилизацію воздвигли на остаткахъ культуры греческой и многихъ другихъ. Греки занимаютъ нижній этажъ, а мы живемъ на второмъ или на третьемъ этажѣ. Отсюда—множество послѣдствій и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Что можетъ быть болѣе несходнаго, какъ двѣ жизни, изъ которыхъ одна прошла при самомъ уровнѣ земли съ настежь открытыми всѣми дверями въ какое-нибудь село, а другая вскарабкалась и замкну-

лась въ узкихъ комнатахъ высокаго дома новѣйшей архитектуры? Контрастъ между той и другой можетъ быть выраженъ двумя словами: ихъ жизнь и умъ отличаются простотой, наша жизнь и умъ—сложностью. Поэтому ихъ искусство проще нашего, а понятіе, какое составили они себѣ о душѣ и о тѣлѣ человѣка, доставляетъ ихъ произведеніямъ такой матеріалъ, какой не можетъ быть допущенъ нашей цивилизаціей.

I.

Вліяніе климата на новѣйшія цивилизаціи.—Человѣкъ имѣетъ больше потребностей.—Костюмъ, частный домъ и общественное зданіе въ Греціи и въ наше время.—Общественная организація и дѣятельность, военное искусство и мореплаваніе въ прежнее и настоящее время.

Достаточно одного взгляда на внѣшній видъ ихъ жизни, чтобы замѣтить, до какой степени она проста. Цивилизація, перемѣщаясь къ сѣверу, должна была приспособиться къ разнаго рода потребностямъ, которымъ ей не нужно было удовлетворять на мѣстахъ первоначальнаго своего пребыванія на югѣ. Въ сыромъ или холодномъ климатѣ, какъ въ Галіи, Германіи, Англіи и Сѣверной Америкѣ, человѣкъ употребляетъ несравненно болѣе пищи; ему необходимы болѣе прочные и болѣе непроницаемые дома, одежда потеплѣе и потолще, побольше огня и свѣта, побольше пріютовъ, жизненныхъ припасовъ, орудій и промышленности. Онъ усиленно развиваетъ у себя промышленность, а такъ какъ потребности его увеличиваются по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, то три четверти своихъ усилій онъ обращаетъ на достиженіе благосостоянія. Но удобства, которыми онъ снабжаетъ себя, обусловливаются и своего рода стѣсненіями, которыя всею тяжестью ложатся на него же, такъ что созданная имъ система удобствъ стѣсняетъ его свободу, всецѣло подчиняя его себѣ. Сколько предметовъ входитъ нынче въ составъ костюма обыкновеннаго человѣка! На сколько больше входитъ предметовъ въ составъ женскаго туалета даже въ быту среднихъ классовъ общества—для помѣщенія всего этого, мало двухъ-трехъ шкафовъ. Замѣтьте, что въ настоящее время, неаполитанскія или аѳинскія дамы перенимаютъ моды у насъ. Какой-нибудь палликаръ носитъ нарядъ столь же сложный, какъ и мы. Наши сѣверныя цивилизаціи, подчиняя себѣ отставшіе народы юга, внесли къ нимъ и чужой костюмъ, изысканный и сложный; нужно отправиться въ какой-нибудь слишкомъ ужъ глухой уголокъ, снизойти къ очень бѣдному классу жителей, чтобы найти въ Неаполѣ лаццарони, одѣтаго въ передникъ, или въ Аркадіи—женщинъ, прикрытыхъ простой рубашкой,—короче людей, которые убавляютъ и соразмѣряютъ свою одежду сообразно незначительнымъ требованіямъ ихъ климата.

Въ древней Греціи, короткая безъ рукавовъ тюника для мужчинъ, для женщинъ длинная тюника, спускающаяся до самыхъ ногъ, а отъ плечъ и до пояса спадающая двойнымъ рядомъ—вотъ и все существенное въ нарядѣ; прибавьте къ этому большой, квадратный кусокъ ткани, служащій драпировкой, для женщины покрывало для выходовъ, да по большей части сандаліи; Сократъ надѣвалъ ихъ только по особенно торжественнымъ днямъ; чаще всего ходили босикомъ и съ непокрытой головой. Вся эта одежда можетъ быть снята одной рукой и за одинъ разъ; она не перетягиваетъ стана, напротивъ, ясно обрисовываетъ формы тѣла; сквозь прорѣхи ея при движеніяхъ открывается голое тѣло. Ее совсѣмъ снимаютъ въ гимназіяхъ, на ристалищахъ, во многихъ

торжественныхъ плясках; „особенное свойство грековъ, говоритъ Плиній, состоитъ въ томъ, чтобы ничего не скрывать.“ Одежда у нихъ имѣетъ второстепенное значеніе какой-то мелочи, предоставляющей тѣлу полную свободу и, смотря по желанію, въ одинъ мигъ сбрасываемой на землю.—Тою-же простотой отличается и вторая оболочка человѣка, я хочу сказать—его домъ. Сравните какой-нибудь домъ изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья или Фонтенебло съ домомъ въ Помпеѣ или Геркуланумѣ, двухъ красивымъ провинціальныхъ городкахъ, которые занимаютъ по отношенію къ Риму то же мѣсто, какое Сенъ-Жерменъ или Фонтенебло занимаетъ, въ настоящее время, по отношенію къ Парижу. Сосчитайте все, что составляетъ, нынче, порядочную квартиру: большое строеніе изъ отѣсаннаго камня въ два или три этажа, стеклянныя окна, обои, лѣпная работа, ковры, двойныя и тройныя занавѣсы, печи, камины, рѣшетчатыя ставни, кровати, кресла, разнаго рода мебель, безчисленныя бездѣлушки и мелочи по части хозяйства и роскоши, и противопоставьте всему этому шаткія стѣны какого-нибудь дома въ Помпеѣ, его десять или двѣнадцать маленькихъ комнатокъ, расположенныхъ вокругъ небольшаго двора, на которомъ слышится слабый плескъ воды, его тонкую живопись, его маленькія бронзовыя изваянія; это легкое убѣжище, чтобы поспать ночью, отдохнуть въ полдень, насладиться прохладой, разсматривая, отъ нечего дѣлать, нѣжныя арабески и чудную гармонію красокъ; климатъ тамъ не требуетъ ничего больше. Въ лучшую пору Греціи, хозяйство было у нихъ еще въ болѣе скромномъ видѣ [1]). Стѣны, которыя обыкновенно могли

[1]) См. обо всѣхъ этихъ подробностяхъ частнаго быта соч. Беккера Charidès, особенно экскурсіи.

проломать воры, побѣленныя извѣстью и, еще во времена Перикла, лишенныя живописи; постель съ двумя-тремя одѣялами, сундукъ, нѣсколько изящныхъ разрисованныхъ вазъ, развѣшанное оружіе, свѣтильня самого древняго устройства, очень маленькій домикъ, большею частью, въ одинъ этажъ—всего этого было совершенно достаточно для благороднаго аѳинянина; онъ живетъ внѣ дома, на чистомъ воздухѣ, въ портикахъ, въ Агорѣ, въ гимназіяхъ. Общественныя зданія, подъ которыми проходитъ его общественная жизнь, такъ-же мало убраны, какъ и его частный домъ. Вмѣсто дворца, подобнаго зданію Законодательнаго Корпуса или Лондонскому Вестминстеру, съ его внутренними переходами, его скамьями, освѣщеніемъ, библіотекой, буфетомъ, всѣми его комнатами и всѣми его службами, у нихъ есть пустая площадь, Пниксъ, да нѣсколько каменныхъ площадокъ, образующихъ трибуну для оратора. Въ настоящее время, когда мы строимъ оперный театръ, намъ необходимъ громадный фасадъ, четыре или пять обширныхъ павильоновъ, фойэ, разнаго рода залы и корридоры широкій кругъ для зрителей, огромную сцену, гигантскій чердакъ для передвиженія декорацій и пропасть коморокъ и помѣщеній для управляющихъ театромъ и актеровъ; мы затрачиваемъ сорокъ милльоновъ, и въ залѣ будетъ двѣ тысячи мѣстъ. Въ Греціи, театръ помѣщаетъ отъ тридцати до пятидесяти тысячъ зрителей и стоитъ въ двадцать разъ меньше, чѣмъ у насъ; это потому, что природа облегчаетъ тамъ издержки; на скатѣ какого-нибудь холма вытесываютъ полукругомъ ступени, внизу и въ центрѣ небольшой жертвенникъ, большая изваянная стѣна для отраженія голоса актеровъ, вмѣсто лампы солнце, а вмѣсто декорацій—вдали то блистающее море, то группы горъ, облитыя свѣ-

томъ. Они умѣренностью достигаютъ великолѣпія и удовлетворяютъ своимъ развлеченіямъ, равно какъ и серьезнымъ дѣламъ, съ такимъ совершенствомъ, какого никогда не достигнуть намъ денежнымъ мотовствомъ.

Перейдемъ къ нравственнымъ сооруженіямъ. Въ настоящее время, государство заключаетъ въ себѣ отъ тридцати до сорока милльоновъ людей, разсѣянныхъ на обширной территоріи въ нѣсколько сотъ льѳ длиною. Поэтому оно прочнѣе древней общины, но за то оно и несравненно сложнѣе ея; чтобы исполнять въ немъ какую нибудь должность, нужно быть спеціалистомъ. Вслѣдствіе этого, общественныя должности составляютъ такую же спеціальность, какъ и всякія иныя. Масса населенія вмѣшивается въ общія дѣла лишь изрѣдка, при посредствѣ выборовъ. Живетъ она или прозябаетъ по провинціямъ, не имѣя возможности составитъ себѣ личныхъ или точныхъ мнѣній, довольствуясь скудными впечатлѣніями и темными возбужденіями и, по необходимости, отдаваясь въ руки болѣе просвѣщенныхъ людей, которыхъ она отправляетъ въ столицу и которые замѣняютъ эту массу, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы рѣшить миръ, войну или распредѣлить налоги.—Тоже подчиненіе обнаруживается и въ вопросахъ религіи, правосудія, войска и флота. По каждому роду подобныхъ обязанностей мы имѣетъ рядъ спеціалистовъ; необходимы долгія подготовленія, чтобы занять между ними мѣсто; они ускользаютъ изъ круга обычнаго старшинства, соблюдаемаго между гражданами. Мы не принимаемъ никакого участія въ общемъ ходѣ дѣлъ; мы имѣемъ делегатовъ, которые, будучи избраны изъ своей же среды или назначены отъ государства, сражаются, плаваютъ, чинятъ судъ и расправу или молятся за насъ. И мы не можемъ поступать иначе; отправленіе обязанности слишкомъ сложно, чтобы

можно было довѣрить его зря, первому встрѣчному; необходимо, чтобы священникъ прошелъ сперва семинарію, судья—школу правъ, офицеръ—подготовительныя заведенія, казарменную или корабельную жизнь, канцелярскій чиновникъ—систему испытаній и рядъ канцелярій.—Напротивъ, въ маленькомъ государствѣ, подобномъ греческому городу, обыкновенный человѣкъ стоитъ на уровнѣ требованій любой общественной должности; общество не раздѣляется на дѣятелей и администраторовъ: тамъ нѣтъ отставныхъ гражданъ, тамъ всѣ—граждане дѣятельные. Аѳинянинъ самъ рѣшаетъ вопросы, касающіеся общественныхъ интересовъ; пять-шесть тысячъ гражданъ выслушиваютъ ораторовъ и вотируютъ на общественной площади—мѣстѣ, обыкновенно занимаемомъ рынкомъ; туда приходятъ для изданія декретовъ и законовъ точно такъ-же, какъ и для продажи вина или маслинъ; вся территорія страны не больше городскаго округа, поэтому деревенскому жителю до площади не дальше, какъ горожанину. Кромѣ того, дѣла, о которыхъ будетъ итти рѣчь, совершенно понятны каждому, потому что это—интересы не сложнѣе интересовъ какого-нибудь прихода, такъ какъ вся страна заключается тутъ въ одномъ городѣ. Ему нетрудно понять, какого рода политики слѣдуетъ держаться съ Мегарой или Коринѳомъ; для этого ему достаточенъ его личный опытъ и его ежедневныя впечатлѣнія; ему нѣтъ надобности быть записнымъ политикомъ, вооруженнымъ цѣлымъ арсеналомъ знаній по части географіи, исторіи, статистики и пр. Къ тому-же, у себя дома онъ и священникъ, а въ своей фратріи или куріи ему приходится нерѣдко быть и первосвященникомъ; и не трудно ему исполненіе этихъ обязанностей, потому что вся религія его есть хорошенькая нянюшкина сказка, а совершаемыя имъ церемоніи состоятъ изъ танца или

пѣнія, хорошо знакомыхъ ему съ дѣтства, и изъ пирушки, на которой онъ предсѣдательствуетъ въ особомъ костюмѣ.—Къ тому же, онъ судья въ декастеріяхъ, при гражданскихъ, уголовныхъ и религіозныхъ дѣлахъ, онъ-же и адвокатъ, обязанный защищать свое собственное дѣло. Обитатель юга, грекъ, разумѣется, отличается живымъ умомъ, бойкой и красивой рѣчью; законы у нихъ не усложнились и не накопились еще въ цѣлые кодексы, въ необъятные своды; въ общихъ чертахъ онъ знаетъ ихъ,—притомъ-же истцы всегда ихъ цитируютъ; наконецъ, обычай позволяетъ ему повиноваться своимъ инстинктамъ, своему здравомыслію, своимъ чувствамъ и страстямъ, по меньшей мѣрѣ, въ такой-же степени, какъ точнымъ требованіямъ права и легальнымъ аргументамъ.—Если онъ богатъ, вы видите въ немъ импрессаріо. Вамъ извѣстно, что театръ ихъ не такъ сложенъ, какъ нашъ, и потому у грека, у аѳинянина, всегда найдется достаточно вкуса, чтобы перенять что-либо у танцоровъ, пѣвцовъ или актеровъ.—Богатъ грекъ или бѣденъ, ему все-таки придется быть солдатомъ; такъ какъ военное искусство было еще тогда очень незамысловато, люди не знали различныхъ смертоносныхъ орудій новаго времени, то народная стража составляла у нихъ всю армію. До самаго прихода римлянъ, у нихъ не было лучшей; чтобы составить эту армію и образовать совершеннѣйшаго воина, необходимы два условія, и оба эти условія достигаются совмѣстнымъ воспитаніемъ, безъ всякаго спеціальнаго обученія, безъ гарнизонной школы, безъ особой дисциплины и казарменныхъ упражненій. Съ одной стороны, они требуютъ, чтобы каждый воинъ былъ возможно лучшимъ гладіаторомъ, имѣлъ мощное, статное и ловкое тѣло, способенъ былъ мѣтко наносить удары, защищаться и бѣгать; всему этому научаются въ ихъ гимназіяхъ, этихъ коллегіяхъ

для всего юношества: въ теченіе многихъ лѣтъ, по цѣлымъ днямъ, учатъ ихъ тамъ бороться, прыгать, бѣгать, бросать дискъ и методически развиваютъ и укрѣпляютъ всѣ члены и всѣ мускулы тѣла. Съ другой—они требуютъ, чтобы воины умѣли ходить, бѣгать и совершать всѣ передвиженія въ строгомъ порядкѣ; всему этому удовлетворяетъ оркестрика: всѣ ихъ народныя и религіозныя празднества составляютъ своего рода школу для дѣтей и молодежи, которая обучается тутъ собираться въ группы и двигаться отдѣльными отрядами; въ Спартѣ, хоръ общественнаго танца и военная община (Choros и Lochos) составлены по одному и тому же образцу.—Греку не трудно превратиться и въ моряка, безъ особой къ тому подготовки. Въ то время, военный корабль былъ—побережное судно, помѣщающее на себѣ не болѣе двухъ сотъ человѣкъ и не теряющее изъ глазъ береговъ. Въ городѣ, имѣющемъ гавань и живущемъ морской торговлей, не найдется и одного человѣка, который не умѣлъ бы управлять судномъ, который не зналъ-бы или не научился скоро распознаванію условныхъ знаковъ, перемѣнъ вѣтра, не зналъ-бы положенія мѣстностей и разстояній, всей техники и всѣхъ мелочей, съ которыми какой-нибудь матросъ или морской офицеръ знакомится у насъ только послѣ десяти-лѣтней службы на кораблѣ. Всѣ эти частности древней жизни происходятъ отъ одной и той-же причины—отъ простоты совершенно самобытной цивилизаціи—и всѣ склоняются къ произведенію одного и того-же результата—образованію въ человѣкѣ простаго и стойкаго духа, въ которомъ ни одна способность, ни одна наклонность не развилась къ ущербу другихъ, который ни разу не вышелъ изъ своей колеи, не былъ обезображенъ усиленнымъ достиженіемъ какой-нибудь исключительной цѣли. Теперь у насъ есть люди образованные и

необразованные, городской житель и поселянинъ, провинціалъ и столичный житель, кромѣ того столько же отдѣльныхъ родовъ людей, сколько существуетъ сословій, занятій и ремеслъ, — вездѣ вы видите личность, замкнутую въ созданной своими руками для себя клѣткѣ и подавленную множествомъ потребностей, тоже измышленныхъ собственнымъ своимъ умомъ. Менѣе искусственный, менѣе исключительный, менѣе удалившійся отъ первобытнаго состоянія, грекъ дѣйствовалъ въ политическомъ кругу, болѣе принаровленномъ къ способностямъ человѣческимъ, посреди нравовъ, болѣе приспособленныхъ къ поддержанію животныхъ инстинктовъ: стоя ближе къ природѣ, будучи менѣе закрѣпощенъ условіями навязанной цивилизаціи, онъ былъ болѣе человѣкъ, чѣмъ мы.

II.

Вліяніе прошедшаго на современныя цивилизаціи.—Христіанство.—Данте и Гомеръ.—Идея смерти и безконечнаго въ Греціи.—Разладъ между умозрѣніями и чувствами современнаго человѣка.—Отличіе новыхъ языковъ отъ древне-греческаго.—Образованіе и воспитаніе древнихъ, сравнительно съ образованіемъ и воспитаніемъ современнаго человѣчества.—Противоположность между непосредственной, юной цивилизаціей и цивилизаціей выработанной, сложной.

До сихъ поръ мы говорили лишь о наружныхъ признакахъ, о внѣшнихъ формахъ, вліяющихъ на видоизмѣненіе личности. Проникнемъ-же въ самую личность, въ міръ ея чувствъ и мыслей: тутъ снова насъ поразитъ разстояніе, раздѣляющее ихъ отъ насъ. Во всякое время и у каждаго народа, чувства и мысли образуются при посредствѣ двоякаго рода культуры: духовной и свѣтской; и та, и другая клонились тогда къ сообщенію имъ простоты; въ настоящее время, и та, и другая могутъ только усложнить область чувствъ и мысли. Новые народы—Христіане, а Христіанство полагаетъ извѣстные предѣлы природнымъ инстинктамъ. Оно провозглашаетъ, что міръ исполненъ зла, и человѣкъ испорченъ; въ первыя времена Христіанства, конечно, оно и было такъ несомнѣнно. Поэтому человѣку необходимо измѣнить свою жизнь, которая имѣетъ для него значеніе лишь временнаго пребыванія: обратимъ взоры наши къ небу. Природа человѣческая въ основаніи своемъ грѣховна: поудержимъ всѣ наши природныя наклонности и будемъ изнурять наше тѣло. Чувственный опытъ и толкованія ученыхъ несовершенны и обманчивы: изберемъ же свѣточемъ своимъ откровеніе, вѣру и божественное вдохновеніе. Путемъ покаянія, поста и размышленія будемъ развивать въ себѣ духовнаго человѣка,—пусть жизнь наша превратится въ страстную жажду спасенія, въ постоянное напряженіе воли, въ безпрестанныя воздыханія къ Богу, въ неустанныя помышленія о божественной любви, удовлетворяемой, время отъ времени, приливами восторженности и прозрѣванія будущаго. Въ теченіе четырнадцати столѣтій, завѣтнымъ идеаломъ былъ анахоретъ или монахъ. Чтобы измѣрить могущество подобной идеи и великость того преобразованія, какое сообщила она человѣческимъ наклонностямъ и привычкамъ, прочтите одну за другою величественную поэму христіанской эпохи „Божественную комедію“ и величественныя языческія поэмы „Одиссею“ и „Илліаду“. Данте весь находится какъ-бы подъ вліяніемъ видѣнія; его, казалось, перенесли изъ предѣловъ нашего ничтожнаго мірка въ область вѣчности; онъ видитъ тамъ мучениковъ, искупающихся, праведниковъ; онъ потрясенъ нечеловѣческимъ ужасомъ и томленіемъ; все, что можетъ только изобрѣсти яростное и утонченное воображеніе

карателя и палача, открывается предъ его глазами, улавливается и передается имъ; затѣмъ, онъ поднимается къ свѣту; тѣло его дѣлается невѣсомымъ; онъ воспаряетъ къ небу, невольно увлекаемый улыбкой блистающей женщины; онъ слышитъ души ихъ голоса и ихъ дрожащую мелодію; онъ видитъ клиры пѣвцовъ, огромную розу изъ живыхъ свѣточей, составленную изъ неземныхъ добродѣтелей и неземныхъ силъ; священныя изрѣченія, догматы истины раздаются въ ѳеирѣ. На этихъ жгучихъ высотахъ, отъ жара которыхъ разумъ таетъ какъ воскъ, символъ и видѣніе, смѣшиваясь и уничтожая другъ друга, производятъ какое-то мистическое очарованіе, и вся поэма, всѣ части ея—и адская, и божественная—представляются какимъ-то сновидѣніемъ, которое начинается бредомъ и оканчивается восторженнымъ обаяніемъ.

Несравненно естественнѣе и трезвѣе поэмы Данте зрѣлище, представляемое намъ Гомеромъ. Это—Троя, островъ Итака, берега Греціи; теперь еще можно видѣть ихъ на картѣ, а пріѣхавъ въ Грецію, можно узнать очертанія горъ, цвѣтъ моря, быстрые потоки воды, кипры, ольхи, на вершинахъ которыхъ гнѣздятся морскія птицы; онъ передалъ намъ устойчивую и неизмѣнную природу; вездѣ у него вы находите прочную почву истины. Книга его составляетъ историческій памятникъ; описываемые имъ нравы, дѣйствительно, принадлежали его современникамъ; самый Олимпъ есть лишь изображеніе греческой семьи. Намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ особеннымъ усиліямъ, искать особеннаго возбужденія, чтобы открыть въ самихъ себѣ чувства, подобныя тѣмъ, какія онъ выражаетъ, или представить себѣ весь описываемый имъ міръ: сраженія, путешествія, пиры, общественныя рѣчи, частныя бесѣды, всѣ картины дѣйствительной жизни, дружбу, родительскую и супружескую любовь, стремленіе къ сла-

вѣ и дѣятельности, гнѣвъ, успокоеніе, наклонность къ празднествамъ, наслажденіе жизнью,—всѣ чувства и всѣ страсти естественнаго человѣка. Онъ замыкается въ видимый кружокъ, который каждому поколѣнію указываетъ человѣческій опытъ; онъ не выходитъ изъ него; съ него достаточно этого міра, который одинъ имѣетъ въ его глазахъ значеніе; все за предѣлами его представляется ему въ качествѣ смутнаго мѣстопребыванія тѣней. Когда Улиссъ, встрѣтивъ Ахилла у Гадеса, поздравляетъ его съ тѣмъ, что онъ встрѣчаетъ его первымъ въ странѣ тѣней, тотъ отвѣчаетъ ему: „Не говори мнѣ о смерти, доблестный „Улиссъ. По мнѣ лучше быть землепашцемъ и служить за плату какому-нибудь неимущему человѣку, „съ трудомъ прокармливающему себя, чѣмъ повелѣвать всѣми мертвецами въ мірѣ. Лучше поговоримъ „о доблестномъ моемъ сынѣ,—скажи мнѣ, былъ-ли „онъ первымъ на войнѣ?“ И тамъ даже, за предѣлами гроба, его все-таки интересуетъ земная жизнь. „И удалился тогда большими шагами быстроногій „Ахиллъ въ золотоокую (asphodèles) долину, веселъ и „радостенъ, ибо я сказалъ ему, что сынъ его доблестенъ и храбръ.“ Во всѣ эпохи греческой цивилизаціи, съ различными оттѣнками, проглядываетъ одно и тоже чувство; міръ ихъ—тотъ, который освѣщаетъ солнце; умирающій единственной надеждой своей и утѣшеніемъ имѣетъ убѣжденіе, что его переживутъ дѣти, переживетъ слава о немъ, останется его могила, его отечество. „Счастливѣйшій изъ людей, какихъ я когда-либо зналъ, говорилъ Крезу Солонъ,—„аѳинянинъ Теллій, ибо городъ его процвѣтаетъ, у „него есть красивыя и добрыя дѣти, которыя всѣ „имѣли тоже дѣтей при его жизни и успѣли сберечь „свое состояніе; благоденствуя такимъ образомъ при „жизни, онъ имѣлъ и славный конецъ: когда аѳиняне „сражались съ своими сосѣдями элевзинами, онъ уча-

„ствовалъ въ битвѣ и умеръ, видя бѣгство непрія-„телей; на мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, аѳиняне погребли „его на счетъ государства и почтили память его „торжественными празднествами.“ Во времена Платона, Гиппій, передавая народное мнѣніе, говоритъ тоже: „Верхъ человѣческаго благополучія, во всѣ времена, для каждаго человѣка и въ каждомъ мѣстѣ, „состоитъ въ томъ, чтобы имѣть богатство, здоровье „и, пользуясь уваженіемъ отъ всѣхъ грековъ, достигнуть, такимъ образомъ, старости; затѣмъ, воздавъ „съ подобающей торжественностью послѣдній долгъ „своимъ родителямъ, удостоиться и самому быть „проведеннымъ въ могилу съ такимъ же великолѣпіемъ своими наслѣдниками.“ Когда-же философская мысль останавливается надъ идеей о загробной жизни, послѣдняя не заключаетъ въ себѣ ничего поражающаго, безконечнаго, несоразмѣрнаго съ условіями настоящей жизни; она такъ-же несомнѣнна, какъ и та, и вовсе не похожа на жизнь, кипящую муками или блаженствомъ, на яростную бездну или на ангельское сіяніе славы. „Изъ двухъ неизбѣжныхъ „вещей одна есть смерть, говорилъ Сократъ своимъ „судьямъ; мертвый—или ничто, не имѣющее никакихъ „ощущеній, или-же смерть, какъ говорятъ, есть лишь „перемѣна, переходъ изъ настоящаго мѣстожительства „въ другое. Если послѣ смерти не существуетъ никакихъ ощущеній, если мы находимся тогда какъ „бы въ какомъ-то снѣ, лишенномъ даже сновидѣній, „то смерть есть великое благо, ибо еслибы кто-нибудь, по моему мнѣнію, избралъ въ своей жизни подобную ночь,—ночь, въ которую онъ спалъ-бы такъ „крѣпко, что не имѣлъ даже сновидѣній, и сравнилъ „бы съ нею другіе дни и другія ночи своей жизни, „чтобы узнать, сколько именно, въ числѣ ихъ, было „лучшихъ и счастливѣйшихъ часовъ, то ему не трудно было-бы счесть ихъ—кто бы ни былъ этотъ че-

„ловѣкъ: простой гражданинъ или великій государь. „Слѣдовательно, если такова именно смерть, я утверждаю, что она—выигрышъ для человѣчества, ибо „если это такъ, то все время послѣ кончины есть „лишь одна ночь.—Но если смерть есть перемѣна „мѣстожительства и если, какъ говорятъ, тамъ всѣ „умершіе живутъ вмѣстѣ, то возможно-ли, о судьи, „придумать болѣе совершенное блаженство! Если человѣкъ, являясь предъ лицо Гадеса, освобожденный „отъ разнаго рода судій, которымъ подчиненъ онъ „здѣсь, находитъ тамъ истинныхъ судій, такихъ, „какіе, говорятъ, судятъ тамъ: Миноса, Радаманта, „Эака, Триптолема и тѣхъ изъ полубоговъ, которые „были праведны въ своей земной жизни,—то кто же „пожалуется на подобную перемѣну? Жить вмѣстѣ „съ Орфеемъ, Музою, Гезіодомъ, Гомеромъ—о какъ „дорого заплатилъ бы каждый изъ насъ за подобное „счастіе! Что до меня—если это правда—я готовъ „умереть нѣсколько разъ.“ Итакъ, въ томъ и другомъ случаѣ, „мы должны умирать съ отрадной надеждой.“ Черезъ двадцать столѣтій, Паскаль, возвращаясь къ тому же вопросу и той-же неизвѣстности, не видитъ для невѣрущаго иного исхода „кромѣ ужасной альтернативы: вѣчнаго, безвозвратнаго исчезновенія, или вѣчныхъ мукъ.“ Подобный контрастъ указываетъ вамъ на то смятеніе, которое, восемьнадцать вѣковъ тому назадъ, было заронено въ человѣческую душу. Перспектива счастливой или несчастной вѣчности разрушила ея равновѣсіе; вплоть до конца среднихъ вѣковъ, подъ этимъ невыразимымъ гнетомъ, колебалась она, подобно испорченному и невѣрному маятнику, отъ одной крайности къ другой, то падая внизъ, то воспаряя въ высь поднебесную. Когда въ эпоху Возрожденія стѣсненная природа снова ожила и выпрямилась, она нашла передъ собою, на гибель себѣ, прежнюю аскетическую и мистическую

доктрину не только съ ея традиціями, возстановленными или обновленными, но и съ ея трепетомъ, снова овладѣвшимъ наболѣвшей душой и распаленнымъ воображеніемъ. Разладъ существуетъ и теперь еще; въ насъ и вокругъ насъ скрывается двоякаго рода мораль, двѣ точки зрѣнія на природу и жизнь, и ихъ постоянныя столкновенія рѣзко отдѣляютъ насъ отъ гармоніи юнаго міра, когда природные инстинкты безпорядочно, но и безпрепятственно развивались, подъ благопріятнымъ вліяніемъ миѳологіи, которая содѣйствовала ихъ жизни, вмѣсто того, чтобы заглушать ее.

Но если религіозная культура противопоставила у насъ врожденнымъ наклонностямъ нѣсколько отвлеченныя чувства, то свѣтская культура породила въ нашей головѣ цѣлый лабиринтъ искусственныхъ и чуждыхъ намъ идей. Сопоставьте первое и самое могучее изъ воспитательныхъ вліяній—вліяніе языка—въ Греціи и у насъ. Наши новые языки, итальянскій, испанскій, французскій, англійскій—испорченные провинціализмы, обезображенные остатки прекраснаго языка, искаженнаго въ теченіе долгаго періода упадка и до сихъ поръ искажаемаго и затемняемаго пришлыми элементами и смѣшеніемъ. Они подобны зданіямъ, воздвигнутымъ изъ остатковъ древняго храма и другихъ матеріаловъ, случайно попавшихъ подъ руку; въ самомъ дѣлѣ, мы выстроили зданіе, въ которомъ живемъ, изъ латинскихъ камней, изуродованныхъ и наложенныхъ по иному образцу, изъ уличнаго булыжника и изъ щебня,—выстроили нѣкогда готическій замокъ и, въ настоящее время, обыкновенный домъ. Нашъ умъ живетъ въ немъ, потому что самъ онъ сложился по его формѣ; но на сколько-же привольнѣе было уму грековъ въ пріютѣ, созданномъ имъ себѣ! Мы сразу не поймемъ даже нашихъ общихъ выраженій; они не прозрачны; вы не видите, сквозь нихъ, ихъ корня, того чувственнаго предмета, отъ котораго они заимствовали свое названіе; теперь необходимо, чтобы намъ объяснили нѣкоторыя выраженія, которыя прежде человѣкъ легко понималъ просто по аналогіи: родъ, видъ, грамматика, счисленіе, экономія, законъ, мысль, пониманіе и пр. Даже въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ это неудобство менѣе ощутительно, недостаетъ руководящей нити. Почти весь нашъ философскій и научный словарь состоитъ изъ иностранныхъ рѣченій; чтобы овладѣть содержаніемъ его, намъ нужно знать греческій и латинскій языкъ, и при всемъ томъ мы часто употребляемъ слова некстати. Этотъ техническій лексиконъ ввелъ пропасть своихъ словъ въ разговорный языкъ и въ литературную рѣчь; вслѣдствіе этого, мы говоримъ и думаемъ теперь при посредствѣ тяжелыхъ, нелегко поддающихся измѣненію выраженій. Мы беремъ ихъ совершенно готовыми и повторяемъ по привычкѣ; употребляемъ мы ихъ, не соображаясь съ ихъ значеніемъ и не различая въ нихъ оттѣнковъ; мы высказываемъ лишь приблизительно то, что желали-бы сказать. Писателю у насъ нужно употребить пятнадцать лѣтъ, чтобы научиться писать—не геніально: этому не научишься—а ясно, послѣдовательно, толково и до извѣстной степени точно. Это—потому, что ему необходимо вникнуть въ значеніе и усвоить себѣ десять или двѣнадцать тысячъ словъ и разныхъ выраженій, отмѣтить ихъ происхожденіе, родство, соотношенія, перестроить заново и по своеобразному плану всѣ свои идеи и весь свой умъ. Если онъ не сдѣлалъ этого и хочетъ разсуждать о правѣ, о долгѣ, объ изящномъ, о государствѣ и о всѣхъ великихъ интересахъ человѣка, ему придется пробираться ощупью и спотыкаться каждую минуту; онъ запутается въ длинныхъ и темныхъ фразахъ, въ громкихъ выраженіяхъ и общихъ мѣстахъ, въ отвлеченныхъ и уродливыхъ изрѣченіяхъ: взгляните на произведенія его въ нашихъ пе-

ріодическихъ изданіяхъ, обратите вниманіе на рѣчи народныхъ ораторовъ; такова участь въ особенности мастеровыхъ потолковѣе, не получившихъ классическаго образованія; они не владѣютъ словомъ, не владѣютъ поэтому и мыслью; они говорятъ ученымъ языкомъ, который имъ вовсе не свойственъ; онъ тѣменъ для нихъ; вотъ почему онъ затемняетъ и умъ ихъ; они не имѣли времени процѣдить его себѣ капля-по-каплѣ. Это—громадный недостатокъ, не существовавшій для грековъ. У нихъ не было разстоянія между рѣчью, касающеюся чувственныхъ предметовъ, и рѣчью, выражающею отвлеченное разсужденіе, между языкомъ народа и языкомъ ученыхъ людей,—одинъ дополнялъ собою другой; въ діалогѣ Платона не найдется ни одного выраженія, которое было-бы неизвѣстно любому юношѣ, вышедшему изъ его гимназіи; въ рѣчи Демосѳена нѣтъ ни одного предложенія, которое не нашло бы готоваго мѣста въ головѣ любаго кузнеца или поселянина изъ Аѳинъ. Попытайтесь перевести хорошимъ греческимъ языкомъ какую-нибудь рѣчь Питта или Мирабо, даже какой-нибудь отрывокъ изъ Аддисона или Николя—вы должны будете передумать или переставить избранный отрывокъ на-ново; наконецъ, вы отъищите для однихъ и тѣхъ же предметовъ выраженія болѣе близкія къ ихъ внѣшней сторонѣ, чувственному опыту [1]); яркимъ свѣтомъ освѣтятся предъ вами черты всѣхъ истинъ и всѣхъ ошибокъ; то, что прежде называли вы естественнымъ и яснымъ, покажется вамъ преувеличеннымъ и темноватымъ, и вы поймете изъ этого контраста, почему орудіе мысли у грековъ, будучи проще нашего, лучше и легче выполняло свое назначеніе.

Съ другой стороны, съ подобнымъ орудіемъ

[1]) Прочесть кстати сочиненія Павла-Людовика Курье, образо-

созданіе ихъ усложнилось до чрезмѣрности. Кромѣ идей самихъ грековъ, предъ нами всѣ идеи, сложившіяся въ теченіе восемнадцати столѣтій. Едва успѣли мы родиться на свѣтъ, какъ уже были обременены своими пріобрѣтеніями. По выходѣ изъ состоянія грубаго варварства, при первомъ разсвѣтѣ среднихъ вѣковъ, наивный, едва лепечущій умъ долженъ былъ облечься въ остатки классической древности, древне-духовной литературы, въ терніи византійской теологіи, въ обширную и тонкую энциклопедію Аристотеля, еще болѣе затемненную его арабскими комментаторами. Въ началѣ эпохи Возрожденія, реставрированная древность подбавила намъ всѣ свои міросозерцанія, перепутала наши идеи, поочередно заставляла насъ признать то ея авторитетъ, то ея доктрины и примѣры, подѣлала насъ римлянами и греками по языку и уму, какъ это было съ итальянскими писателями XV-го вѣка, предписала намъ свои формы для драматическихъ произведеній и для стиля въ XVII-мъ столѣтіи, навязала намъ свои преданія и свои политическія утопіи, какъ во времена Руссо и въ эпоху революціи. Между тѣмъ, расширившійся ручеекъ увеличивался еще бездной маленькихъ притоковъ,—постояннымъ, ежедневно все болѣе и болѣе подвигающимся возростаніемъ опытной науки и человѣческаго изобрѣтенія, увеличивался и замѣтными пріобрѣтеніями новыхъ цивилизацій, распространившихся тогда въ пяти или шести большихъ государствахъ. Присоедините къ этому, за послѣднее

вавшаго свой стиль по образцу греческаго. Сравните его переводъ первыхъ главъ Геродота съ переводомъ Ларшера. Въ Francois-le-Champi, въ Maitres sonneurs, въ Mare au Diable, Жоржъ-Зандъ, въ значительной степени, успѣла овладѣть простотой, естественностью и здравомысліемъ греческаго стиля. Это производитъ странный контрастъ съ новымъ стилемъ, который она употребляетъ, когда говоритъ отъ себя и когда говорятъ, въ ея книгѣ, образованныя лица.

столѣтіе, весьма распространенное знаніе новыхъ языковъ и литературъ, открытіе восточныхъ и отдаленныхъ цивилизацій, необыкновенные успѣхи исторіи, воскресившей передъ нашими глазами нравы и чувства столькихъ племенъ и столькихъ вѣковъ; ручеекъ превратился въ рѣку столько-же причудливую, какъ и огромную; вотъ что предстоитъ теперь поглотить человѣческому уму, и чтобъ хоть до нѣкоторой степени усвоить себѣ все это, необходимы геній, терпѣніе и долгая жизнь какого-нибудь Гёте. О какъ мелокъ и ничтоженъ первоначальный источникъ! Въ лучшую пору Греціи, молодой человѣкъ „учился „читать, писать, считать [1]), играть на лирѣ, бороть„ся и производить всѣ иныя тѣлесныя упражненія" [2]). Этимъ ограничивалось воспитаніе „дѣтей лучшихъ семействъ". Прибавимъ, однакожъ, что у учителя музыки, ему преподавалось пѣніе нѣсколькихъ религіозныхъ и народныхъ гимновъ, произнесеніе отрывковъ изъ Гомера, Гезіода и лирическихъ поэтовъ, заучиваніе пэана, который онъ пѣлъ на войнѣ, и пѣсни Гармодія, которую онъ произносилъ за столомъ. Болѣе зрѣлый юноша слушалъ въ Агорѣ рѣчи ораторовъ, разныя постановленія, обнародованіе законовъ. Во времена Сократа, любознательный юноша могъ слушать пренія и разсужденія софистовъ; онъ старался добыть себѣ книгу Анаксагора или Зенона Элейца; нѣкоторые интересовались геометрическими занятіями; но вообще воспитаніе было исключительно гимнастическое и музыкальное; два-три часа, въ промежуткѣ между двумя тѣлесными упражненіями, посвящаемые ими философскому пренію, не могутъ быть поставлены въ сравненіе съ нашими пятнадцатью

1) Grammata. Такъ какъ буквы служили цифрами, то этимъ словомъ обозначались обыкновенно три предмета.

2) Платона, Θеагъ, изд. Fred. Ast., т. VIII, стр. 386.

или двадцатью годами классическаго обученія и спеціальныхъ занятій, какъ ихъ двадцать или тридцать свертковъ рукописнаго папируса не могутъ быть сравниваемы съ нашими библіотеками въ три милльона томовъ. Всѣ эти отличія сводятся къ одному, раздѣляющему первичную и юную цивилизацію отъ цивилизаціи выработанной и сложной. Поменьше пособій и снарядовъ, менѣе промышленныхъ орудій, соціальныхъ круговъ, заученныхъ словъ, перенятыхъ идей; наслѣдство и имущество поменьше и потому поудобнѣе къ передвиженію; одновременный и прямой ростъ, безъ кризисовъ и нравственныхъ заблужденій; вслѣдствіе же этого — болѣе свободныя движенія природныхъ способностей, болѣе здоровое пониманіе жизни, менѣе измученная, менѣе надсадившаяся, менѣе обезображенная душа и умъ, — эта-то основная и весьма важная черта ихъ жизни обнаруживается и въ искусствѣ ихъ.

III.

Вліяніе этихъ отличій на душу и на искусство.—Чувства, лица и характеры въ средніе вѣка, въ эпоху Возрожденія и въ настоящее время.—Античный вкусъ въ противоположность новому вкусу.—Въ литературѣ.—Въ скульптурѣ.—Значеніе тѣла, взятаго само по себѣ.—Сочувствіе къ совершенству въ гимнастикѣ.—Характеристическія черты головы.—Незначительная важность физіономіи.—Интересъ къ физическому движенію и ничего не выражающему покою.—Взаимная связь между нравственнымъ состояніемъ и такой формой искусства.

Въ самомъ дѣлѣ, во всѣ времена, идеальное произведеніе составляетъ какъ бы отголосокъ, резюмэ реальной жизни. Разсматривая душу новаго человѣка, мы встрѣчаемъ въ ней искаженія, нескладицу, болѣзненное настроеніе и, если можно такъ выразиться, гипертрофію чувствъ и способностей, находящую точное изображеніе свое въ искусствѣ. — Въ средніе вѣка, чрез-

мѣрное развитіе духовнаго, внутренняго человѣка, стремленіе къ нѣжнымъ, неземнымъ мечтаніямъ, культъ страданія, презрѣніе къ тѣлу, доводятъ напряженное воображеніе и чувствительность до бреда и какого-то обожанія. Вы встрѣчали образцы подобнаго настроенія въ „Подражаніи“ и Fioretti, у Данте и Петрарки, въ изысканныхъ тонкостяхъ и непомѣрномъ безуміи рыцарства и любовныхъ похожденій. Отсюда, въ живописи и скульптурѣ, являются лица безобразныя или просто некрасивыя, часто уродливыя и безжизненныя, почти всегда исхудалыя, изнуренныя, изможденныя и страдальческія,—лица, всецѣло поглощенныя единственной мыслью, которая отвращаетъ ихъ глаза отъ окружающей жизни, какъ бы окаменѣвшія въ ожиданіи чего-то или въ состояніи восторженности, съ выраженіемъ грустнаго монастырскаго смиренія или блистающаго экстаза, слишкомъ нѣжныя или слишкомъ восторженныя для жизни и какъ-бы тяготѣющія къ небу.—Въ эпоху Возрожденія, повсемѣстное смягченіе условій человѣческой жизни, примѣръ древности, вновь найденной и понятой, порывъ освобожденнаго ума, гордаго своими великими открытіями, возобновляютъ чувственность и искусство язычниковъ. Но средневѣковыя учрежденія и обрядность остались еще, и вы невольно замѣчаете, въ самыхъ прекрасныхъ произведеніяхъ Италіи и Фландріи, поразительный контрастъ между лицами и сюжетомъ; мученики, казалось, только что вышли изъ древней гимназіи, изображенія Господа нашего Іисуса Христа святотатственно напоминаютъ молніеносныхъ Юпитеровъ или невозмутимыхъ Аполлоновъ, Мадонны способны возбудить скорѣе грѣховную земную любовь, ангелы столь-же граціозны, какъ купидоны, даже Магдалины походятъ иногда на цвѣтущихъ здоровьемъ Сиренъ, а Себастіаны—на шаловливыхъ Геркулесовъ,—короче, вы видите

тутъ собраніе святыхъ, которые, окруживъ себя орудіями казни и мученичества, сохраняютъ, однакоже, цвѣтущее здоровье, самый веселый видъ и горделивую позу, какъ нельзя болѣе приличную для радостнаго празднества благородныхъ корзинноносицъ въ Греціи или совершенныхъ атлетовъ. Въ настоящее время, обремененіе человѣческой головы массой знаній, множество и противорѣчіе доктринъ, напряженность мозговой жизни, привычка къ кабинетной замкнутости, лихорадочныя погонки за деньгами, довели нервную дѣятельность до крайней степени напряженности, увеличили потребность сильныхъ и новыхъ ощущеній, развили мрачную тоскливость настроенія духа, какое-то смутное недовольство окружающимъ, нескончаемую жажду и стремленіе къ чему-то. Человѣкъ теперь уже не то, чѣмъ онъ былъ нѣкогда и отчего отсталъ, быть можетъ, къ несчастію, для себя же, не животное высшей породы, довольное тѣмъ, что оно дѣйствуетъ и думаетъ на землѣ, которая кормитъ его, и подъ солнцемъ, которое свѣтитъ ему; теперь это—необъятный мозгъ, безконечный духъ, для котораго члены его тѣла имѣютъ лишь значеніе какихъ-то придатковъ, а чувства исполняютъ роль слугъ, ненасытный въ своей пытливости и честолюбіи, всегда наготовѣ и вѣчно торжествующій, съ трепетомъ и порывистостью, разстраивающими его животную сторону и разрушающими его тѣло, вѣчно блуждающій по всѣмъ направленіямъ до крайнихъ предѣловъ реальнаго міра и таинственныхъ нѣдръ міра сверхъестественнаго, то сіяющій упоеніемъ, то весь подавленный громадою своихъ пріобрѣтеній и своего дѣла, доходящій до изступленія предъ недосягаемымъ и невозможнымъ, или подавленный будничнымъ своимъ ремесломъ, весь отдающійся какому-то мечтанію, мучительному, неясному и грандіозному, какъ Бетховенъ, Гейне и *Фаустъ*

Гете, или задыхающійся подъ гнетомъ соціальнаго своего положенія и отброшенный въ одну какую-нибудь сторону, вслѣдствіе своей спеціальности или мономаніи, какъ Бальзаковскія лица. Такой умъ не удовлетворится пластическими искусствами; въ какой-нибудь личности, его интересуютъ не члены, не туловище и не сложеніе тѣла, а выразительная голова, подвижное лицо, чистая душа, проглядывающая въ каждомъ движеніи, невещественная страсть или мысль, какъ-бы выскакивающая изъ-подъ формы и внѣшняго вида; если ему и нравится изящная скульптурная форма, то благодаря лишь воспитанію, послѣ долгой предварительной подготовки, въ качествѣ дилеттанта, въ силу требованій совершенно осмысленнаго вкуса. Отличаясь раздробляемостью и космополитизмомъ, онъ можетъ интересоваться всѣми формами искусства, всѣми моментами прошлаго, всѣми слоями общества, различными житейскими положеніями, наслаждаться предъ воспроизведеніемъ иностранныхъ и древнихъ стилей, передъ картинами нравовъ грубыхъ, простонародныхъ или варварскихъ, предъ экзотическими и далекими пэйзажами, передъ всѣмъ, что можетъ дать пищу любопытству, матеріалъ для исторіи, сюжетъ для волненія или назиданія. Пресыщенный и разсѣянный, онъ требуетъ отъ искусства неожиданныхъ и сильныхъ ощущеній, новыхъ сочетаній красокъ, лицъ, положеній и звуковъ, которыя во что бы то ни стало должны потрясти, затронуть его за живое или позабавить,—короче, ему нуженъ стиль, склонный къ вычурности, предвзятости и всевозможнымъ крайностямъ.

Напротивъ, въ Греціи чувства, а потому и вкусъ, совершенно просты. Разсмотрите ихъ театральныя произведенія: полное отсутствіе сложныхъ и глубокихъ характеровъ, какъ у Шекспира; отсутствіе искусно завязанныхъ и ловко проведенныхъ интригъ; отсутствіе неожиданностей. Вся піеса вертится на какой нибудь легендѣ, которая хорошо имъ знакома съ дѣтства; имъ напередъ извѣстны всѣ событія и развязка. Что до самого дѣйствія, то его можно разсказать въ двухъ словахъ. Аяксъ, въ порывѣ безумія, передушилъ всѣхъ животныхъ, пасшихся на полѣ, полагая, что онъ избиваетъ непріятелей; стыдясь своего поступка, онъ мучится и наконецъ убиваетъ себя. Раненый Филоктетъ былъ покинутъ на островѣ со всѣмъ своимъ оружіемъ; встрѣтивъ надобность въ его стрѣлахъ, приходятъ къ нему; онъ оскорбляется, отказывается и наконецъ, по приказанію Геркулесса, допускаетъ уговорить себя. Комедіи Менандра, которыя извѣстны намъ изъ сочиненій Теренція, построены, такъ сказать, ни на чемъ,—нужно было соединить двѣ изъ нихъ, чтобы составить одну римскую пьесу; самая содержательная заключаетъ въ себѣ не болѣе матеріала, какъ въ одномъ явленіи нашихъ комедій. Прочтите вступленіе въ „Республикѣ“ Платона, „Сиракузянокъ“ Ѳеокрита, Діалоги“ Лукіана или, наконецъ, „Бережливыхъ„ и „Киропедію“ Ксенофонта; ничто не служитъ тамъ собственно для эффекта, во всемъ строгая связь; это—маленькія семейныя сцены, все превосходство которыхъ заключается въ необыкновенной естественности; ни одного сильнаго возгласа, ни одной сильной или пылкой черты; едва замѣтишь полуулыбку, и однакожъ, невольно любуешься произведеніемъ, какъ скромнымъ полевымъ цвѣткомъ или свѣтлымъ ручейкомъ. Дѣйствующія лица садятся, встаютъ, смотрятъ другъ на друга, ведя обыкновенные разговоры, почти съ такимъ же спокойствіемъ, какъ лица, нарисованныя на стѣнахъ Помпеи. Съ нашимъ притупленнымъ, насильственнымъ вкусомъ, пріученнымъ къ крѣпкому спирту и пряностямъ, мы готовы, пожалуй, обозвать это питье безвкуснымъ; но,

прикасаясь губами, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, къ этой свѣтлой и свѣжей водѣ, мы не хотимъ и слышать про другой напитокъ и находимъ, что другія литературы — какой-то перецъ, ѣдкое рагу или ядъ.

Прослѣдите наклонность эту въ искусствѣ ихъ и особенно въ томъ, которое составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, — въ скульптурѣ; благодаря-то этому настроенію ихъ духа, они съумѣли довести ее до совершенства, и она сдѣлалась, по истинѣ, ихъ національнымъ искусствомъ, потому что трудно найти искусство, которое обусловливалось бы большей простотой ума, чувствъ и вкуса. Статуя—большой кусокъ мрамора или бронзы, и большая статуя чаще всего стоитъ одна на пьедесталѣ; ей невозможно сообщить слишкомъ пылкаго движенія или слишкомъ страстнаго выраженія, которыя передаются живописью или допускаются въ барельефахъ; иначе лицо утратитъ свою естественность, покажется разсчитаннымъ на эффектъ, и художникъ рискуетъ попасть на стиль Бернена. Кромѣ того, статуя отличается крѣпостью, члены ея и торсъ тяжелы, можно обойти вокругъ ея, зритель видитъ всю ея вещественность; притомъ она чаще всего изображается нагою или почти нагою; слѣдовательно, ваятель долженъ обратить такое же вниманіе на туловище и на члены тѣла, какъ и на голову, долженъ съ такой же любовью отнестись къ животной жизни, какъ къ жизни духовной. Одна лишь греческая цивилизація выполнила оба эти условія. На этой ступени и при такой формѣ культуры, люди интересуются тѣломъ; душа не подчинила его себѣ, не отбросила на второй планъ; оно имѣетъ значеніе само по себѣ. Въ глазахъ зрителя, всѣ части тѣла какъ благородныя, такъ и неблагородныя, имѣютъ одинаковую важность; онѣ придаетъ одинаковую цѣну: высоко вздымающейся груди, гибкой и сильной шеѣ, мускуламъ, которые,

вздымаясь, обшиваютъ собою кости скелета, рукамъ, которымъ придется метать дискъ, лядвеямъ и ногамъ, стойкая упругость которыхъ двигаетъ всего человѣка впередъ на бѣгу при скачкѣ. Одинъ юноша, у Платона, упрекаетъ своего соперника тѣмъ, что у него крѣпкое тѣло и тонкая шея. Аристотель обѣщаетъ молодому человѣку, который послѣдуетъ его добрымъ совѣтамъ, отличное здоровье и гимнастическую красоту: „У тебя всегда будутъ полная грудь, „бѣлая кожа, широкія плечи, большія ноги..... Цвѣ„тущимъ красавцемъ проживешь ты въ палестрахъ; „ты пойдешь въ Академію прогуливаться подъ тѣнью „священныхъ оливъ, въ вѣнкѣ изъ цвѣтущаго трост„ника на головѣ. съ разумнымъ пріятелемъ однихъ „съ тобою лѣтъ, пользуясь досугомъ, вдыхая въ себя „благовоніе травъ и распускающихся тополей, на„слаждаясь чудной весной, когда листья платана „таинственно перешептываются съ вязомъ.“ Это—наслажденія и совершенства породистой лошади, и Платонъ, въ одномъ мѣстѣ, сравниваетъ молодыхъ людей съ прекрасными верховыми конями, посвященными богамъ, которыхъ пустили свободно блуждать на пастбищѣ, чтобы увидѣть, найдутъ-ли они, руководимые своимъ инстинктомъ, мудрость и добродѣтель. Подобные люди не нуждаются въ особой наукѣ чтобы понимать и находить наслажденіе въ созерцаніи тѣла, подобнаго Тезею въ Пареенонѣ или Ахиллу, въ Луврѣ—гибкое положеніе туловища на костяхъ таза, ровное распредѣленіе членовъ, отчетливый изгибъ пятки, сѣть подкожныхъ, струящихся кровью мускуловъ подъ блестящей и крѣпкой кожей. Они любуются красотой, какъ англійскій джентльмэнъ-охотникъ опредѣляетъ расу, строеніе и превосходство воспитываемыхъ имъ собакъ и лошадей. Ихъ не удивляетъ нагота тѣла. Скромность не превратилась еще въ жеманство; у нихъ душа не по-

мѣщается на недосягаемой высотѣ, на уединенномъ престолѣ, распредѣляя по рангу и отодвигая подальше органы, имѣющіе менѣе благородныя назначенія: она не краснѣетъ за нихъ и не скрываетъ ихъ; мысль о нихъ не вызываетъ ни краски стыда на лицѣ, ни улыбки. Названія ихъ не заключаютъ ничего ни грязнаго, ни неприличнаго, не составляютъ достоянія одной науки; Гомеръ произноситъ ихъ имена такимъ-же тономъ, съ какимъ говоритъ о другихъ частяхъ тѣла. Названія эти возбуждаютъ, какъ у Аристофана, одно веселье и никогда не имѣютъ значенія сквернословія, какъ у Раблэ. Они не составляютъ удѣла той таинственной литературы, передъ которой люди скромные закрываютъ себѣ лицо, а нѣжныя особы затыкаютъ уши. Названія эти двадцать разъ повторяются на сценѣ, при полномъ театрѣ, на праздникахъ боговъ, передъ судьями, при торжественномъ ношеніи фаллуса, котораго поддерживаютъ молодыя дѣвушки и которому поклоняются, какъ богу [1]). Всѣ великія силы природы считаются въ Греціи божественными; въ человѣкѣ не произошло еще рѣзкаго разрыва между животной стороной и духомъ.

Итакъ, вотъ—живое тѣло, цѣликомъ, безъ покрывала, восхищающее всѣхъ, прославляемое всѣми и не смущающее наготой своей никого, выставленное на своемъ пьедесталѣ, чтобы имъ любовался каждый. Что съ нимъ будутъ дѣлать и какую именно мысль, силою симпатіи, возбудитъ статуя въ зрителяхъ? Мысль эта покажется намъ ничтожною, потому что она принадлежитъ другому вѣку, другому моменту изъ жизни человѣческаго духа. Голова совершенно невыразительна; она не заключаетъ въ себѣ, подобно нашимъ головамъ, цѣлаго міра строго

[1]) Аристофана, Ахарняне.

разграниченныхъ идей, взволнованныхъ страстей, смѣшанныхъ чувствъ; лицо не изборождено морщинами, тонкими линіями, не выражаетъ страданія; въ немъ немного линій, почти нѣтъ выраженія, оно почти всегда неподвижно; вотъ потому-то оно и соотвѣтствуетъ средствамъ ваянія; многозначительное выраженіе лицъ, какихъ мы видимъ и изображаемъ въ настоящее время, повлекло бы за собою общую несоразмѣрность, убило-бы все остальное; мы остановили бы смотрѣть на туловище и на члены, или, пожалуй, принакрыли ихъ чѣмъ-нибудь. Напротивъ, въ греческой статуѣ, голова возбуждаетъ не больше интереса, чѣмъ члены или туловище; ея линіи и ея плоскости составляютъ лишь продолженіе другихъ линій и другихъ плоскостей; лицо ея не задумчиво, но покойно, почти мертвенно; вы не подмѣтите въ немъ ни одной привычки, никакого стремленія, никакой тщеславной идеи, которая переступала бы текущіе интересы земной жизни—общее положеніе, какъ и всецѣлая дѣятельность, направлены въ одномъ и томъ-же смыслѣ. Если личность стремится энергически къ какой-нибудь цѣли, какъ „Дискометатель“ въ Римѣ, „Сражающійся гладіаторъ“ въ Луврѣ, или „Пляшущій фавнъ“ въ Помпеѣ, физическое усиліе поглощаетъ всѣ его желанія и всѣ идеи; казалось, лишь-бы дискъ былъ хорошо брошенъ, ударъ ловко нанесенъ или отраженъ, лишь бы танецъ прошелъ живо и въ тактъ музыкѣ,—и ему болѣе ничего не нужно, онъ доволенъ, душа его не идетъ далѣе этого. Но обыкновенно положеніе изваянія покойно; оно не говоритъ ничего и бездѣйствуетъ; оно не поглощено вниманіемъ, не сосредоточено всецѣло въ одномъ глубокомъ или жадномъ взорѣ; оно отдыхаетъ, растянувшись, но безъ выраженія усталости; то стоитъ оно, нѣсколько болѣе опираясь на одну ногу, чѣмъ на другую, то полуоборачивается, то полулежитъ; сей-

часъ-лишь оно бѣжало, какъ „Маленькая спартанка“ [1]); теперь оно, подобно Флорѣ, держитъ вѣнокъ; почти всегда движенія его равнодушны; занимающая его мысль до того неопредѣленна и невозможна для насъ, что теперь еще, послѣ десяти разныхъ предположеній, мы не можемъ опредѣлить съ точностью, что именно дѣлаетъ Милосская Венера. Изваяніе живетъ —этого достаточно съ него, достаточно было этого и древнему зрителю. Современники Перикла и Платона не нуждались въ поражающихъ и неожиданныхъ впечатлѣніяхъ, которыя затрогивали-бы ихъ ослабѣвшее вниманіе или волновали ихъ тревожную чувствительность. Здоровое и цвѣтущее тѣло, способное ко всякаго рода мужественнымъ и гимнастическимъ движеніямъ, женщина или мужчина высокаго роста и благороднаго происхожденія, величественная личность при полномъ освѣщеніи, естественная и простая гармонія удачно пересѣкающихся и расходящихся линій —вотъ то зрѣлище, живѣе котораго имъ не нужно было. Они хотятъ любоваться видомъ человѣка, въ которомъ все отличалось-бы соразмѣрностью: и органы его, и условія жизни, который одаренъ былъ-бы всѣмъ возможнымъ, въ предѣлахъ его жизни, совершенствомъ; имъ не нужно ничего другаго и ничего болѣе; все остальное представляется имъ крайностью, безобразіемъ или болѣзненностью. Таковы предѣлы, въ которыхъ замкнула ихъ простота древней культуры и за которые заставила переступить насъ сложность нашей культуры; они нашли тамъ совершенно приспособленное къ этимъ рамкамъ искусство—ваяніе; вотъ почему мы оставили это искусство позади себя и теперь принуждены обращаться за образцами его къ грекамъ.

---

[1]) Коллекція мраморныхъ изваяній г. Равессона, въ школѣ изящныхъ искусствъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

УЧРЕЖДЕНІЯ ГРЕКОВЪ.

I.

Оркестрика.—Быстрое развитіе учрежденій, способствующихъ совершенствованію тѣла, и искусствъ, создающихъ статую.—Греція VII го вѣка сравнительно съ Гомеровской Греціей.—Лирика грековъ сравнительно съ лирикой новыхъ народовъ.—Мимика и музыкальная декламація —Ихъ всемірное примѣненіе —Примѣненіе ихъ въ жизни общественной и политической.—Примѣненіе ихъ въ области древняго культа —Пѣсни Пиндара.—Образцы, доставляемые оркестрикой скульптурѣ.

Нигдѣ тѣсная связь между искусствомъ и жизнью не обнаруживалась съ такой осязательностью, какъ въ исторіи греческой скульптуры. Чтобы сдѣлать мраморнаго или бронзоваго человѣка, они сперва создали себѣ человѣка живаго: такимъ образомъ, великое ваяніе развилось у нихъ одновременно съ развитіемъ учрежденія, благопріятствовавшаго образованію совершеннѣйшаго тѣла. Оба они, подобно Діоскурамъ *), идутъ рука объ руку, и, благодаря чудному сбли-

---

*) Сыновья Зевса, Касторъ и Поллуксъ—неразлучные братья близнецы, имя которыхъ вошло въ пословицу.

Перев.

женію ихъ, сомнительный мракъ отдаленной исторіи вдругъ освѣщается отъ двухъ зарождающихся лучей, исходящихъ отъ нихъ.

Оба они разомъ появляются въ первой половинѣ VII-го столѣтія. Въ эту минуту искусство дѣлаетъ свои величайшія открытія въ области техники. Около 689 г., Бутаду Сикіонскому приходитъ въ голову вылѣпливать и обжигать изображенія изъ глины, что навело его на мысль украшать барельефами лицъ щиты крышъ. Къ тому же времени, Роикосъ и Теодоросъ Самосскій находятъ средство выливать изъ бронзы по слѣпку. Въ 650 г., Меласъ Хіосскій высѣкаетъ первыя статуи изъ мрамора, и отъ олимпіады къ олимпіадѣ, въ теченіе конца этого столѣтія и всего слѣдующаго, ваяніе послѣдовательно развивается, достигнувъ полной законченности и совершенства послѣ побѣдоносныхъ персидскихъ войнъ. Это потому что оркестрика и гимнастика превращаются, къ тому времени, въ правильныя и цѣлесообразныя учрежденія. Одинъ міръ, міръ Гомера и эпопеи, закончился; настаетъ царство Архилока, Каллиноса, Терпандра, Олимпія и лирической поэзіи. Въ промежутокъ, между Гомеромъ и его продолжателями IX-го и VIII-го столѣтій, а также изобрѣтателями новыхъ метровъ и новой музыки, относящимися къ слѣдующему вѣку, совершается коренное преобразованіе и въ обществѣ, и въ нравахъ. Кругозоръ человѣка расширился и продолжаетъ расширяться съ каждымъ днемъ; все Средиземное море уже изслѣдовано; извѣстны и Сицилія, и Египетъ, относительно которыхъ Гомеръ ограничивался сказками. Въ 632 г., самосцы подплываютъ впервые къ Тартессу и изъ десятой части своей добычи посвящаютъ богинѣ Герѣ громадную бронзовую чашу, украшенную гриффами и поддерживаемую тремя колѣнопреклоненными изображеніями въ одинадцать локтей вышины. Безчисленныя колоніи заселяютъ и эксплуатируютъ берега Великой Греціи, Сициліи, Малой Азіи и Чернаго моря. Всѣ отрасли промышленности совершен-

ствуются; лодки древнихъ поэмъ въ пятьдесятъ веселъ превращаются въ помѣстительныя судна съ двумя стами веселъ. Одинъ изъ жителей Хіоса изобрѣтаетъ средство дѣлать желѣзо мягкимъ, твердымъ и наваривать его. Воздвигается храмъ дорической архитектуры; становятся извѣстны: монета, цифры, письмо, невѣдомыя Гомеру; измѣняется и военная тактика: теперь сражаются пѣшіе и рядами, вмѣсто того чтобы сражаться на колесницахъ и толпою. Человѣческая ассоціація, столь грубая въ Иліадѣ и Одиссеѣ, строго резюмируетъ теперь свои клѣтки. Вмѣсто какой-нибудь Итаки, гдѣ каждая семья живетъ особнякомъ, подъ управленіемъ своего независимаго главы, гдѣ не существуетъ общественнаго вліянія, гдѣ можно было прожить двадцать лѣтъ, ни разу не видавъ народнаго собранія, — нынче устанавливаются прочныя и хорошо охраняемыя общины, снабженныя судьями, подчиненныя полиціи и составляющія изъ себя республики равноправныхъ гражданъ, подчиняющихся выборнымъ представителямъ.

Въ тоже время и какъ отраженіе такой перемѣны, умственная культура разнообразится, расширяется и обновляется. Конечно, она попрежнему удерживаетъ свой поэтическій колоритъ; проза можетъ явиться лишь еще позднѣе; но однообразная мелопея, поддерживавшаяся эпическимъ гекзаметромъ, уступаетъ мѣсто множеству разнообразныхъ пѣсенъ различнаго склада. Къ прежнему гекзаметру присоединяется пентаметръ; изобрѣтается трохей, ямбъ, анапестъ; придумываютъ новыя стопы и разнообразятъ прежнія двустишіями, строфами, размѣрами различнаго рода. Четырехъ-струнная цитра превращается въ семиструнную; Терпандръ вводитъ свои тоны и музыкальныя номы (пѣсни); Олимпій и за нимъ Ѳалесъ окончательно согласуютъ ритмы цитры, флейты и человѣческаго голоса съ оттѣнками стиха, которому они служатъ аккомпанементомъ. Постараемся представить себѣ этотъ міръ, столь удаленный отъ насъ, — міръ, самые слѣды котораго почти

исчезли уже. Трудно придумать себѣ что-либо болѣе несходнаго съ нашимъ; только при особенно возбужденномъ воображеніи мы можемъ понять его; но это—первичная и прочная форма, по которой вылился міръ Грековъ.

При мысли о лирической поэзіи, мы невольно припоминаемъ себѣ оды Виктора Гюго или Ламартиновскіе стансы; ихъ пробѣгаешь глазами или читаешь въ полъ-голоса какому нибудь пріятелю въ тиши кабинета; наша цивилизація создала изъ поэзіи откровеніе души, бесѣдующей съ другою душей. Поэзія Грековъ произносилась обыкновенно не только громкимъ голосомъ, но ее декламировали, распѣвали подъ звуки инструментовъ,—мало того: она сопровождалась мимикой и танцами. Представимъ себѣ Дельсарте или г-жу Віардо, распѣвающими монологъ изъ Ифигеніи или Орфея, Ружэ-де-Лиль (Rouget de l'Isle) или Рашель, декламирующими Марсельезу, какой-нибудь хоръ изъ Альцесты Глюкка, какъ мы видимъ его у насъ на сценѣ, съ хоромъ пѣвцовъ, оркестромъ и группами, которыя перемѣшиваются и снова развертываются передъ ступенями храма, но—не при современной обстановкѣ, не при свѣтѣ лампы и не среди рисованныхъ декорацій, а на общественной площади, при свѣтѣ дѣйствительнаго солнца: мы получимъ тогда самое смутное понятіе объ ихъ празднествахъ и нравахъ. Весь человѣкъ съ душею и тѣломъ входилъ въ кругъ ихъ, дошедшіе до насъ стихи составляютъ лишь оторванные листки опернаго либретто. Въ какой нибудь корсиканской деревнѣ, на похоронахъ „плакальщица" импровизируетъ и декламируетъ передъ тѣломъ зарѣзаннаго человѣка стихи, призывающіе къ мщенью, и жалобные стихи передъ гробомъ молодой дѣвушки, преждевременно сошедшей въ могилу. Въ горахъ Калабріи или Сициліи, въ дни, назначенные для танцевъ, молодые люди представляютъ своими позами и движеніями маленькія драмы и любовныя сцены. Представимъ же себѣ въ подобномъ климатѣ, подъ еще болѣе прекраснымъ небомъ, въ маленькихъ городкахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, людей съ столь пылкимъ воображеніемъ и столь же склонныхъ къ жестикуляціи, такъ же быстро чувствующихъ и быстро выражающихъ свои чувства, съ еще болѣе живою и юной душой, болѣе изобразительнымъ и геніальнымъ умомъ,—умомъ, болѣе наклоннымъ пріукрашивать всѣ дѣйствія и всѣ моменты изъ жизни человѣческой. Эта музыкальная пантомина, которую мы встрѣчаемъ теперь лишь отдѣльными отрывками въ какихъ-нибудь закоулкахъ, развернется тогда передъ нами, разростется въ сотнѣ подобныхъ отпрысковъ и дастъ содержаніе цѣлой литературѣ; нѣтъ того чувства, которое она не выразила бы; нѣтъ той картины изъ частной или общественной жизни, которую она не украсила-бы; въ каждомъ положеніи, при каждомъ настроеніи человѣкъ можетъ удовлетворяться ею. То будетъ—естественный языкъ столько-же общепринятый и общепонятный, какъ наша писанная или печатная проза; послѣдняя—ничто иное какъ сухіе знаки, при посредствѣ которыхъ въ настоящее время чистое мышленіе входитъ въ общеніе съ чистымъ же мышленіемъ; въ сравненіи съ первобытнымъ языкомъ—исключительно подражательнымъ и вещественнымъ—это какая-то алгебра и итоги.

Французское удареніе однообразно; въ немъ нѣтъ пѣвучести; долгіе и краткіе звуки не достаточно ясны и слабо отличаются одно отъ другаго: нужно слышать какой-нибудь музыкальный языкъ, безпрерывную мелодію прекраснаго итальянскаго голоса, читающаго стансы Тассо, чтобы понять, что можетъ ощущеніе слуха придать чувству души, какимъ образомъ звукъ и ритмъ распространяютъ свое вліяніе на весь нашъ механизмъ, раздражаютъ всѣ наши нервы. Таковъ и былъ именно греческій языкъ, отъ котораго намъ остался теперь одинъ скелетъ. Изъ показаній комментаторовъ и схоліастовъ видно, что звукъ и размѣръ имѣли тамъ такое же значеніе, какъ мысль и образъ. Поэтъ, придумавшій какой нибудь особый метръ, вмѣстѣ съ

тѣмъ былъ изобрѣтателемъ и особаго рода ощущеній. Извѣстное сочетаніе краткихъ и долгихъ звуковъ, какое-нибудь allegro, largo или scherzo, оставляетъ свой отпечатокъ и отличительный характеръ не только на мысли, но возбуждаетъ и извѣстнаго рода движеніе, вызываетъ особую музыкальность тона. Такимъ-то образомъ, вѣкъ, создавшій широкую цѣлостность лирической поэзіи, произвелъ въ тоже время и не менѣе обширную цѣлостность оркестрики. Извѣстны названія двухсотъ греческихъ танцевъ. Въ Аѳинахъ, до шестнадцати лѣтъ, оркестрика исчерпывала собою весь кругъ воспитательныхъ предметовъ:

„Въ то время, говоритъ Аристофанъ, молодые люди „одного квартала отправлялись къ учителю музыки играть „на цитрѣ, шли разомъ по улицѣ, босые и въ порядкѣ, „если-бы даже снѣгъ падалъ, какъ мука изъ рѣшета. Тамъ „они разсаживались, не сжимая ногъ, и ихъ обучали гимну: «Грозная Паллада, опустошительница городовъ» или «Крикъ, раздающійся издалека,» и они вытягивали напѣвъ „своими голосами въ суровой и мужественной гармоніи, завѣщанной отцами.“

Одинъ молодой человѣкъ знатнаго происхожденія, Ипноклейдъ, прійдя въ Сикіонъ къ тирану Клисѳену, выдалъ себя за человѣка, искуснаго во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и вечеромъ, во время празднества, захотѣлъ блеснуть предъ всѣми своимъ прекраснымъ воспитаніемъ. *) Приказавъ флейтщицѣ играть Эммелію, онъ проплясалъ этотъ танецъ; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, сдѣлавъ распоряженіе принести столъ, взлѣзъ на него и проплясалъ фигуры лакедемонской и аѳинской оркестрики.—Подготовленные такимъ образомъ, греки были въ одно и тоже время „пѣвцы и танцоры“ **), и сами себѣ устраивали благородныя живописныя и поэтическія зрѣлища, для которыхъ

*) Геродотъ, VI, гл. CXIX.
**) Лукіана. «Нѣкогда одни и тѣже пѣли и плясали.»

позднѣе ими нанимались фигуранты. На клубныхъ пирахъ ихъ *), послѣ обѣда, производились винныя возліянія и пѣлся пэанъ въ честь Аполлона; затѣмъ, начинался собственно праздникъ (kômos), декламація, сопровождаемая мимикой, лирическое чтеніе подъ звуки цитры или флейты, соло съ припѣвомъ, подобно позднѣйшей пѣснѣ Гармодія и Аристогитона, дуэтъ, который пѣли и плясали, какъ позднѣе, на Ксенофонтовскомъ банкетѣ, воспѣвалась встрѣча Вакха и Аріадны. Какой нибудь гражданинъ, сдѣлавшись тираномъ и желая пожить въ свое удовольствіе, прежде всего увеличиваетъ и упрочиваетъ вокругъ себя подобнаго рода празднества. Поликратъ въ Самосѣ имѣлъ двухъ поэтовъ, Ивика и Анакреона, которымъ поручалось устройство праздниковъ, а также сочиненія для нихъ музыки и стиховъ. Лица, представлявшія ихъ поэтическія произведенія, были самые красивые молодые люди, какихъ только можно было найти,—Батиллъ, игравшій на флейтѣ и исполнявшій іонійскія пѣсни, Клеобулъ съ прекрасными женскими глазами, Сималосъ, управлявшій обыкновенно цѣлымъ хоромъ, Смердисъ съ роскошными вьющимися волосами, котораго успѣли добыть изъ далекой Фракіи. Это —опера въ миньятюрѣ и при домашней обстановкѣ. Всѣ лирическіе поэты этого времени были вмѣстѣ съ тѣмъ, и учители хоровъ; домъ ихъ составлялъ нѣчто въ родѣ консерваторіи **), „жилище музъ.“ Много ихъ было въ Лесбосѣ, не считая Сафо; управляли ими и женщины; онѣ имѣли учениковъ, которые собирались съ острововъ или съ сосѣднихъ береговъ, изъ Милета, Колофона, Саламина, Памфиліи; тамъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ихъ обучали музыкѣ, декламаціи, искусству принимать изящныя положенія; неловкіе и неучи подвергались осмѣянію, напр. маленькія поселянки, не умѣющія ловко „приподымать свое платье“;

*) Филиціи, общины друзей.
**) Симонидъ Хіосскій обыкновенно жилъ въ Хорегейонѣ, близь храма Аполлона.

отсюда распространялись корифеи и тутъ приготовлялись хоры для похоронныхъ оплакиваній или свадебныхъ пиршествъ. Такимъ образомъ, вся частная жизнь своими торжествами и своими увеселеніями содѣйствовала образованію изъ человѣка того, что мы называемъ пѣвцомъ, фигурантомъ, статистомъ и актеромъ, но въ самомъ прекрасномъ значеніи этого слова и съ совершеннымъ достоинствомъ.

Общественная жизнь приводила къ тому-же результату. Въ Греціи, оркестрика вторгалась въ область религіи и политики, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, чтобы почтить убитыхъ и прославить побѣдителей. На іонійскомъ праздникѣ Таргелій *), поэтъ Мимнермосъ съ своей любовницей Нанной шли во главѣ кортежа, играя на флейтѣ. Каллиносъ, Алкей, Ѳеогносъ произносили поученіе своимъ согражданамъ или своей партіи въ стихахъ, ими же распѣваемыхъ. Когда Аѳиняне, нѣсколько разъ побѣжденные, присудили наконецъ смертную казнь тому, кто заговоритъ снова о взятіи Саламина, Солонъ, въ одеждѣ вѣстника, съ шапкой Гермеса на головѣ, неожиданно явился въ собраніе, взошелъ на камень, гдѣ находились обыкновенно герольды, и произнесъ оттуда сочиненную имъ элегію съ такою силой, что молодежь немедленно же снарядилась въ путь, „чтобы освободить прелестный островъ и снять съ Аѳинъ безчестье и позоръ.“ Въ военное время, на пути Спартанцы въ палаткахъ распѣвали свои пѣсни. Вечеромъ, послѣ обѣда, каждый по очереди вставалъ и произносилъ съ необходимой мимикой элегію, и военачальникъ удѣлялъ достойнѣйшему въ этомъ состязаніи большой кусокъ говядины. Конечно, то была чудная картина, когда

*) Такъ назывался праздникъ въ честь Аполлона и Артемиды, обыкновенно отправлявшійся въ 6-й и 7-й день мѣсяца Таргеліона, т. е. съ 7-го мая по 5-е іюня. Двухъ преступниковъ украшали цвѣтами и свергали со скалы въ море, но внизу подхватывали и отправляли въ ссылку.

Перевод.

эти рослые молодые люди, самые сильные и самые статные во всей Греціи, съ ихъ длинными волосами, тщательно подвязанными кверху, въ своей алой рубахѣ, съ широкими лоснящимися щитами, съ движеніями, свойственными героямъ и артистамъ, распѣвали стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„Сразимся храбро за эту землю, нашу родину—и „умремъ за нашихъ дѣтей, не посрамивъ себя малодушіемъ.—А вы, молодежь, бейтесь стойко другъ подлѣ друга; - пусть никто изъ васъ не послужитъ постыднымъ примѣромъ бѣгства или страха,—но да бьется въ каждой „груди великое и мужественное сердце... Что до хилыхъ „стариковъ, колѣни которыхъ не имѣютъ уже прежней „упругости,—не покидайте, не бѣжите отъ нихъ,—ибо „стыдъ вамъ, если падетъ въ первомъ ряду, передъ молодежью,—старецъ, голова и борода котораго убѣлены „сѣдинами;—если валяясь по землѣ, испуститъ онъ тамъ „свою могучую душу,—сжимая руками окровавленную рану на своемъ обнаженномъ тѣлѣ.—Но за то какъ хороша подобная кончина молодому человѣку,—блистающему „цвѣтомъ юности!—Восторженно прославляемый мужчинами, „любимый женщинами, онъ вдвойнѣ прекрасенъ, падая въ „первомъ ряду...—За то какъ омерзительно видѣть человѣка, валяющагося въ пыли—и сраженнаго сзади, съ спиной, пронзенной копьемъ.—Пусть каждый въ пылу битвы „остается твердымъ,-—обѣими ногами крѣпко приросши къ „землѣ, кусая себѣ губы зубами,—лядвіи, ноги, плечи „сверху, грудь до самаго живота, все тѣло—покрывъ своимъ широкимъ щитомъ;—пусть дерется онъ съ врагомъ „нога противъ ноги, щитъ противъ щита,—шлемъ противу шлема, шишакъ противу шишака,—грудь съ грудью „близко,—и, тѣсно прижавши тѣло къ тѣлу, ударяя своимъ длиннымъ копьемъ или мечемъ,—пусть каждый разитъ и бьетъ врага.“

Подобные же гимны существовали и на всякіе случаи военной жизни; такъ, напр., были особые анапесты, съ пѣні-

емъ которыхъ, сопровождаемымъ звуками флейты, шли въ аттаку. Мы видѣли подобное зрѣлище въ моментъ перваго энтузіазма великой революціи; когда Дюмурье, держа шляпу на концѣ шпаги, бралъ приступомъ вершины Жеммапа, онъ пѣлъ Le chant du départ, и солдаты, не отставая отъ своего предводителя, подтягивали за нимъ. По этой шумной разноголосицѣ мы можемъ составить себѣ понятіе о правильномъ боевомъ хорѣ, древнемъ музыкальномъ шествіи. Нѣчто подобное происходило послѣ Саламинской побѣды, когда пятнадцатилѣтній Софоклъ, прекраснѣйшій изъ аѳинскихъ юношей, раздѣвшись до-нага, какъ того требовалъ обрядъ, проплясалъ пэанъ въ честь Аполлона, посреди военнаго торжества и предъ трофеемъ.

Но культъ доставлялъ оркестрикѣ еще болѣе матеріаловъ чѣмъ политика и война. По понятіямъ Грековъ, самое пріятное зрѣлище для боговъ было представленіе имъ прекраснѣйшихъ цвѣтущихъ тѣлъ, развитыхъ во всякаго рода упражненіяхъ, обнаруживающихъ силу и здоровье. Вотъ почему самые лучшіе ихъ празднества были—оперные отрывки и серьезные балеты. Избранные граждане, нерѣдко, какъ въ Спартѣ, вся община (гимнопедія), составляли изъ себя передъ богами хоры пѣвцовъ; каждый изъ болѣе значительныхъ городовъ имѣлъ своихъ поэтовъ, которые подбирали музыку и составляли стихи, управляли группами и ихъ движеніемъ, показывали болѣе изящныя позы, долго обучали актеровъ и придумывали костюмы; чтобы представить такой церемоніалъ, мы имѣемъ одинъ только образецъ въ современной жизни—представленія, еще и доселѣ даваемыя, каждыя десять лѣтъ, въ Обераммергау, въ Баваріи, гдѣ, начиная съ эпохи среднихъ вѣковъ, всѣ обитатели городка, человѣкъ пятьсотъ или шестьсотъ, подготовленные къ тому съ дѣтства, торжественно представляютъ страданія Спасителя. На этихъ празднествахъ, Алькманъ и Стезихора являются, въ одно и тоже время, поэтами, капельмейстерами, балетмейстерами, иногда оффиціантами, первыми корифеями обширной драмы, въ которой хоры молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ представляютъ передъ публикой божественное сказаніе. Одинъ изъ такихъ священныхъ балетовъ, диѳирамбъ, превратился позднѣе въ греческую трагедію. Послѣдняя, на первыхъ порахъ, было не что иное, какъ религіозный праздникъ, усовершенствованный и нѣсколько сокращенный, перенесенный съ общественной площади въ замкнутое помѣщеніе театра,—послѣдовательная смѣна хоровъ разсказами и мелопеей главнаго дѣйствующаго лица въ родѣ твореній Себастіана Баха, „Семи словъ" Гайдна, какой нибудь ораторіи, или Сикстинской мессы, въ которой всѣ лица поютъ свои партіи и образуютъ группы.

Изъ всѣхъ стихотвореній подобнаго рода самыя популярныя и болѣе всѣхъ знакомящія насъ съ этими отдаленными нравами—гимны, воспѣвающіе побѣдителей на четырехъ большихъ играхъ. Пиндаръ поставлялъ ихъ на всю Грецію, Сицилію и острова. Онъ отправлялся самъ туда или посылалъ своего друга Стимфалійца Энея, чтобы обучить хоръ пляскѣ, пѣнію и произнесенію его стиховъ. Празднество начиналось процессіей и жертвоприношеніемъ; затѣмъ, пріятели атлета, его родные и знатнѣйшія въ городѣ лица разсаживались въ портикѣ. Нерѣдко гимнъ пѣли во время самаго шествія, и тогда кортежъ останавливался, чтобы прочесть эподъ; иной разъ это происходило по окончаніи празднества, въ большой залѣ, убранной шлемами, копьями и мечами. *) Дѣйствующими лицами были товарищи атлета, исполнявшіе свои роли съ тѣмъ пылкимъ одушевленіемъ, какое видишь въ Италіи на представленіяхъ Comedia dell' Arte. Но играли они не комедію: роль ихъ серьезна, или скорѣе это вовсе не роль; они испытывали самое глубокое и благороднѣйшее наслажденіе, какое только доступно человѣку, когда онъ сознаетъ себя прекраснымъ и доблестнымъ, стоя-

*) См. стихи Алкея на его собственномъ домѣ.

щимъ выше уровня грубой жизни, переносящимся на лучезарныя высоты Олимпа въ воспоминаніи о величіи народныхъ героевъ, въ призываніи великихъ боговъ, въ общеніи съ предками, въ прославленіи отечества. Вѣдь побѣда атлета составляетъ общенародное торжество, а стихи поэта присоединяютъ къ нему его земляковъ и всѣхъ его божественныхъ покровителей. Окруженные такими великими образами, экзальтированные своими собственными дѣйствіями, Греки доходятъ до того напряженнаго состоянія, которое они называютъ энтузіазмомъ, какъ-бы указывая этимъ словомъ, что они чувствуютъ въ себѣ присутствіе Бога. Дѣйствительно, въ извѣстномъ смыслѣ, они и правы, потому что человѣкъ въ такія минуты чувствуетъ свои силы и благородство возрастающими до безконечности подъ вліяніемъ дружной энергіи и сочувственнаго восторга, внезапно овладѣвающаго всѣмъ народомъ, съ которымъ онъ дѣйствуетъ.

Для насъ непонятна уже, въ настоящее время, поэзія Пиндара; она слишкомъ пріурочена къ извѣстному мѣсту и времени, слишкомъ спеціальна; въ ней черезчуръ много такого, что нужно читать между строкъ; она болѣе чѣмъ нескладна на наши глаза, болѣе чѣмъ исключительно создана для греческихъ атлетовъ VI-го вѣка; дошедшіе до насъ стихи ея составляютъ лишь отрывокъ; произношеніе, мимика, пѣніе, звуки инструментовъ, сцена, пляска, шествіе, десятки другихъ ея принадлежностей, равныхъ съ нею по своему значенію, погибли безвозвратно. Лишь съ крайнимъ затрудненіемъ можемъ мы представить себѣ юныя непосредственныя головы, никогда ничего не читавшія, не знавшія абстрактныхъ идей,—головы, у которыхъ каждая мысль являлась вмѣстѣ съ тѣмъ, и образомъ, въ которыхъ каждое слово вызывало живыя формы, воспоминанія о гимназіи и ристалищѣ, представленія храмовъ, пэйзажей, освѣщеннаго берега моря, цѣлую толпу живыхъ и богоподобныхъ лицъ, какъ во времена Гомера, а, можетъ быть, за-

ключавшихъ въ себѣ и еще болѣе божественнаго. И однакожъ, порою намъ какъ бы слышится звукъ этихъ дрожащихъ голосовъ; предъ нами промелькнетъ, подобно молніи, величественный образъ молодаго человѣка, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ *), когда онъ отдѣляется отъ хора, чтобы произнести слова Язона или обѣтъ Геркулеса; мы угадываемъ его короткое движеніе, его протянутыя руки, широкія мышцы, вздымающіяся на его груди; мы находимъ то тамъ, то сямъ лоскутокъ поэтическаго пурпура столь же живаго, какъ живопись, раскопанная нынче въ Помпеѣ.

Порою видимъ мы передъ собою корифея: „Подобно „отцу, который, хватая свободной рукою золотой массивный кубокъ, перлъ его сокровищницы и лучшее украшеніе его пировъ, передаетъ его, пѣнящагося лучшимъ „виномъ виноградника, молодому супругу своей дочери,— „подобно этому счастливому отцу, и я подношу увѣнчанному „атлету прозрачный нектаръ, этотъ даръ музъ, и благоухающими плодами моей мысли привѣтствую Олимпійскихъ „и Пиѳійскихъ побѣдителей.“

То вдругъ передъ нами—остановившійся хоръ, смѣняющійся полухорами и развивающій, въ своихъ crescendo, чудные звуки катящейся торжественной оды: „На землѣ и „въ недосягаемомъ океанѣ существа, которыхъ не взлюбилъ Юпитеръ, ненавидятъ голосъ Піеридъ. Таковъ этотъ „врагъ боговъ, Тифонъ, стоглавое чудовище, пресмыкающееся въ мрачномъ Тартарѣ. Сицилія сжимаетъ свою „волнистую грудь. Громадная колонна, поднимающаяся до „самаго неба, бѣлоснѣжная Этна, вѣчная кормилица суроваго мороза, сдерживаетъ ея усиліе.... и изъ нѣдръ своихъ изрыгаетъ ослѣпительные потоки всеразрушающаго „огня. Потоки эти днемъ взвиваютъ волны красноватаго „дыма, въ часы же ночи красное вертящееся пламя низвергаетъ съ грохотомъ скалы въ глубокое море.... Страш-

*) Пиѳика IV, Истмика V.

„но глядѣть на это чудовищное пресмыкающееся, связанное „подъ высокими громадами и черными лѣсами Этны, подъ „равниной, краснѣющей подъ цѣпями горъ, которыя обраба„тываютъ и избораживаютъ всю его обнаженную спину.“

Образы струятся, постепенно возрастая, прерываемые на каждомъ шагу неожиданными вставками, возвратами, скачками, смѣлость и грандіозность которыхъ дѣлаетъ невозможнымъ ихъ переводъ. Очевидно, что Греки эти, столь трезвые и ясные въ своей прозѣ, приходятъ въ какое-то опьяненіе, переступаютъ всякіе предѣлы подъ вліяніемъ лирическаго вдохновенія и безумія. Вотъ это-то и есть крайности, слишкомъ несообразныя съ нашими притупленными органами и нашей разсудочной цивилизаціей. Впрочемъ, мы можемъ составить себѣ о нихъ достаточно вѣрное представленіе, чтобы понять, на сколько производительна такая культура относительно искусствъ, изображающихъ человѣческое тѣло. Она формируетъ человѣка по преимуществу изъ тѣла; она научаетъ его позамъ, жестамъ и движеніямъ удобнымъ для скульптора; она ставитъ его въ группу, являющуюся движущимся барельефомъ; вся она склоняется къ тому, чтобы сдѣлать изъ него самобытнаго актера, который играетъ по страсти и для своего собственнаго удовольствія, представляетъ спектакль самъ для себя и вноситъ гордость, серьезность, свободу и достоинство простаго гражданина въ кругъ упражненій фигуранта и въ мимику танцора. Оркестрика доставила скульптурѣ свои позы, движенія, драпировку и группировку; пареенонскій фризъ созданъ былъ подъ вліяніемъ празднествъ Панаеинеи, а Пиррическая пляска дала сюжетъ изваяніямъ Ѳигаліи и Будруна. *)

*) Панаѳинеи - большой аѳинскій праздникъ въ честь Минервы, основанный Эрихтономъ въ 1495 г. до Р. Х и служившій сборищемъ для всѣхъ сосѣднихъ Грековъ.—Пиррическая пляска—военный танецъ, придуманный, какъ говорятъ—Пирромъ, сыномъ Ахилла, болѣе всего употреблялся у спартанцевъ и критянъ. Танцоры были одѣты въ яркія туники и танцовали вооруженные, съ мечемъ или копьемъ; на музыкантахъ надѣта была каска, украшенная кистями и перьями. Прим. переводчика.

II.

Гимнастика.—Чѣмъ она была во времена Гомера.—Возобновленіе и преобразованіе ея дорійцами.—Принципъ государства, воспитаніе и гимнастика въ Спартѣ.—Подражаніе или занесеніе дорическихъ нравовъ другими Греками.—Возрожденіе и развитіе ихъ.—Гимназіи.—Атлеты.—Важность гимнастическаго воспитанія въ Греціи.—Вліяніе его на тѣло.—Совершенство формъ и движеній.—Вкусъ къ физической красотѣ.—Образцы, доставляемые гимнастикою скульптурѣ.—Вслѣдъ за моделью слѣдуетъ статуя.

На ряду съ оркестрикой, въ Греціи было другое болѣе національное учрежденіе, составлявшее вторую часть воспитанія—гимнастика. Мы встрѣчаемъ ее уже у Гомера; Греки борятся, бросаютъ дискъ, бѣгаютъ пѣшіе и на колесницахъ; неискусный въ тѣлесныхъ упражненіяхъ считается „торгашемъ,“ человѣкомъ низкаго происхожденія, однимъ

«Изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море
«Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
«Мысля, чтобы сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
«Болѣ нажить барыша...» *)

Но учрежденіе это не отличается еще ни правильностью, ни ясностью, ни полнотой. Игры не имѣютъ ни опредѣленнаго мѣста, ни опредѣленнаго времени. Ихъ устраиваютъ случайно, по поводу смерти какого нибудь героя, или въ честь иноземца. Множество упражненій, развивающихъ ловкость и силу, имъ еще неизвѣстны; за то у нихъ есть иг-

*) Одиссея, пѣснь VIII. Перев. В. А. Жуковскаго. Собр. соч., т 5, стр 200 (изд 1869 г.).

ра оружіемъ, кровавый поединокъ, стрѣлянье изъ лука, метанье копьемъ. Только въ послѣдующій періодъ, одновременно съ оркестрикой и лирической поэзіей, игры эти начинаютъ развиваться, окончательно устанавливаются и принимаютъ ту форму и значеніе, съ какими онѣ становятся извѣстны намъ. Первое начало положено было дорійцами, новымъ племенемъ чисто-греческой расы, которое, спустившись съ своихъ горъ, заняло Пелопонезъ и, подобно средневѣковымъ Франкамъ, внесло съ собою свою тактику, подавило своимъ вліяніемъ другія племена и обновило собою національный духъ всего греческаго народа. Это были энергическіе и суровые люди, отчасти схожіе съ швейцарцами среднихъ вѣковъ, несравненно менѣе живые и блистательные, чѣмъ іонійцы; имѣя привязанность къ традиціи, понимая, что такое уваженіе, инстинктивно стремясь къ порядку и обладая возвышеннымъ, мужественнымъ и спокойнымъ духомъ, они оставили отпечатокъ своихъ національныхъ признаковъ въ строгой важности своего культа, въ героическомъ и нравственномъ характерѣ своихъ боговъ. Главный народъ, Спартанцы, располагаются въ Лаконіи посреди эксплуатированныхъ или порабощенныхъ обитателей этой земли; девять тысячъ семействъ побѣдителей, гордыхъ и суровыхъ, въ городѣ безъ стѣнъ, удерживаютъ въ повиновеніи себѣ сто двадцать тысячъ поселянъ и двѣсти тысячъ рабовъ—это армія, расположенная лагеремъ посреди непріятеля, въ десять разъ болѣе многочисленнаго.

Этою главною чертой обусловливаются всѣ остальныя. Мало по малу, порядокъ, введенный случайно, устанавливается, и къ эпохѣ введенія олимпійскихъ игръ упрочивается окончательно. Передъ идеей общественнаго блага, сглаживаются всѣ личные интересы и прихоти. Дисциплина вводится такая, какъ въ полку, которому угрожаетъ безпрерывная опасность. Спартанцу запрещено торговать, заниматься какой-нибудь промышленностью, отчуждать свою долю земли, увеличивать съ нея ренту; онъ долженъ думать лишь о томъ, чтобы быть солдатомъ. Отправляясь въ дорогу, онъ можетъ распорядиться лошадью, рабомъ и съѣстными запасами своего сосѣда; между товарищами взаимная услуга составляетъ право каждаго, да и собственность не имѣетъ строгихъ предѣловъ. Новорожденный приносится на совѣтъ стариковъ, и если онъ оказывается слишкомъ слабъ или безобразенъ, его убиваютъ; въ армію допускаются лишь люди здоровые, а здѣсь—каждый становится рекрутомъ съ колыбели. Старикъ, который не можетъ имѣть дѣтей, самъ выбираетъ молодого человѣка, котораго и приводитъ въ свой домъ, потому что каждое семейство должно доставить новобранцевъ. Люди, особенно близко сошедшіеся, нерѣдко взаимно ссужаютъ другъ друга женами: походная жизнь не слишкомъ щепетильна въ дѣлахъ хозяйства и часто многое бываетъ общимъ. Ѣдятъ вмѣстѣ небольшими группами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои правила и каждый участвуетъ въ расходахъ деньгами или съѣстными припасами. Прежде всего—военное дѣло. Стыдно засиживаться дома; казарменная жизнь преобладаетъ надъ жизнью домашней. Молодой супругъ можетъ лишь тайкомъ навѣдываться къ своей женѣ и проводитъ весь день, какъ прежде, въ военной школѣ или на бранномъ полѣ. Въ силу тѣхъ-же основаній, дѣти считаются достояніемъ всей арміи (Agelai), воспитываются вмѣстѣ и съ семи лѣтъ распредѣляются по общинамъ. Передъ ними полнымъ человѣкомъ считается каждый пожилой или офицеръ (Paidonomos), которые и могутъ ихъ наказывать безъ всякаго возраженія со стороны отца. Босые, прикрытые однимъ плащемъ и въ зиму, и въ лѣто, молча ходятъ они по улицамъ, съ опущенными глазами, какъ молодые рекруты передъ воротами казармы. Костюмъ ихъ подчиняется формѣ, самая поступь и походка предписаны правилами. Спятъ они на связкѣ вѣтокъ, ежедневно купаются въ холодныхъ водахъ Эврота, ѣдятъ немного и на скорую руку, въ городѣ живутъ хуже, чѣмъ въ походѣ,— и все это для того, чтобы будущій солдатъ

былъ закаленъ во всякихъ лишеніяхъ. Они раздѣлены на отряды по сту человѣкъ, каждый повинуется молодому начальнику и дерется руками и ногами—это подготовленіе къ войнѣ. Если они захотятъ прибавить что-нибудь къ скудному своему обѣду, имъ предстоитъ стащить это изъ домовъ или сосѣднихъ фермъ—солдатъ долженъ-молъ умѣть жить мародерствомъ. Время отъ времени ихъ оставляютъ въ засадѣ по большимъ дорогамъ, и они вечеромъ убиваютъ запоздавшихъ илотовъ: полезно-де видѣть кровь и наловчить себѣ руку въ убійствѣ заранѣе.

Что до искусствъ, то здѣсь вы найдете лишь тѣ, какія подобаетъ имѣть войску. Они принесли съ собой особый музыкальный складъ, именно дорическій,—единственный, быть можетъ, чисто греческаго происхожденія *). Характеръ его — серьезный, мужественный, возвышенный, чрезвычайно простой, даже суровый, какъ нельзя болѣе приспособленный къ тому, чтобы внушать терпѣніе и энергію. Онъ не поддается личному произволу; законъ не позволяетъ вводить въ немъ варіаціи, смягченія, прикрасы чужаго стиля; это—нравственное общественное учрежденіе; подобно барабанамъ и рожкамъ нашимъ полковъ, онъ руководитъ движеніями войскъ и ихъ народомъ; есть наслѣдственные флейтщики, подобно литаврщикамъ шотландскихъ клановъ **). Самая пляска есть особое упражненіе или дефилада.

Съ пяти лѣтъ мальчиковъ упражняютъ въ пиррической пляскѣ т. е. пантоминѣ, изображающей сражающіяся арміи, которыя подражаютъ всѣмъ движеніямъ при защитѣ и нападеніи, всякаго рода положеніямъ тѣла, какія

*) Платонъ, въ Өеагѣ, говоритъ объ одномъ добродѣтельномъ человѣкѣ, разсуждающемъ о добродѣтели: „Въ чудной гармоніи его словъ и дѣйствій чувствуется дорическій складъ, единственный, который можетъ быть названъ чисто греческимъ.“

**) The fair Maid of Perth, Вальтеръ Скотта. См. битву клановъ Clhele и Chattan, Русскій переводъ изданъ въ Петербургѣ, въ 1848 г.

только можно принять на войнѣ, и всевозможнымъ жестамъ, которые дѣлаются, когда наносятъ ударъ, отбиваютъ его, отскакиваютъ, прыгаютъ, наклоняются, стрѣляютъ изъ лука или бросаютъ копье. Есть и другое упражненіе, наз. анапаль, гдѣ молодые мальчики подражаютъ свалкѣ и кулачному бою. Для молодыхъ людей существуютъ особыя упражненія, для молодыхъ дѣвушекъ—тоже особыя, съ отчаянными прыжками, „скачками лани,“ быстрымъ бѣгомъ, когда „подобно жеребятамъ, съ развѣвающимися волосами вздымаютъ онѣ столбы пыли“ (Аристоеанъ). Но самыя главныя упражненія—гимнопедіи, обширные смотры, на которыхъ присутствуетъ весь народъ, раздѣленный на хоры. Хоръ стариковъ поетъ: „Мы были нѣкогда молодые люди, полные силы;“ хоръ взрослыхъ мужчинъ отвѣчаетъ: „Мы въ настоящее время сильны,—испытай самъ, если желаешь;“ дѣтскій хоръ прибавляетъ: „А мы, когда нибудь, будемъ еще сильнѣе.“ Всѣ съ дѣтства изучали и нѣсколько разъ повторяли: шагъ, эволюціи, топъ, движеніе; нигдѣ хоровая поэзія не давала мѣста столь обширнымъ и столь прекрасно управляемымъ собраніямъ Еслибы мы, въ настоящее время, захотѣли отъискать болѣе или менѣе аналогическое зрѣлище, то мы найдемъ его, быть можетъ, развѣ въ Сенъ-Сирѣ, съ его парадами и эволюціями, или еще лучше—въ военной школѣ гимнастики, гдѣ солдаты обучаются, между прочимъ, и хоровому пѣнію.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если подобное общество могло организовать и вполнѣ создать гимнастику. Подъ страхомъ смерти, каждый спартанецъ долженъ былъ стоить десяти илотовъ; такъ какъ каждый изъ нихъ былъ тяжело-вооруженный пѣшій солдатъ и дрался грудь съ грудью, въ линіи, твердо держась на ногахъ, то совершеннѣйшимъ воспитаніемъ считалось то, которое вырабатывало изъ человѣка самаго проворнаго и мощнаго гладіатора. Чтобы достигнуть этого, дѣлались подготовленія еще до рожденія и, въ противность всѣмъ остальнымъ Грекамъ, они развивали не

только мужчину, но и женщину,—чтобы дитя, наслѣдующее всѣ качества своихъ родителей, получало и отъ матери, какъ отъ отца, храбрость и силу *). Молодыя дѣвушки имѣли гимназіи и упражнялись подобно мальчикамъ нагія или въ короткихъ тюникахъ, бѣгали, прыгали, бросали дискъ и копье; онѣ имѣли свои хоры; въ гимнопедіяхъ онѣ участвовали вмѣстѣ съ мужчинами. Аристофанъ любуется, съ оттѣнкомъ аѳинской насмѣшливости, ихъ свѣжимъ тѣломъ, цвѣтущимъ здоровьемъ и силою нѣсколько животною **). Кромѣ того, законъ опредѣляетъ возрастъ для браковъ и избираетъ моментъ и обстоятельства самые благопріятные для лучшаго произведенія потомства. Есть шансы, что отъ такихъ родителей произойдутъ красивыя и сильныя дѣти; это—система, нѣсколько напоминающая пріемы заводчиковъ, но ей строго слѣдуютъ, такъ какъ неудачные продукты обыкновенно уничтожаются.—Едва дитя начинаетъ ходить, его не только закаляютъ и увлекаютъ, но смягчаютъ и укрѣпляютъ методически; Ксенофонтъ говоритъ, что одни они изъ грековъ одинаково развиваютъ всѣ части тѣла: шею, руки, плечи, ноги, не только въ молодости, но всю жизнь и ежедневно; въ полѣ—дважды въ день. Слѣдствія такой дисциплины скоро обнаружились. „Спартанцы, говоритъ Ксенофонтъ,—самые здоровые изъ „всѣхъ Грековъ, между ними находишь самыхъ красивыхъ „мужчинъ и самыхъ красивыхъ женщинъ во всей Греціи.“ Они покорили себѣ мессенцевъ, которые сражались въ безпорядкѣ и съ пылкостью, достойною гомерическихъ временъ; они сдѣлались руководителями и предводителями Греціи, и въ эпоху Персидскихъ войнъ ихъ вліяніе было такъ велико и прочно, что не только на сушѣ, но даже на морѣ, гдѣ они почти не имѣли кораблей, всѣ Греки, не исключая и Аѳинянъ, безропотно принимали отъ нихъ полководцевъ.

*) Ксенофонта, Республика Лакедемонянъ.
**) Роль Лампито, въ Ecclesiazousai.

Когда народъ становится первымъ на поприщѣ политики и войны, сосѣди перенимаютъ, въ большей или меньшей степени, отъ него тѣ учрежденія, которыя доставили ему первенство. Мало по малу, Греки *) заимствуютъ у Спартанцевъ и вообще у дорическихъ племенъ важнѣйшія черты ихъ нравовъ, ихъ управленія и ихъ искусства, дорическую гармонію, высокую хоровую поэзію, многія фигуры танцевъ, архитектурный стиль, болѣе простую и мужественную одежду, болѣе стойкій военный порядокъ, полную наготу атлета, гимнастику, возведенную въ систему. Множество словъ, относящихся къ военному искусству, музыкѣ и палестрѣ, обличаютъ дорическое происхожденіе или принадлежатъ дорическому діалекту. Уже въ IX-мъ столѣтіи, новое значеніе гимнастики обнаруживается возрожденіемъ прерванныхъ было игръ, и множество фактовъ подтверждаютъ, съ году на годъ, что онѣ становятся все болѣе и болѣе популярными. Въ 776 г., Олимпійскія игры служатъ эрою и исходной точкой, связывающей рядъ годовъ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ, учреждаются Пиѳійскія, Истмійскія и Немейскія игры. Онѣ ограничивались сначала бѣгомъ обыкновеннаго ристалища; къ нимъ послѣдовательно присоединялся бѣгъ двойнаго ристалища, борьба, пятиборство, кулачный бой, другія еще игры,—всего двадцать четыре упражненія. Лакедемонскіе обычаи преобладаютъ у нихъ надъ гомерическими традиціями; побѣдитель не получаетъ уже какого нибудь драгоцѣннаго подарка, но простой вѣнокъ изъ листьевъ; при немъ нѣтъ уже и древняго пояса; въ четырнадцатой Олимпіадѣ участвовали всѣ, раздѣвшись до-нага. По именамъ побѣдителей видно, что они стекались со всей Греціи, со всей Великой Греціи, съ острововъ и самыхъ отдаленныхъ колоній. Съ этихъ поръ нѣтъ уже болѣе ни одного города безъ гимназіи; это—признакъ, по которому можно узнать

*) Аристотеля «Политика», VIII, 3 и 4.

греческій городъ *). Въ Аѳинахъ первыя гимназіи относятся, приблизительно, къ 700 г. Во времена Солона, ихъ насчитывали уже три большія общественныя и множество маленькихъ. Съ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ юноша проводилъ тамъ каждый день, какъ въ школѣ экстерновъ, учрежденной только не для развитія ума, а для совершенствованія тѣла. Кажется даже, что въ это время прекращалось изученіе грамматики и музыки, чтобы ввести молодаго человѣка въ болѣе спеціальный и высшій классъ. Это былъ большой квадратъ съ портиками и платановыми аллеями, обыкновенно устраиваемый неподалеку отъ источника или рѣки и украшенный статуями боговъ и вѣнчанныхъ атлетовъ. Гимназія имѣла своего начальника, своихъ школьныхъ помощниковъ, спеціальныхъ репетиторовъ, свое праздненство въ честь Меркурія; въ промежуткахъ между упражненіями юноши играли; граждане имѣли туда свободный доступъ; вокругъ арены для бѣга было устроено много мѣстъ; туда приходили для прогулки, чтобы посмотрѣть на молодежь; это было мѣсто для разговоровъ; позднѣе тамъ родилась философія. Въ такой школѣ, ведущей къ состязанію, соревнованіе доходило до крайности и производило чудеса; вы видите людей, упражняющихся всю свою жизнь. По правиламъ ихъ, они обязаны были, выходя на арену, принести клятву, что они провели въ упражненіяхъ не менѣе десяти мѣсяцевъ безъ перерывовъ и со всевозможнымъ усердіемъ; на самомъ дѣлѣ, они трудились больше; увлеченіе ихъ продолжается цѣлые годы и до самаго зрѣлаго возраста; они строго слѣдуютъ извѣстному порядку; ѣдятъ много и въ опредѣленные часы; мускулы свои они укрѣпляютъ при помощи банной скребницы и холодной воды; воздерживаются отъ наслажденій и возбужденій, обрекаютъ себя умѣренности. Многіе изъ нихъ возобновляли подвиги сказочныхъ героевъ. Милонъ, говорятъ, поднималъ и

*) Слова Павзанія.

носилъ на плечахъ своихъ быка и, хватая заднія колеса запряженной колесницы, останавливалъ ея движеніе. Надпись, начертанная на подножіи статуи Ѳаиллоса Кротонскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ однимъ скачкомъ перепрыгивалъ пространство въ пятьдесятъ пять футовъ и бросалъ на разстояніи девяноста пяти футовъ восьми фунтовой дискъ. Въ числѣ атлетовъ Пиндара есть чисто-великаны.

Замѣтьте, что въ греческой цивилизаціи эти чудныя тѣла — не рѣдкость, не продукты роскоши и, какъ въ настоящее время, безполезныя маковины на хлѣбной нивѣ; ихъ слѣдуетъ сравнить, напротивъ, съ болѣе высокими колосьями, виднѣющимися посреди богатой жатвы. Государство нуждается въ нихъ; общественные нравы требуютъ ихъ. Пригодность этихъ геркулессовъ не ограничивается однимъ парадомъ. Милонъ водилъ своихъ согражданъ въ битву, а Ѳаиллосъ былъ предводителемъ Кротонцевъ, когда тѣ отправлялись на помощь Грекамъ противу Персовъ. Полководецъ въ то время не былъ математикъ, располагающійся на высотѣ, съ картой и подзорной трубой; съ копьемъ въ рукахъ онъ сражался во главѣ своего отряда грудь съ грудью, какъ солдатъ. Мильтіадъ, Аристидъ, Периклъ и даже—много позднѣе—Агезилай, Пелопидъ, Пирръ участвуютъ не одной головой, но и руками въ битвѣ, чтобы рубить и отбивать удары, при нападеніяхъ пѣшкомъ или верхомъ, смѣшавшись въ безпорядочной толпѣ воиновъ; Эпаминондъ, политикъ и философъ, будучи смертельно раненъ, утѣшается, какъ простой солдатъ, тѣмъ, что его щитъ спасенъ. Побѣдитель противу пяти бойцевъ, Аратусъ, былъ послѣднимъ офицеромъ Греціи и не разъ пользовался своей ловкостью и силой въ устраиваемыхъ имъ вылазкахъ и нечаянныхъ нападеніяхъ; Александръ, вооруженный при Граникѣ, какъ истый гусаръ, первымъ вскочилъ, не хуже вольтижера, въ городъ Оксидраки. При рукопашномъ способѣ веденія войны и въ одиночку, сами цари считали завѣтнымъ идеаломъ своимъ —сдѣлаться хорошими атлетами. Присоедините

къ тому, чего трбеуетъ безопасность, побужденія, вызываемыя привлекательностью празднествъ; церемоніалы, какъ и битвы, требовали искусныхъ тѣлъ: невозможно было съ честью участвовать въ хорахъ, не побывавъ предварительно въ гимназіи. Я разсказывалъ, какъ поэтъ Софоклъ плясалъ нагой побѣдный пэанъ послѣ Саламинской битвы; къ концу IV-го вѣка, удерживались еще тѣ-же нравы. Александръ, прибывъ въ Трою, сбросилъ съ себя всю одежду, чтобы почтить Ахилла, обѣжавъ съ своими спутниками вокругъ колонны, указывавшей могилу героя. Нѣсколько далѣе, въ Ѳазелисѣ, увидя на общественной площади статую философа Ѳеодекта, онъ проплясалъ, послѣ ужина, вокругъ статуи и украсилъ ее вѣнками. Чтобы удовлетворить такимъ вкусамъ и такимъ потребностямъ, единственною школою была гимназія. Она походила на тѣ школы послѣднихъ столѣтій, куда наши благородные юноши шли учиться фехтованью, танцамъ и верховой ѣздѣ. Свободные граждане были дворяне древнихъ временъ; отсюда—тотъ только могъ быть свободнымъ гражданиномъ, кто посѣщалъ гимназію; при этомъ только условіи, можно было быть хорошо воспитаннымъ человѣкомъ *), иначе васъ причисляли къ ремесленникамъ и людямъ низкаго происхожденія. Платонъ, Хризиппъ, поэтъ Тимокреонъ были сперва атлетами; о Пиѳагорѣ разсказывали, что онъ остался побѣдителемъ и получилъ награду въ борьбѣ противу пяти; Эврипидъ былъ увѣнчанъ, въ качествѣ атлета, на элевзинскихъ играхъ. Клисѳенъ, тиранъ Сикіонскій, принимая у себя жениховъ своей дочери, выводилъ ихъ на ристалище, „съ тѣмъ—говоритъ Геродотъ—чтобы убѣдиться въ знатности ихъ рода и превосходствѣ воспитанія.“ Въ самомъ дѣлѣ, тѣло до конца сохраняло слѣды гимназическаго или рабскаго воспитанія; они видны были съ перваго взгляда по статности, походкѣ, движеніямъ, по умѣнью драпироваться, какъ нѣкогда отличался ловкій и облагороженный школою джентльмэнъ отъ неповоротливаго увальня и невзрачнаго работника.

*) Kalokagathos въ противоположность Basaunos.

Даже нагое и неподвижное тѣло грека свидѣтельствовало красотою своихъ формъ о тѣхъ упражненіяхъ, среди которыхъ развилось оно. Кожа его, загорѣвшая и отвердѣлая отъ солнца, масла, пыли, банной скребницы и холодныхъ купаній, не казалась нагою; она привыкла къ воздуху; взглянувъ на нее, чувствовалась вся мощь человѣка, ее носящаго; разумѣется, въ ней не замѣтишь трепета, она не похожа на мраморъ или на куриное мясо; то—здоровая ткань прекраснаго цвѣта, обличающаго свободную и мужественную жизнь. Агезилай, чтобы ободрить своихъ солдатъ, велѣлъ однажды раздѣть плѣнныхъ персовъ; взглянувъ на ихъ бѣлыя и нѣжныя тѣла, Греки расхохотались и пошли впередъ, полные презрѣнія къ своимъ противникамъ. Всѣ мускулы были крѣпки и упруги; ничто не было упущено изъ виду; различныя части тѣла находились въ равновѣсіи; локти, столь тощіе въ настоящее время, худыя и жесткія лопатки, отличались полнотой и находились въ полной соразмѣрности съ лядвеями и бедрами; учителя, какъ истые художники, упражняли тѣло, чтобы сообщить ему не только силу, упругость и быстроту, но также симетрію и изящество. „Умирающій Галлъ“, принадлежащій пергамской школѣ, показываетъ, при сравненіи его съ статуями атлетовъ, разстояніе, раздѣляющее неразвитое тѣло отъ тѣла развитаго; съ одной стороны—растрепанные клочками волоса, жесткіе какъ лошадиная грива, неуклюжія ноги и руки, толстая кожа, неразвитые мускулы, острые локти, вздутыя жилы, угловатыя очертанія, пересѣкающіяся линіи, словомъ чисто-животное тѣло здороваго дикаря; съ другой—всѣ облагороженныя формы, пята, прежде стоптанная и мягкая *), теперь сло-

*) См. архаическій Аполлонъ изъ бронзы въ Луврѣ и Эгипскія статуи.

жившаяся въ отчетливый овалъ, нога, прежде слишкомъ вытянутая и выдающая свое первоначальное происхожденіе, теперь изогнутая и болѣе упругая для прыжка; колѣнная чашка, суставы костей, весь остовъ—нѣкогда бугорчатый, теперь полусглаженный и слегка оттѣненный; линія плечъ, сперва горизонтальная и тяжелая, теперь изогнутая и смягченная; повсюду гармонія частей, которыя продолжаются и сливаются одна съ другою, подобно юности и свѣжести текущей жизни, столь же естественной и простой, какъ жизнь какого нибудь дерева или цвѣтка. Вы найдете множество мѣстъ въ Менексенѣ, Соперникахъ или Хармидѣ Платона, которыя на-лету схватываютъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній; молодой человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, хорошо и естественно распоряжается своими членами; онъ умѣетъ наклониться, выпрямиться, облокотиться плечомъ о колонну и во всѣхъ такихъ положеніяхъ быть столь же прекраснымъ, какъ статуя; подобно этому, какой-нибудь дворянинъ, временъ до революціи, всегда сохранялъ при поклонѣ, при нюханьи табака, при слушаніи ту чисто рыцарскую грацію, которую мы встрѣчаемъ на гравюрахъ и портретахъ. Но въ манерахъ, движеніи и позѣ грека вы видите не придворнаго человѣка, а питомца палестры. Вотъ вамъ одинъ изъ нихъ, нарисованный Платономъ такъ, какъ сложился онъ подъ вліяніемъ наслѣдственной гимнастики и избранной расы:

„Оно естественно, Хармидъ, если ты первенствуешь „предъ всѣми другими; ибо никто здѣсь, я думаю, не укажетъ съ меньшимъ затрудненіемъ двухъ семействъ въ Аѳинахъ, соединеніе которыхъ могло-бы породить кого-либо „прекраснѣе и лучше тѣхъ, которые дали тебѣ жизнь. Въ „самомъ дѣлѣ, твоя родная семья, семья Критія, сына Дропидова, прославлялась Анакреономъ, Солономъ и другими поэтами, какъ знаменитая красотой, добродѣтелью и всѣми „иными благами, дарующими счастье. Таково также было „и семейство твоей матери. Ибо никто, говорятъ, не казался прекраснѣе и величественнѣе дяди твоего Пирилампа, когда отправляли его посломъ къ какому-либо великому государю или иному лицу на землѣ; и вся эта другая семья ни въ чемъ не уступаетъ первой. Родившись „отъ такихъ родителей, естественно, что ты во всемъ—первый. И прежде всего, судя по тому, что видно по внѣшности, „дорогое дитя Глаукоса, ты, кажется мнѣ, не посрамишь „ни одного изъ твоихъ предковъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ Сократъ, „онъ казался мнѣ восхитительнымъ по росту и „красотѣ... Если онъ казался такимъ намъ, мужчинамъ, „это неудивительно; но я замѣтилъ, что между дѣтьми никто не глядѣлъ въ другую сторону, даже между самыми „маленькими..... и всѣ любовались имъ, какъ статуей бога.“ А. Херефонъ расхваливаетъ еще болѣе: „Какъ прекрасно лицо его, неправда-ли, Сократъ! Но еслибы онъ „пожелалъ раздѣться, лицо пошло-бы ни во что—до того формы его тѣла прекрасны.“

Въ этой небольшой сценѣ, которая переноситъ насъ далеко выше времени ея составленія, къ эпохѣ полной наготы тѣла, все знаменательно и драгоцѣнно. Тутъ видны и традиція крови, и вліяніе воспитанія, и общенародное стремленіе къ изящному—всѣ начала совершенной скульптуры. Гомеръ называетъ Ахиллесса и Нерея прекраснѣйшими изъ Грековъ, собравшихся въ Трою; Геродотъ указываетъ на Калликрата спартанца, какъ на красивѣйшаго изъ Грековъ, вооружившихся противъ Мардонія. Всѣ праздники боговъ, всѣ важнѣйшія церемоніи вызывали соревнованіе въ красотѣ. Въ Аѳинахъ избирались самые красивые старики, чтобы нести вѣтви на Панаѳинеяхъ; въ Элидѣ красавцы-мужчины должны были приносить жертвы богинѣ. Въ Спартѣ, въ гимнопедіяхъ, полководцы и знаменитыя личности, не отличавшіяся ростомъ и достаточно представительной внѣшностью, при шествіи хора, ставились въ заднія ряды. Лакедемонцы, по словамъ Ѳеофраста, присудили своего царя

Архидама къ пенѣ за то, что онъ избралъ себѣ малорослую жену, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что она будетъ давать имъ корольковъ (птица), а не королей. Павзаній нашелъ въ Аркадіи состязаніе въ красотѣ между женщинами, существовавшее уже около девяти столѣтій. Когда одинъ персъ, родственникъ Ксеркса и самый рослый изъ его войска, умеръ въ Ахантѣ, жители принесли ему жертвы, какъ полубогу Эгестяне воздвигли небольшой храмъ на могилѣ одного Кротонца, по имени Филиппа, бѣжавшаго къ нимъ, побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ, красивѣйшаго изъ Грековъ его времени, и еще при Геродотѣ приносили ему жертвы. Таково чувство, вскормленное воспитаніемъ и, дѣйствуя на него, въ свою очередь, поставившее ему цѣлью образованіе красоты. Конечно, Греки были красивы, но они систематически довели себя до этого; воля усовершенствовала природу, а ваяніе довершило то, чего природа, даже подъ вліяніемъ культуры, достигала лишь вполовину.

Итакъ, въ теченіе двухъ столѣтій, два учрежденія, содѣйствующія совершенствованію человѣческаго тѣла, оркестрика и гимнастика, возникли, развились, распространились вокругъ ихъ мѣста появленія, заняли весь греческій міръ, доставили орудіе войнѣ, украшеніе культу, эру хронологіи, предложили тѣлесное совершенство, какъ главную цѣль человѣческой жизни, и довели до распутства *) восхищеніе совершеннѣйшей формой. Медленно, постепенно и съ разстановкою, искусство, производящее статую изъ металла, дерева, слоновой кости или мрамора слѣдуетъ за воспитаніемъ, которое создаетъ живую статую. Оно не идетъ однимъ и тѣмъ-же шагомъ; будучи современнымъ воспитанію, искусство, въ продолженіи двухъ столѣтій, остается подчиненнымъ ему, простымъ подражателемъ. Объ истинѣ начали думать раньше, чѣмъ о подражаніи; дѣйствительнымъ тѣломъ интересовались прежде, чѣмъ тѣломъ искуственно воспроизведеннымъ; прежде заботились о составленіи хора и потомъ уже о его изваяніи. Всегда физическій или нравственный образецъ предшествуетъ творенію, воспроизводящему его; но между ними промежутокъ невеликъ; въ моментъ, когда создается произведеніе, необходимо, чтобы образецъ находился еще въ памяти у всѣхъ. Искусство есть гармоническое и нѣсколько усиленное эхо; оно получаетъ совершенную отчетливость и полноту именно въ тотъ моментъ, когда блѣднѣетъ жизнь, эхомъ которой оно служитъ. Таковы и были условія возникновенія греческаго ваянія; оно достигаетъ зрѣлости въ то время, когда оканчивается вѣкъ лиризма, въ теченіе полустолѣтія, слѣдовавшаго за Саламинской битвой, когда вмѣстѣ съ прозой, драмой и первыми философскими изслѣдованіями начинается новая культура. Тогда мгновенно искусство переходитъ отъ точнаго подражанія къ прекрасному вымыслу. Аристоклъ, Эгинскіе скульпторы, Онатъ, Канахъ, Пиѳагоръ изъ Регіи, Каламисъ, Агеладъ, еще весьма близко копировали дѣйствительную форму, подобно Вероккьо, Поллайоло, Гирландайо, Фра-Филиппо, подобно самому Перуджино; но въ рукахъ лучшихъ учениковъ ихъ: Мирона, Поликлета, Фидія, выдѣляется идеальная форма, какъ въ рукахъ Леонардо, Микель-Анджело и Рафаэля.

*) Распутство грековъ, неизвѣстное во времена Гомера, начинается, по всему вѣроятію, съ учрежденіемъ гимназій. См. Беккера, Chariclés (excursus).

III.

Религія. - Религіозное чувство въ V-мъ вѣкѣ —Аналогія между этимъ временемъ и эпохою Лаврентія Медичи.—Вліяніе первыхъ философовъ и физиковъ.—Отношеніе человѣка къ миѳамъ боговъ.—Чувство аѳинянина на великихъ Панаѳинеяхъ.- Хоры и игры.—Процессія.—Акрополь.—Эрехтейонъ и легенда про Эрехтея, Кекропса и Триптолема.—Парѳенонъ и легенда о Палладѣ и Посейдонѣ.—Паллада Фидія.—Характеръ статуи, впечатлѣніе зрителя, идея скульптора.

— —

Греческое ваяніе создало не однихъ только красивѣйшихъ людей. Оно создало также боговъ, и послѣдніе, по отзывамъ всѣхъ древнихъ писателей, были вѣнцомъ ихъ искусства. Къ глубокому чутью тѣлеснаго и атлетическаго совершенства у публики и лучшихъ художниковъ присоединялось своеобразное религіозное чувство, міросозерцаніе, въ настоящее время утраченное, особенный образъ пониманія, поклоненія и обоготворенія природныхъ и божественныхъ силъ. Вотъ этотъ-то особый родъ чувства и вѣры необходимо представить себѣ, если мы хотимъ проникнуть нѣсколько далѣе въ духъ созданій Поликлета, Агоракрита или Фидія.

Достаточно прочесть Геродота *), чтобы увидѣть, до какой степени, въ первой половинѣ V-го вѣка, была сильна у нихъ еще вѣра. Не только самъ Геродотъ, въ своемъ языческомъ заблужденіи, набоженъ, даже ханжа, до того, что не смѣетъ оказать предпочтеніе тому или иному изъ священныхъ именъ, раскрыть какую-нибудь легенду,

*) Геродотъ жилъ еще въ эпоху Пелопонезской войны; онъ говоритъ о ней въ своей кн. VII, 137 и въ кн. IX, 73.

но и весь народъ вноситъ въ свой культъ грандіозную и страстную торжественность, нашедшую себѣ, въ то же время, выраженіе въ стихахъ Эсхила и Пиндара. Боги ихъ живутъ тутъ-же, они говорятъ, ихъ можно видѣть, подобно лицамъ, служившимъ сюжетами для художниковъ XIII-го вѣка.—Когда послы Ксеркса были убиты Спартанцами, внутренности жертвъ возвѣстили недоброе, потому что убійство это оскорбило память славнаго посла Агамемнонова Тальѳибія, которому Спартанцы учредили культъ. Для умилостивленія боговъ, двое изъ спартанскихъ горожанъ, богатые и благородные, отправились въ Азію, чтобы предложить себя Ксерксу.—При появленіи Персовъ всѣ города обратились за совѣтомъ къ оракулу; онъ повелѣлъ Аѳинянамъ призвать на помощь своего зятя; тѣ вспомнили, что Борей похитилъ Оріѳію, дочь Эрехтея, ихъ древнѣйшаго предка, и выстроили ему портикъ близь Илисса. Въ Дельѳахъ богъ объявилъ, что будетъ самъ защищаться; небесный огнь ниспадаетъ на варваровъ, скалы отдѣляются отъ земли и давятъ ихъ, между тѣмъ какъ изъ храма Паллады-Пронои исходятъ голоса и воинственные клики, а два мѣстные героя неимовѣрнаго роста, Филакосъ и Аутоноосъ, окончательно обращаютъ въ бѣгство устрашенныхъ Персовъ.—Передъ Саламинской битвой, Аѳиняне привозятъ изъ Эгины, чтобы помогать имъ въ сраженіи, статуи Эакидовъ. Во время сраженія, путники, близь Элевзиса, видятъ пыль, поднимающуюся большимъ столбомъ, и слышатъ голосъ мистическаго Іакоса, идущаго на помощь Грекамъ. Послѣ битвы, въ благодарность богамъ, приносятся три корабля, взятые въ плѣнъ; одинъ изъ трехъ предназначался для Аякса, и изъ добычи высчитывается сумма денегъ, потребная для принесенія въ Дельѳахъ статуи въ двѣнадцать локтей. —Я никогда не кончу, если стану приводить перечень выраженій народной набожности; послѣдняя была очень еще пламенна спустя полустолѣтіе. Діопитъ, говоритъ Плутархъ, „издалъ законъ повелѣвающій доносить на тѣхъ,

„которые не признаютъ существованія боговъ или распростра„няютъ новыя ученія о небесныхъ явленіяхъ“. Аспазія, Анаксагоръ, Эврипидъ были часто тревожимы и преслѣдуемы, Алкивіаду присудили смертную казнь, Сократъ былъ осужденъ на смерть за подозрѣніе или улику въ преступленіи противу набожности; народное негодованіе было ужасно противъ тѣхъ, которые обезобразили или перебили статуи Меркуріевъ. Конечно, въ этихъ подробностяхъ видно, въ одно и тоже время, и отстаиваніе древней вѣры, и появленіе скептицизма: вокругъ Перикла, какъ вокругъ Лаврентія Медичи, былъ собранъ небольшой кружокъ мыслителей и философовъ, въ среду котораго былъ допущенъ Фидій, какъ позднѣе—Микель-Анджело. Но въ то и другое время, традиція и легенда всецѣло занимали и полновластно руководили воображеніемъ и поступками. Когда эхо философскихъ бесѣдъ касалось ума, наполненнаго живописными образами, оно лишь очищало и возвышало въ немъ представленія боговъ. Новая мудрость не уничтожала вѣры, она истолковывала её и приводила къ ея основанію—поэтизаціи природныхъ силъ. Грандіозныя гаданія первыхъ физиковъ оставляли міръ столь-же живымъ и придавали ему еще болѣе величественности; быть можетъ, только благодаря тому, что Фидій слышалъ разсказы Анаксагора о всемірномъ всеобъемлющемъ разумѣ (νοῦς), могъ онъ постигнуть и создать своего Юпитера, Палладу, божественную Афродиту, и довершить, какъ говорили Греки, величіе боговъ.

Чтобы обладать миѳологическимъ инстинктомъ, нужно быть способнымъ сквозь опредѣленную форму легендарнаго бога распознавать великія первичныя и всеобъемлющія силы, давшія ему начало. Тотъ навсегда останется сухимъ и ограниченнымъ язычникомъ, кто за личнымъ образомъ языческаго бога не видитъ въ нѣкоторомъ свѣтѣ физическую или нравственную силу, символомъ которой служитъ этотъ образъ. Это качество не было утрачено еще во времена Кимона и Перикла. Сравнительныя изслѣдованія миѳологій недавно открыли, что греческіе миѳы, родственные санскритскимъ, въ началѣ выражали лишь дѣйствія силъ природы и что изъ физическихъ элементовъ и явленій, ихъ разнообразія, богатства, красоты, языкъ, мало по малу, составилъ себѣ боговъ. Въ основѣ политеизма лежитъ чутье живой, безсмертной, созидающей природы, и это чутье остается навсегда. Божественное проникало собою все; къ нему обращались съ рѣчью; часто у Эсхила и Софокла человѣкъ обращается къ веществамъ природы, какъ къ святымъ существамъ, съ которыми онъ соединенъ, чтобы вмѣстѣ вести великій хоръ жизни. Филоктетъ, уѣзжая, кланяется „журчащимъ нимфамъ источниковъ, сильному голосу моря, ударяющагося о свои берега“.—„Прощай, земля Лемносъ, окруженная туманомъ; возврати меня невредимо, счастливо доставь меня туда, куда ведетъ меня могущественный Рокъ.“ Прометей, пригвожденный къ своей скалѣ, призываетъ къ себѣ всѣ великія существа, населяющія пространство: „О божественный эѳиръ, быстрые вѣтры, струи рѣкъ, безконечная улыбка морскихъ валовъ; о земля, всемірная мать; солнечный кругъ, видящій все,—зову васъ, взгляните, какія мученія выноситъ богъ отъ руки боговъ!“ Зрителямъ остается лишь слѣдовать за своимъ лирическимъ воодушевленіемъ, чтобы открыть первичныя метафоры, которыя—безъ ихъ вѣдома—послужили зародышемъ ихъ религіи. „Чистое небо, говоритъ Афродита въ одной затерянной піесѣ Эсхила, любитъ спускаться на землю, и амуръ избираетъ ее въ супруги; дождь, ниспадающій съ неба-зиждителя, оплодотворяетъ землю и тогда она рождаетъ для смертныхъ кормъ стадамъ и зерно Деметры *).“ Чтобы понять этотъ языкъ, намъ стоитъ лишь

*) Тоже чувство сохранилось или вызвано при посредствѣ философскаго воспитані у Виргилія:

Tunc pater omnipotens fecundis imbribus oether,
Conjugis in gremium loetoe descendit et omnes
Magnus alit, magno commixtus corpore, foetus.

выйти изъ нашихъ искусственныхъ городовъ и нашей выровненной культуры; кто пойдетъ одинъ въ какую-нибудь гористую страну, на берега моря, и отдастся всецѣло впечатлѣнію нѣмой природы, тотъ скоро заговоритъ съ ней; она оживаетъ для него, какъ физіономія человѣка; горы, неподвижныя и грозныя, превращаются въ лысыхъ великановъ или въ громадныя чудовища; воды, извивающіяся и прядающія—въ веселыя существа, болтливыя и смѣющіяся; большія, молчаливыя сосны похожи на суровыхъ дѣвъ, а когда онъ взглянетъ на южное море, лазурное, сіяющее, разряженное, какъ на праздникъ, съ всеобъемлющей улыбкой, о которой только что говорилъ Эсхилъ,—ему невольно захочется выразить сладострастную красоту, безконечность которой окружаетъ и проникаетъ его, назвать богиню, рожденную изъ пѣны, которая, выйдя изъ волны, очаровала сердце смертныхъ и боговъ.

Если народъ чувствуетъ божественную жизнь естественныхъ вещей, ему нетрудно распознать ту глубь природы, откуда исходятъ его боги. Въ лучшую пору ваянія эта природная основа явно проглядывала еще изъ-подъ человѣческой личины, которою легенда выражала эту основу. Есть божества, именно боги потоковъ, лѣсовъ и горъ, которые навсегда остались призрачными. Наяда или ореада была молодая дѣвушка, подобная той, которая сидитъ на скалѣ въ прорѣзахъ Олимпіи (въ Луврѣ); по крайней мѣрѣ, скульптурно-изобразительное воображеніе передавало ее такимъ образомъ; но названіе ея вызывало воспоминаніе таинственной торжественности тихаго лѣса или свѣжести брызжущаго источника. У Гомера, поэмы котораго были священными книгами Грековъ, претерпѣвшій крушеніе Улиссъ, послѣ двухъ-дневнаго плаванія, прибываетъ къ устью прекрасно-струистой рѣки и говоритъ ей: „Услышь меня, о повелитель, кто бы ты ни былъ; я прибѣгаю къ тебѣ съ пламенной мольбой и бѣгу прочь отъ моря, страшась Посейдонова гнѣва... Сжалься, о повелитель—я твой вѣдь молельщикъ. Онъ произнесъ эти слова, и укротилась рѣка, остановивъ свое теченіе и волны, и с т а л а н е п о д в и ж н о передъ Улиссомъ, принявъ его въ свое устье.“ Очевидно, что богомъ здѣсь является не какое-нибудь лицо, скрытое въ гротѣ, но сама быстро текущая рѣка, большой потокъ, тихій и гостепріимный. Подобно этому, рѣка-же является раздраженною противу Ахилла: „Произнеся это, Ксанѳъ ринулся на него, закипѣвъ отъ ярости, съ шумомъ, полный пѣны, крови и труповъ. И грозная волна рѣки, вышедшей отъ Зевса, вздымалась высоко, увлекая за собою Пелеева сына... Тогда Гефестъ обратилъ противу рѣки свое ослѣпительное пламя, и загорѣлись вязы, ивы и тамарисы; и лотосъ горѣлъ, и шпажникъ, и кипарисъ, что обильно росли вокругъ прекрасно-струистой рѣки; угри и рыбы плавали то тамъ, то сямъ, ныряя въ волнахъ, преслѣдуемые жгучимъ вѣтромъ Гефеста, и ослабѣла сила самой рѣки, и воскликнула она: Гефестъ, никто изъ боговъ не дерзнетъ бороться съ тобой. Уймись-же.—Она проговорила это, пылая огнемъ, и кипѣли ея свѣтлыя воды.“ Спустя шесть столѣтій, Александръ, отправляясь на войну противъ Гистаспа, стоя на носу корабля, принесъ молитвы рѣкѣ, другой рѣкѣ—ея сестрѣ и Инду, который принималъ въ себя ихъ обѣихъ и куда ему самому нужно было войти. Для человѣка простаго и непосредственнаго, какая-нибудь рѣка, особенно неизвѣстная, является сама по себѣ какой-то божественной силой; передъ нею человѣкъ чувствуетъ себя въ присутствіи существа вѣчнаго, вѣчно движущагося, то благодатнаго, то истребляющаго, необъятнаго вида и формъ; это безпрерывное правильное теченіе даетъ ему мысль о жизни покойной и мужественной, но величественной и сверхчеловѣческой. Въ вѣка упадка, въ статуяхъ, подобныхъ Тибру и Нилу, древніе скульпторы не забыли еще первичнаго выраженія, и широкій торсъ, покойное положеніе, смутный взглядъ статуи показываютъ, что при посредствѣ этой

человѣческой формы они все-таки желали выразить чудное однообразное и равнодушное теченіе великой воды.

Иной разъ названіе бога указываетъ на самую природу его. Гестія означаетъ очагъ: никогда богиня эта не могла быть совершенно отдѣлена отъ священнаго пламени, которое служило средоточіемъ домашней жизни. Деметра означаетъ землю-матушку, и обычные при служеніяхъ эпитеты именуютъ ее черной, глубокой и подземной, кормилицей юныхъ существъ, носительницей плода, зеленой. Солнце у Гомера является отдѣльнымъ отъ Аполлона богомъ, личность нравственная смѣшивается въ немъ съ физическимъ свѣтомъ. Множество другихъ божествъ: Горы — времена года, Дике — правосудіе, Немезида — укрощеніе, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, вносятъ въ душу поклонника и свое значеніе. Я назову лишь Эрота, бога любви, чтобы показать, какимъ образомъ свободный и проницательный умъ грека соединилъ въ одномъ чувствѣ поклоненіе божественной личности и обоготвореніе природной силы. „Амуръ, говоритъ Софоклъ, непобѣдимый въ битвѣ, Амуръ, передъ которымъ повергаются въ прахъ и мо-„гущество, и деньги, — ты пріютился на нѣжныхъ „щечкахъ молодой дѣвушки; ты переплываешь „моря, не брезгаешь самой невзрачной лачужкой, и нѣтъ „ни одного изъ смертныхъ и изъ небожителей, который „могъ-бы ускользнуть отъ тебя.“ Нѣсколько позднѣе, въ устахъ гостей Платоновскаго „Пира,“ судя по разнообразнымъ толкованіямъ имени, природа бога нѣсколько измѣняется. По мнѣнію однихъ, такъ какъ любовь означаетъ симпатію и согласіе, то Амуръ — богъ, власть котораго распространена повсемѣстно, и — по словамъ Гезіода — онъ творецъ всякаго порядка и гармоніи на землѣ. Другіе полагаютъ, что онъ — младшій изъ боговъ, такъ какъ старость исключаетъ любовь; онъ нѣжнѣе всѣхъ, потому что область его дѣятельности, мѣста, на которыхъ онъ останавливается, — отличаются особенной нѣжностью: это сердца

людей и тѣхъ лишь, которые теплѣе и мягче; онъ весь состоитъ изъ какой-то жидкой и тонкой матеріи, потому что онъ входитъ въ души людей и оставляетъ ихъ, не будучи замѣченъ никѣмъ; онъ подобенъ цвѣтку, потому что живетъ онъ посреди цвѣтовъ и благоуханій. По мнѣнію иныхъ, наконецъ, амуръ, будучи желаніемъ и потому обнаруживая недостатокъ въ чемъ-либо, является сыномъ Нищеты, исхудалымъ, грязнымъ, босымъ, отдыхающимъ подъ открытымъ небомъ, но стремящимся къ прекрасному, и потому горделивымъ, дѣятельнымъ, изобрѣтательнымъ, постояннымъ, мыслящимъ. Миѳъ возникаетъ самъ изъ себя и мелькаетъ подъ двадцатью формами въ рукахъ Платона. — Въ рукахъ Аристофана облака превращаются на мгновеніе въ божества почти правдоподобныя, и если мы прослѣдимъ, въ теогоніи Гезіода, полу-обдуманное, полу-невольное смѣшеніе, допускаемое имъ между божественными личностями и силами природы *), если замѣтимъ, что онъ насчитываетъ „тридцать тысячъ боговъ-хранителей на землѣ-кормилицѣ,“ если мы вспомнимъ, что Ѳалесъ, первый физикъ и первый философъ, говорилъ, что все произошло изъ влаги и, въ тоже время, полно божественнаго, — если сообразимъ все это, то постигнемъ глубокое чувство, поддерживавшееся тогда греческой религіей, высокую трогательность, восхищеніе и глубокое почтеніе, съ какими грекъ провидѣлъ, подъ образами своихъ боговъ, безконечныя силы живой природы.

Правду говоря, не всѣ они были, въ одинаковой степени, воплощены въ видимыхъ предметахъ. Были между ними и такіе — именно изъ самыхъ популярныхъ, которые подъ упорнымъ вліяніемъ легендарной передѣлки выдѣлились и сложились въ совершенно отдѣльныя лица. Олимпъ грековъ можно уподобить оливковому дереву къ концу лѣта.

---

*) См. въ особенности происхожденіе различныхъ боговъ въ Теогоніи. Его мысль колеблется повсюду между космологіей и миѳологіей.

Смотря по мѣсту и высотѣ вѣтвей, плоды оказываются болѣе или менѣе созрѣвшими; одни изъ нихъ, едва сложившіеся еще, состоятъ изъ одного лишь пестика и тѣсно связаны съ существованіемъ дерева; другіе уже спѣлые держатся еще на вѣткѣ; наконецъ, иные, достигшіе полной зрѣлости, падаютъ на землю, и надобно нѣкоторое вниманіе, чтобы узнать ту вѣточку, къ которой они были прикрѣплены. Подобно этому, и Олимпъ грековъ, смотря по степени, въ какой были гуманизированы силы природы, представляетъ, на различныхъ ступеняхъ своихъ: то божества, физическій характеръ которыхъ преобладаетъ надъ личностью, то божества, въ которыхъ уравновѣшены оба естества, то наконецъ божества, въ которыхъ богъ, сдѣлавшійся человѣкомъ, связанъ лишь нѣсколькими нитями, подчасъ одной, едва замѣтной, съ той основной силой, которая дала начало ему. Однакожъ, онъ не отдѣляется отъ нея. Зевсъ, являющійся въ Иліадѣ главой царственной семьи, а въ Прометеѣ—царемъ-узурпаторомъ и тираномъ, остается, однакоже, во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ, чѣмъ онъ былъ сначала,—небомъ, извергающимъ дождь и молнію; священныя прозвища, старинныя изрѣченія указываютъ его первичную природу: потоки „падаютъ изъ него,“ „Зевсъ низвергаетъ ливни.“ На Критѣ его имя означаетъ день; позднѣе, въ Римѣ, Энній говоритъ, что онъ—та „божественно-пламенная бѣлизна, которой всѣ поклоняются подъ именемъ Юпитера.“ Изъ Аристофана видно, что для крестьянъ, для народа, для людей простыхъ и нѣсколько устарѣвшихъ, онъ продолжаетъ оставаться тѣмъ, который „орошаетъ нивы и даетъ жатву на поляхъ“. Когда какой-нибудь софистъ говоритъ имъ, что нѣтъ Зевса, они приходятъ въ удивленіе и спрашиваютъ: кто-же производитъ громъ и проливаетъ дожди (Tis uei? tis o brontôn)? Онъ низвергнулъ Титановъ, чудовищнаго стоглаваго дракона Тифаона, черныя испаренія, которыя, родившись изъ земли, переплетались подобно змѣямъ и наполняли собою сводъ неба. Онъ

живетъ на вершинахъ горъ, которыя касаются неба, тамъ, гдѣ сбираются тучи, раздаются громы; это—Олимпійскій Зевсъ, Зевсъ Итомы, Зевсъ Гиметты. Въ сущности, какъ и всѣ боги, онъ множественъ, тѣсно привязанъ къ различнымъ мѣстамъ, гдѣ человѣческое сердце лучше всего почувствовало его присутствіе, къ различнымъ городамъ и даже семействамъ, которые, открывъ его на своемъ горизонтѣ, присвоили его себѣ и поклонялись ему, какъ богу. „Клянусь тебѣ, говоритъ Текмессъ, „Зевсомъ твоего очага.“ Чтобы точнѣе представить религіозное чувство грека, нужно вообразить себѣ долину, морской берегъ, всякаго рода первобытный пэйзажъ, среди котораго поселилось племя; оно признаетъ за божественныя существа не небо вообще, не вселенную землю, а свое небо съ его горизонтомъ, окаймленнымъ горами, свою землю, на которой оно живетъ, тѣ лѣса и тѣ текучія воды, посреди которыхъ проходитъ его жизнь; оно имѣетъ своего Зевса, своего Посейдона, свою Геру, своего Аполлона, своихъ лѣсныхъ и водяныхъ нимфъ. Въ Римѣ, въ религіи котораго лучше сохранился первичный складъ, Камиллъ говорилъ: „Въ „этомъ городѣ нѣтъ мѣста, которое не освящено было бы „религіей и не было бы занято какимъ либо божествомъ.“— „Не боюсь я боговъ вашей страны, говоритъ одно лицо у Эсхи„ла, я имъ не долженъ ничего.“ Собственно говоря, каждый изъ боговъ локализированъ *); такъ какъ, по происхожденію своему, онъ ничто иное, какъ сама страна; вотъ почему въ глазахъ грека городъ его имѣетъ священное значеніе, и его божества составляютъ одно цѣлое съ его городомъ. Когда онъ привѣтствуетъ ихъ, возвратясь съ дороги, то не въ силу какого-то поэтическаго побужденія, какъ Танкредъ; онъ не испытываетъ, подобно современному намъ человѣку, только удовольствіе при видѣ знакомыхъ

*) Фюстель-Куланжа, Гражданская община античнаго міра. Перев Е. Корша. М. 1867. Другой переводъ Н. Ламанскаго изданъ въ Петербургѣ въ 2-хъ вып., въ 1867-69 гг.

предметовъ и вслѣдствіе возвращенія домой; его берегъ, родныя горы, стѣны, окаймляющія границы его родины, торныя дорожки, гробницы, въ которыхъ хранятся кости и черепа героевъ-основателей, все окружающее, составляетъ для него своего рода храмъ. „Аргосъ и вы, боги-покровители, говоритъ Агамемнонъ, „васъ я долженъ привѣтст-„вовать прежде всего,—вы помогли благополучному возвра-„ту моему и мщенію, разразившемуся надъ городомъ При-„ама.“ Чѣмъ ближе присматриваешься, тѣмъ серьезнѣе находишь ихъ чувство, тѣмъ справедливѣе ихъ вѣрованіе, тѣмъ основательнѣе ихъ культъ; лишь много позднѣе, въ эпоху распущенности и упадка, сдѣлались они вполнѣ идолопоклонниками. „Если мы представляемъ себѣ боговъ въ „образѣ человѣческомъ, говорили они, то потому лишь, что „и нѣтъ вѣдь болѣе прекрасной формы.“ Но изъ-за этой формы выраженія, предъ ними мелькали, какъ въ сновидѣніи, общія силы, руководящія вселенной и духомъ.

Прослѣдимъ одно изъ ихъ торжественныхъ шествій, именно великія панаѳинеи, и постараемся представить себѣ мысли и ощущенія какого-нибудь аѳинянина, который, участвуя въ кортежѣ, приближался къ своимъ богамъ. Празднество происходило въ началѣ сентября. Въ теченіе трехъ дней, весь городъ наслаждался играми, сперва въ Одеонѣ —всей роскошью оркестрики, декламаціей Гомеровскихъ стиховъ, состязаніемъ въ пѣніи, игрѣ на флейтѣ и цитрѣ, хорами нагихъ юношей, пляшущихъ пиррическій танецъ или разряженныхъ и образующихъ циклическій хоръ; затѣмъ, на ристалищѣ—всѣми упражненіями нагого тѣла, борьбой, кулачнымъ боемъ, пятиборствомъ между мужчинами и дѣтьми; простымъ и двойнымъ бѣгомъ нагихъ мужчинъ и вооруженныхъ, бѣгомъ съ факелами, лошадинымъ бѣгомъ, на колесницахъ въ двѣ или четыре лошади, на обыкновенной колесницѣ и на боевой, съ двумя сѣдоками, изъ которыхъ одинъ соскакивалъ на землю, слѣдовалъ на всемъ скаку за лошадьми и затѣмъ однимъ прыжкомъ занималъ

прежнее мѣсто. По выраженію Пиндара, „боги были друзьями игръ,“ и невозможно было болѣе достойнымъ образомъ почтить ихъ, какъ доставивъ это зрѣлище.—На четвертый день, шествіе, изображеніе котораго сохранилось на одной изъ фризъ Парѳенона, начинало двигаться; во главѣ находились жрецы, старики, избранные изъ самыхъ красивыхъ, дѣвушки изъ лучшихъ семействъ, выборные отъ союзныхъ городовъ съ дарами, затѣмъ, метеки съ вазами и утварью изъ золота и чеканнаго серебра, пѣшіе атлеты или на коняхъ и колесницахъ, длинный рядъ жертвоприносителей и самихъ жертвъ, наконецъ народъ въ праздничныхъ одеждахъ. Священное судно приводилось въ движеніе, неся на мачтѣ покрывало Паллады, вышитое для нея молодыми дѣвушками, выросшими въ Эрехтейонѣ. Выйдя изъ гончарной улицы, шествіе отправлялось въ Элевзисъ, обходило его кругомъ *), направлялось къ Акрополю, къ сѣверу и востоку, и останавливалось передъ ареопагомъ. Тамъ снимали покрывало и подносили его богинѣ, и кортежъ поднимался по громадной мраморной лѣстницѣ во сто футовъ длиною и семьдесятъ шириною, которая вела къ Пропилеямъ, преддверью Акрополя. Подобно углу въ старой Пизѣ, гдѣ нагромождены соборъ, наклоненная башня, Campo santo и Баптистерія, эта обрывистая и всецѣло посвященная богамъ площадка исчезаетъ подъ священными памятниками, храмами, часовнями, колоссами, статуями; но съ высоты своихъ 400 футовъ она господствуетъ надъ всей страной; въ промежуткѣ между колоннами и угломъ зданій, образуемомъ профилемъ ихъ на небѣ, Аѳиняне видятъ половину своей Аттики, кругъ обнаженныхъ горъ, опаленныхъ знойнымъ лѣтомъ блестящее море, окаймленное матовыми линіями береговъ, всѣ великіе вѣчные предметы, отъ которыхъ берутъ начало и самые ихъ боги. Пентеликъ (гора), съ его алтарями и отдаленной статуей Аѳи-

*) Beulé, l'Acropole d'Athènes.

ны-Паллады, Гиметтъ и Анхезмъ, гдѣ колоссальныя изобра-
женія Зевса служатъ новымъ свидѣтельствомъ первобытнаго
родства между гремящимъ небомъ и горными вершинами.

Они относили покрывало въ Эрехтейонъ, самый вели-
чественный изъ храмовъ, истинное хранилище палладіума,
упавшаго съ неба, гробницы Кекропса и священной оливы,
прародительницы всѣхъ остальныхъ. Тамъ всякая легенда,
каждый обрядъ, всѣ имена боговъ пробуждали въ умѣ
смутное и величественное воспоминаніе о временахъ первой
борьбы и первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ на поприщѣ циви-
лизаціи человѣчества. Въ полумракѣ миѳа, человѣкъ про-
видѣлъ древнюю и обильную борьбу воды, суши и огня,
землю, выплывающую изъ воды, оплодотворенную впервые,
покрывающуюся прекрасными растеніями, сѣменами и пло-
довыми деревьями, населяемую и гуманизируемую подъ ру-
кою таинственныхъ силъ, которыя побѣждаютъ элементы
дикой жизни и, сквозь ихъ хаотическое состояніе, бросаютъ
первыя сѣмена умственной силы. Основатель-Кекропсъ сим-
воломъ своимъ имѣлъ одноименное съ собою существо—куз-
нечика (Kerkops), рожденнаго—какъ полагали—изъ земли,
аѳинское—если только оно дѣйствительно гдѣ-либо сущест-
вовало—насѣкомое, мелодическое и худое, живущее на су-
хихъ холмахъ; аѳинскіе старики носили изображеніе его
на своихъ волосахъ. На ряду съ нимъ, первый изобрѣта-
тель, Триптолемъ, сѣятель зернъ, отцемъ своимъ имѣлъ
Діолоса, двойную борозду, а дочерью—Гордису, ячмень.
Легенда объ Эрехтеѣ, великомъ праотцѣ, еще знаменатель-
нѣе. Между явленіями дѣтски-непосредственнаго вообра-
женія, наивно и причудливо выражающаго его рожденіе,
имя это, означающее плодородную землю, имена его дочерей
—чистый воздухъ, роса и обильная роса,—напоминаютъ
сухую землю, оплодотворенную ночной влагой. Многочисленныя
мелочи самаго культа окончательно уясняютъ этотъ первич-
ный смыслъ. Молодыя дѣвушки, вышивавшія покрывало, на-
зываются Эррефорами, носительницами росы; ночью онѣ от-

правляются въ пещеру, находящуюся близъ храма Афро-
диты, чтобы принесть символы росы. Талло, сезонъ цвѣтовъ,
Карпо, сезонъ плодовъ, составляющіе предметъ поклоненія
неподалеку оттуда-же,—новыя имена боговъ, связанныхъ съ
земледѣліемъ. Всѣ эти весьма выразительныя имена глубоко за-
печатлѣли свое значеніе въ умѣ аѳинянина; онъ чуялъ подъ ни-
ми скрытую и неуловимую исторію своего племени; убѣжден-
ные въ томъ, что тѣни ихъ родоначальниковъ и предковъ
продолжаютъ жить вокругъ могилы и покровительствуютъ
тѣмъ, кто почитаетъ ихъ гробницы, они приносили имъ
пироги, медъ, вино и, поднося свои приношенія, обнимали
однимъ взглядомъ прошлое и будущее долгой жизни род-
наго города и сливали въ своихъ надеждахъ то и другое.

Выйдя изъ древняго святилища, въ которомъ первобыт-
ная Паллада красовалась подъ одной кровлей съ Эрех-
теемъ, аѳинянинъ видѣлъ почти передъ собою новый храмъ,
воздвинутый Иктиніемъ, гдѣ она оставалась уже одна и
гдѣ все свидѣтельствовало о ея славѣ. Чѣмъ она была во
времена первобытныя—теперь она едва предчувствовала; ея
физическія начала изгладились подъ развитіемъ ея нравст-
венной личности; но энтузіазмъ есть своего рода всепрони-
кающая прозорливость, и потому легендарные отрывки, свя-
щенныя принадлежности, традиціонные эпитеты позволяютъ
взору проникнуть въ даль временъ, откуда вышла она. Она
была извѣстна, какъ дочь Зевса, неба-громовержца саморож-
деннаго; она вышла изъ чела его посреди молній и обща-
го смятенія стихій; Геліосъ остановился; земля и Олимпъ
потряслись, море взволновалось, золотой дождь, ослѣпитель-
ные лучи излились на землю. Вѣроятно, въ началѣ, первые
люди, подъ ея именемъ, поклонялись яркости освѣщеннаго
воздуха; передъ этой мгновенно являющейся дѣвственной
бѣлизной они падали ницъ, очарованные раздражающей
свѣжестью грозы; они уподобили ее молодой, энергической
дѣвушкѣ *) и назвали Палладой. Но въ Аттикѣ, гдѣ про-

*) Таковъ, повидимому, первоначальный смыслъ слова: Паллада.

зрачность и блескъ чистаго эѳира лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, она сдѣлалась Аѳиной, аѳинянкой. Другое изъ древнѣйшихъ ея прозвищъ Тритогенія, рожденная изъ воды, напоминаетъ также, что она рождена изъ небесныхъ водъ или изъ сверкающаго отблеска волнъ. Другія черты ея происхожденія: цвѣтъ ея сѣро-зеленыхъ глазъ и выборъ птицы, совы, зрачки которой—ночь—являютъ изъ себя всепроникающій свѣтъ. Личность ея обрисовывалась постепенно, а съ нею росла и ея исторія. Ея бурное рожденіе сдѣлало ее воинственною, вооруженною, ужасною спутницею Зевса въ его битвахъ съ возмутившимися Титанами. Какъ дѣва и прототипъ чистаго свѣта, она мало по малу превратилась въ мысль и разумъ, и ее прозвали богинею художествъ, потому что она изобрѣла искусства; наѣздницей,—потому что она укротила лошадь; спасительницей,—потому что она излѣчивала недуги. Всѣ ея благодѣянія и всѣ ея побѣды были изображены на стѣнахъ, и глаза, отъ фронтона храма переносившіеся на необъятный пэйзажъ, обнимали, въ одно и тоже мгновеніе, два религіозные момента, истолковывающіе другъ друга и слившіеся въ душѣ силою высокаго чувства совершеннѣйшей красоты. Съ южной стороны, на горизонтѣ, они видѣли безконечное море,—Посейдона, который обнимаетъ и потрясаетъ землю, лазурнаго бога, схватывающаго руками своими берегъ и острова, и въ тоже время, они находятъ его подъ западнымъ вѣнцомъ Парѳенона, стоящаго во весь ростъ, яростнаго, выставляющаго свой мускулистый торсъ, свое могучее нагое тѣло съ какимъ-то гнѣвнымъ движеніемъ раздраженнаго бога, тогда какъ позади его Амфитрита, Афродита, почти нагая, на колѣняхъ Ѳаласса, Латона съ двумя своими дѣтьми, Левкотоя, Галлиротіосъ, Эврита, волнующимися выпуклостями своихъ дѣтскихъ или женскихъ формъ даютъ почувствовать впечатлѣніе граціи, игры красокъ, свободы, вѣчной улыбки моря. На томъ же кускѣ мрамора торжествующая Паллада удерживаетъ коней, которыхъ Посейдонъ однимъ

ударомъ трезубца вывелъ изъ земли, и направляется съ ними къ божествамъ суши—къ основателю Кекропсу, къ прародителю Эрехтею, человѣку земли, къ его тремъ дочерямъ, которыя увлажаютъ изсохшую почву, къ прекрасному источнику Каллиргое и маленькой тѣнистой рѣчкѣ Илиссу; налюбовавшись ихъ изображеніями, глазу стоитъ лишь взглянуть внизъ, чтобы увидѣть ихъ самихъ у подножія площадки.

Но Паллада сама освѣщала лучами своими все пространство вокругъ: ненужны были искусственные рефлексы и наука, достаточно было обладать глазами и сердцемъ поэта или художника, чтобы подмѣтить сродство богини съ окружающими предметами, чтобы почувствовать ея присутствіе въ великолѣпіи освѣщеннаго воздуха, въ блескѣ мелькающаго свѣта, въ чистотѣ этого легкаго воздуха, вліянію котораго сами Аѳиняне приписывали живость своей изобрѣтательности и своего генія; сама она была геніемъ страны, олицетвореніемъ народнаго духа; ея-то дары, ея вдохновеніе, ея созданіе видѣли они повсюду вокругъ себя, на сколько хватало зрѣніе,—на поляхъ, усаженныхъ оливковыми деревьями и испещренныхъ растительностью, на склонахъ холмовъ, въ трехъ гаваняхъ, гдѣ дымились арсеналы и толпились корабли, въ длинныхъ и крѣпкихъ стѣнахъ, которыми городъ соединялся съ моремъ, въ красотѣ самого города, въ его храмахъ, гимназіяхъ, театрахъ, его площади, во всѣхъ воздвигнутыхъ памятникахъ и многочисленныхъ домахъ; ими покрыта поверхность и склоны холмовъ; наконецъ, при посредствѣ ея-же даровъ, выразившихся въ ихъ искусствахъ, ремеслахъ, празднествахъ, ихъ изобрѣтательности, ихъ неутомимой храбрости, сдѣлавшейся „школою для всей Греціи,“—при посредствѣ всего этого, распространила она свое господство на все Средиземное море и свою властъ надъ всѣмъ народомъ.

Въ эту минуту, двери Парѳенона могли открыться и выставить, въ числѣ приношеній, вазы, вѣнки, доспѣхи,

колчаны, серебрянныя маски, наконецъ—колоссальное изображеніе, покровительницу, дѣву, побѣдоносную, стоящую неподвижно во весь ростъ, съ копьемъ на плечѣ и щитомъ при боку, держа въ правой рукѣ символъ побѣды изъ золота и слоновой кости, съ золотымъ щитомъ на груди и узкимъ золотымъ шлемомъ на головѣ, въ длинномъ золотомъ одѣяніи разнообразныхъ оттѣнковъ; ея лицо, ноги, руки, плечи, рѣзко выдѣляются посреди блеска оружія; одежды сіяютъ жаркой, живой бѣлизной слоновой кости, яркіе глаза ея изъ драгоцѣннаго блестящаго камня неподвижно горятъ въ полу-свѣтѣ разрисованной cella. Конечно, представляя себѣ ея ясное, божественное выраженіе, Фидій воображалъ предъ собою какую-нибудь силу, переступающую обычные человѣческіе предѣлы, одну изъ тѣхъ всеобъемлющихъ силъ, которыя управляютъ теченіемъ вещей, —живой разумъ, составлявшій въ Аѳинахъ душу страны. Быть можетъ, ужъ не чуялось-ли ему въ душѣ эхо новѣйшей физики и философіи, которыя, смѣшивая еще духъ и матерію, разсматривали мысль, какъ „легчайшую и чистѣйшую изъ субстанцій", нѣчто въ родѣ тонкаго эѳира, распространеннаго повсюду для произведенія и поддерживанія порядка въ мірѣ*); такъ сложилась въ немъ идея еще болѣе высокая, чѣмъ идея народная; его Паллада превосходила Эгинскую —столь торжественную уже—всѣмъ великолѣпіемъ безсмертныхъ созданій.—Сдѣлавъ довольно длинный обходъ и пройдя нѣсколько все болѣе и болѣе сближающихся круговъ, мы прослѣдили всѣ начала греческой статуи и пришли наконецъ къ пустому пространству, которое замѣтно и теперь еще,—пространству, на которомъ возвышалось ея подножіе и откуда исчезла ея величественная форма.

---

*) Сохранившійся текстъ Анаксагора. Фидій слушалъ Анаксагора у Перикла, какъ Микель-Анджело слушалъ платониковъ временъ Возрожденія у Лаврентія Медичи.